

РЫЖАЯ СОНЯ

РЫЖАЯ СОНЯ
И ПОДЗЕМЕЛЬЕ
ПИФОНА

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИТАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
ВОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕЛЬМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ

10

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

11

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЗОВ
АРЕНЫ

12

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ПОДЗЕМЕЛЬЕ
ПИФОНА

13

УДК 820(73)
ББК 84(7США)
Р 93

Серия основана в 1998 году.
Серийное оформление Дмитрия Вяземского.

Авторские права защищены.
Запрещается воспроизведение этой книги или любой ее
части, в любой форме, в средствах массовой информации.
Любые попытки нарушения закона будут преследоваться
в судебном порядке.

Р93 Рыжая Соня и подземелье Пифона: Романы. —
СПб.: «Северо-Запад Пресс», М.: ООО «Издательство АСТ»,
2000. — 416 с.

ISBN 5-93698-024-3 («Северо-Запад Пресс»)
ISBN 5-17-002028-7 (ООО «Издательство АСТ»)

УДК 820(73)
ББК 84(7США)

ISBN 5-93698-024-3
(Северо-Запад Пресс)
5-17-002028-7
(ООО «Издательство АСТ»)

© Д. Вяземский, серийное
оформление, 1999
© С.Шикин, оборт, 1998
© «Северо-Запад Пресс», составление и
подготовка текста,2000

Глава первая

Е по душе были Рыжей Соне такие поручения... И хотя кто она такая, чтобы спорить с Разарой, владычицей Логова Волчицы, но на сей раз недобрые предчувствия были столь сильны, что она едва не восстала против железной дисциплины обители.

Хуже всего, что ехать выпало одной, без Севера. Тому пришлось спешно отбыть на немедийскую границу, где посланцы Логова вот уже несколько лун кряду тщились отыскать ход в древние подземелья Пифона.

Нельзя ли дождаться его возвращения?.. Но Разара была непреклонна. Поручение было передано прямо из Похиолы, а с желаниями Лухи шутить не стоило; выехать надлежало намедля.

— Белая Рука уверена, что в Коринфии затевается нечто очень важное. Это может иметь жизненные последствия для Волчицы и других Зверобогов...— Вот и все, что владычица сочла нужным объяснить Соне.

Зверобоги в Коринфии?.. Воительнице это показалось странным. Насколько она знала, в тех краях единственным богом признавали Митру, ни одному из проповедников иных культов не удалось там закрепиться. Но Разара не сомневалась в том, что сообщили ей сестры Белой Руки.

— Гриф и Змея готовы сойтись там не на жизнь, а на смерть,— гласило послание.

— Но на чьей стороне Волчица? И что нам за интерес в этом споре? — Как ни старалась, Соня не могла себе представить никого из этих божеств в роли союзников Логова. Это все же не Рысь и не Лиса...

Разара пожала плечами.

— Вот это тебе и надлежит выяснить. Поезжай тайно, не раскрывай кто ты и откуда. Просто — смотри в оба. Мы верим, что ты примешь верное решение.

Решительно, Рыжей Соне все это было не по душе. Но теперь ей стал ясен тайный смысл задания. Ведь в магических битвах не обходится без древних артефактов — на поиски этих сокровищ частенько посылали их с Севером. Вот и сейчас Белая Рука, как видно, надеется, что воительнице удастся раздобыть нечто подобное... либо выведать секреты давно синувших времен.

И теперь путь ее лежал из северных краев в далекую Коринфию. В небольшое княжество, имеющее Тальмешем.

Простишись с друзьями, Соня отправилась в дорогу... И не прошло и седьмицы, как самые дурные предчувствия ее начали сбываться.

На южной границе Бритунии, на постоялом дворе ее попытались ограбить. Хозяин, подлый ублюдок, подсыпал гостям в вино какой-то отравы... Она вовремя учуяла неладное, сумела отбиться, даже одурманенная гнусным снадобьем, однако яд подорвал ее силы.

В лесу ей удалось отыскать нужные для лечения травы. И все же отрава проникла глубоко в кровь, и изгнать ее оказалось не так-то просто.

Превозмогая слабость, она все же продолжила путь. Но на подъезде к коринфийской границе жесточайшая лихорадка свалила девушку с ног. Посреди пустынной дороги, в горах, без всякой надежды на помощь и дружеское участие...

Последней мыслью Сони, перед тем, как она без чувств свалилась с седла, было: Гриф и Змея... будьте прокляты во веки веков!

* * *

— Она еще жива? — спросил низкий голос.

— Да, мой господин. Что-то бормочет, но слов не разобрать. Боюсь, у нее сильная лихорадка...

— Там, в кустах, наверное, ее лошадь. Красивое животное! Перенесите женщину сюда! Осторожно же! Оботрите ее холодной водой, это ей поможет! И попробуйте чем-нибудь покормить!

— Мой господин, а вдруг она...

— С этим выродком Нгаигароном и его черной шайкой? Вряд ли, Садгур! Вряд ли! Посмотри на нее. Если она придет в себя, мы сможем привлечь ее на свою сторону. Держите же ее осторожно!

— А какая красавица!..

— Да, да. Но, похоже, с клинком обращаться умеет. Посмотри на мозоль на ее правой руке; клянусь, ей не раз приходилось орудовать мечом! Теперь оставьте ее. Когда доберемся до лагеря, пошлем человека за лошадью. И выставим двойную охрану, ведь ночь уже не за горами!

— Сегодня ночью, пока в городе идут грабежи, Нгаигарон ничего не предпримет, даю голову на отсечение!

— Он предпримет все, что сможет, Садгур, чтобы найти нас и убить! Поверь мне! Теперь, когда эта девчонка связывает нас, это очень легко. Мы должны склонить ее на свою сторону: нам понадобится каждый меч, который сумеем добыть!

* * *

Вскоре после захода солнца Соня проснулась от шума голосов.

Итак, она еще жива!

Попытка сесть оказалась неудачной: мышцы не слушались.

Неподалеку раздались шаги. Женщина шире открыла глаза и содрогнулась, увидев перед собой огромного, закованного в доспехи человека с хмурым лицом и темной взъерошенной бородой. Ее инстинктивным желанием было потянуться за мечом и вскочить на ноги.

Она попыталась подняться, застонала и закашлялась.

— Ты проснулась? — громко произнес высокий мужчина, внимательно разглядывая ее. Затем отвернулся и бросил в сторону: — Она проснулась, мой господин!

Сначала появились сапоги, потом — светлокожее, усатое лицо в обрамлении шлема. Красивое лицо, несмотря на отметины боли и усталости.

— Ты проснулась, женщина?

Соня помотала головой, пытаясь привести в порядок мысли, несколько раз тяжело вздохнула, словно от лихорадки можно избавиться так же легко, как от похмелья.

— А ну-ка...

Сильные руки подхватили ее. Соня слабо подалась вперед, села и снова помотала головой. Мир плыл — мир сумерек, костров и факелов. Она увидела толпу вооруженных людей, за ними лошадей в полном снаряжении, и снова людей, и снова сумерки.

— Где...?

— Хотя бы сейчас не думай об этом! — Красивый человек повернулся и сделал жест рукой. — Садгур!

Огромный хмурый воин кивнул и протянул свой кожаный бурдюк; второй взял его, развязал и приложил к запекшимся губам Сони.

— Вода. Пей потихоньку. Ты очень потела, тебе нельзя пить слишком быстро и много!

Но она жадно пила и пила, пока у нее не отняли флягу. Она попыталась устроиться поудобнее, и мужчины помогли ей опереться о ствол дерева.

— Где я?

— У подножья холмов, к востоку от Тальмеша.

— Тальмеш?

— Нет, ты не в Тальмеше, ты у холмов, которые находятся за ним. Это внизу, в долине. Меня зовут Теммар, а Тальмеш — это мой родной город.

— Что произошло? Как я...

— Спокойно! Ты не думаешь, что тебе надо поесть? Да? Пожалуйста, Садгур! — Когда здоровяк ушел, Теммар продолжил: — Ты подхватила горную лихорадку. Самое худшее уже позади, но тебе повезло, что ты доехала до долины. Если бы ты свалилась в горах, то уже была бы мертва!

Соня пыталась все вспомнить.

Застывшие и расплывчатые воспоминания о вращающихся звездах, тошноте и освещенных лунным светом деревьях вихрем пронеслись в ее голове. Она подняла взгляд на Теммара и изо всех сил сосредоточилась. У него были глубокие голубые глаза, ясные и уверенные. Соне понравились эти глаза, она чувствовала, что ему можно верить.

— Как вы меня нашли?

— Мы беглецы. — В его голосе появились нотки горечи. — Всю последнюю седмицу мы сражались за Тальмеш, но потерпели поражение и скрылись в горах.

— Тальмеш — ваша родина?

— Да. Вот твоя еда.

Садгур вернулся с треснувшей деревянной чашей; он наклонился и протянул ее Соне. Она

попыталась поднять руки, но не смогла. Теммар взял чашу и помешал еду большой деревянной ложкой.

— Здесь немного. Похлебка из дичи, которую нам удалось поймать, с крупой, которую мы захватили, убегая из Тальмеша. Не очень вкусно, но зато питательно!

Он поднес ложку к ее губам. Соня попробовала еду и проглотила.

— Я предпочитаю есть сама, — она потянулась к чаше.

— Ты думаешь, это тебе удастся? — улыбнулся Теммар.

Он поставил чашу ей на колени, и она дрожащей рукой поднесла ложку ко рту.

— Ты можешь сказать, кто ты такая? — спросил Теммар.

— Рыжая Соня. — Съев первые несколько ложек, она почувствовала прилив сил. — Рыжая Соня, гирканка.

— Наемница?

— Да. Вольная наемница! Всю мою взрослую жизнь я действую самостоительно.

— Понятно. Ищешь дело?

Соня пожала плечами.

— У меня еще есть немного золота, если только...

Она положила ложку и потянулась к поясу. Кошелек по-прежнему висел на месте.

Теммар понимающе улыбнулся.

— Никто его не взял. Тебе повезло, что в горах на тебя не напали грабители!

Соня вернулась к еде. Однако мгновение спустя ее охватила тошнота и головная боль. Она уронила чашу на землю, разлив остатки пищи.

— Сюда, Садгур!

— Прах и пепел! — слабым голосом бормотала Соня. — Я в порядке. Дайте мне время, и я оклемаюсь. Я...

— Ты еще слаба, Рыжая Соня! Не борись с этим, ты сделаешь только хуже. Утром ты почувствуешь себя сильнее.

— Но я...

— Проклятье, женщина, лежи спокойно и отдохай!

В голосе Теммара промелькнули гневные нотки, словно он был отцом, заставлявшим больного ребенка лечь в постель. Соня почувствовала, как Теммар и Садгур подняли ее и поднесли поближе к огню. Она неподвижно лежала, тяжело дыша, чувствуя на лице и теле тепло костра.

Кто-то набросил на нее одеяло и аккуратно подоткнул под ноги, бедра, плечи и шею. Под голову вместо подушки подложили скатанный плащ.

Когда Соня снова погрузилась в свою горячую дрему, ей в лихорадочном сне привиделся пожар, и Теммар, ставший почему-то ее отцом, помогал ей выскочить из огня. Пробудившись, затем она опять заснула, спокойно, без сновидений.

Теммар и Садгур сидели у огня вместе с военачальниками, спасшимися вместе с ними.

— О чём ты думаешь? — спросил один из них своего господина.

— Об этой девушке с мечом. — Теммар посмотрел на спящую Соню. — Мы могли бы принять ее в свой отряд...

— Чтобы сражаться с Нгаигароном? А достаточно ли она сильна, чтобы сражаться с колдовством?

— С колдовством она, наверное, в свое время встречалась. — Теммар продолжал пристально рассматривать лежащую перед ним красавицу. — Вероятно, ее появление — доброе предзнаменование!

С горного склона в лагерь спустились дозорные.

— Тальмеш еще горит!

Сумерки сменились полной темнотой.

Теммар хлопнул себя по коленям, встал и снова сел.

— Успокойся, — произнес Садгур. — Мы еще вернемся туда!

— Он терзает мой народ, — с горечью выдохнул Теммар.

Сидящие у других костров воины повернулись к нему. Всё они устали, выбились из сил, их мучили раны, лихорадка. Все они любили своего господина, полководца, который вместе с ними покинул родной город.

Да, колдовство...

Но разве с колдовством нельзя бороться? Теммар сражался не только с Нгаигароном, кущитским колдуном, который был кровожаден, жесток, и нападения которого они ожидали в любую минуту.

Но Нгаигарону, каким бы колдуном он ни был, никогда не позволили бы войти в ворота Тальмеша! И никогда, если бы не изощренное предательство, он не завладел бы женой Теммара, Идзурой!

Теммар сжал кулаки, и при свете костра было видно, как помрачнело его лицо. Его жена открыла ворота колдуну. Идзура, которую он любил всем сердцем, к которой спустя семь лет относился как к невесте — нежно и трепетно! Идзура, волевая, сильная, но в то же время любящая, понимающая и заботливая...

Идзура, дочь покойного правителя Иранистана, дочь тревоги и изгнания, стремящаяся к власти и приключениям... Зачем она это сделала? Чтобы навредить ему, Теммару? Он до сих пор не мог в это поверить.

Девять месяцев назад Нгаигарон прибыл в Тальмеш. Он развлекал двор, и Идзура была им очарована.

Теммар заметил это, но ему и в голову не пришло, что все настолько серьезно. Правитель Тальмеша был философом, терпимым и справедливым во всех своих поступках. Но терпимость и справедливость оценят лишь те, кто сам обладает подобными качествами. Только теперь Теммар понял, что она, вероятно, тогда влюбилась в колдуна и в течение нескольких месяцев тайно готовилась к тому, чтобы открыть ворота и помочь Нгаигарону захватить Тальмеш.

Но почему? Почему Идзура захотела предать мужа и город, которым правила?

Даже если учесть ее увлечение колдуном, это был огромный риск.

Почему Нгаигарон так хотел завладеть Тальмешом, выбрав его из стольких коринфийских княжеств? Может быть, он желал только Идзуру? Идзуру, которая допустила, чтобы Нгаигарон, со своим колдовством и своими наемниками, ворвался в Тальмеш и завоевал его?

На горных склонах каждый знал, что никто иной как жена владыки Теммара открыла ворота города завоевателю. И Теммар понимал, что все, несмотря на верность, любовь и доверие к нему, обвиняют в этом и его. Ведь власть заключается не только в том, чтобы предводительствовать на войне, распоряжаться казнью и вершить правосудие. Теммар должен был знать себя и своих окружающих.

Жители города храбро сражались против колдовства и отрядов Нгаигарона, но они были беззащитны против предательства, против женщины, которая нанесла своему повелителю удар в спину, хотя уверяла, что любит его.

* * *

Тальмеш был маленьким городком, окруженным старыми крепостными стенами. Старый город — гораздо старее, чем полагали его жители. Тальмеш — это имя ему дал коринфийский правитель сто лет назад. Прежде он был известен, как Акасад, а еще раньше, как Кор-ду-ум: "ничего, кроме стен". О еще более ранних временах история умалчивала, но существовало множество

преданий о том, что под фундаментами зданий, глубоко под землей, залегали старинные катакомбы. Современная жизнь Тальмеша была лишь внешней оболочкой, прикрывавшей гораздо более древнюю и зловещую историю.

Легенда гласила, что в старину он служил убежищем для колдунов и темных служителей культа. Да, Тальмеш надежно хранил тайны в своем старом чреве, а Нгаигарон решил выпустить их наружу.

Идзуре, владычице Тальмеша, об этом было известно, и потому она охотно вступила в сговор с колдуном, в чьи намерения входило оживить древние темные силы, которые дали бы ей неограниченную власть, быть может, над всей землей.

Сейчас целые кварталы Тальмеша были охвачены огнем, а многие его жители либо уничтожены, либо обращены в рабов. Идзура сидела в своих покоях во дворце Тальмеша и, не обращая внимания на доносиившиеся сюда крики, внимательно рассматривала свое отражение в полированном серебряном зеркале.

Она спрашивала себя, что за черные тени пролегли у нее под глазами? Или это масляные лампы сослужили ей дурную службу? В конце концов, это нужно выяснить!

Женщина встала, поспешила к большому зеркалу — и осталась довольна собой.

Высокая, стройная, но пышногрудая, она всегда привлекала внимание мужчин, что ей очень нравилось. Подобно темпераменту, ее красота

была изменчива, загадочна, и ничуть не увяла с годами

С того момента, как Нгаигарон ворвался в город, Идзура его еще не видела, но знала, что, когда наконец стихнут в ночи все эти ужасные крики, ее мрачный любовник придет к ней, и они отпразднуют его победу! Вот настоящий повелитель, которого стоит любить, а так же всячески ублажать!

Идзура родилась дочерью правителя без подданых. Жизнь заставила ее стать проституткой в стигийском борделе, потом пленницей в гареме туранского правителя, и вот уже семь лет она жена Теммара. Идзура полагала, что в ней есть что-то от колдуньи, и пыталась учиться магии. Причем, небезуспешно.

Она вспомнила, как десять месяцев назад, когда Теммар на одном из пиршеств поднял кубок за своего гостя, Нгаигарона, они с черным колдуном посмотрели друг другу в глаза, и между двумя искателями вселенской власти сразу возникло взаимопонимание.

Идзура хлопнула в ладоши. Единственная оставшаяся в доме служанка, поспешила к ней и, по просьбе Идзуры, поправила на ее голове тиару.

- Я красива, не так ли? — спросила та.
- Ты очень красива, госпожа!
- Сегодня историческая ночь, Энади. Ты это понимаешь?
- Да, госпожа.
- Ты вся дрожишь!

Из окна снова донеслись отдаленные крики.
— Ты боишься смерти? — Идзура внимательно смотрела светловолосой девушке в глаза.

Энади молчала; но ее испуганный взгляд говорил гораздо красноречивее.

Идзура мягко улыбнулась.

— Тебе нечего бояться, дитя мое. Я твоя госпожа. Я тебя защищу. Ты родилась под счастливой звездой, потому что будешь служить новому поколению могущественных колдунов и правителей. Разве тебе это не нравится?

— А-да... да, конечно... — пробормотала Энади.

— Неужели не нравится?

— Я сделаю все, что могу... чтобы служить тебе, моя госпожа. Ты это знаешь!

— Скоро придет Нгаигарон! Подойди ко мне, Энади!

— Да, моя госпожа.

— Поцелуй меня, Энади! Разве я не красива? Мой поцелуй защитит тебя! Подойди!

Энади сделала робкий шаг вперед. Идзура положила руки на плечи девушке и широко улыбнулась.

— Поцелуй меня, — прошептала она. — Я защищу тебя!

Энади очень осторожно подалась вперед, откинула голову, закрыла глаза и слегка раздвинула губы. На ее лбу и щеках выступили сверкающие бисеринки пота.

Она почувствовала легкое прикосновение губ госпожи. Энади чуть не задохнулась от прянного запаха духов и благовонных масел Идзуры.

Когда госпожа поцеловала ее, Энади попыталась отстраниться, но Идзура внезапно вонзила ногти в плечи девушки, грубо притянула к себе и укусила за нижнюю губу.

Энади вскрикнула, широко раскрыла глаза от ужаса и отпрянула.

Идзура снова мило улыбнулась и хищно облизнула свои белые зубы. На ее нижней губе блестела кровь.

Губа Энади пульсировала от боли. Она неистово терла ее пальцами, глядя на струйку крови на своей руке, потом на госпожу, потом снова на пальцы...

Девушка тихо заплакала от боли.

— Кровавый укус, — промурлыкала Идзура. — Я попробовала твоей крови, дитя мое! Это сильное волшебство. Теперь ты защищена!

Энади разрыдалась; ей хотелось убежать, но привычка повиноваться удерживала обиженную служанку на месте, в ожидании новых пожеланий повелительницы.

Голос Идзуры сделался более добродушным, взгляд смягчился.

— Иди же, Энади! Умойся. Теперь ты защищена!

Энади кашлянула, мотнула головой и выбежала из комнаты, подавляя рыдания.

Идзура вернулась к зеркалу, осмотрела себя при свете масляных ламп и начала растирать пальцем кровь, оставшуюся у нее на губах, отчего они стали ярко-красными, а ее красота еще заметнее.

Темной тенью, блестевшей в кромешной тьме, Нгаигарон стоял под охраной своих воинов — чернокожих наемников и всевозможных отщепенцев. Он был высоким, мускулистым, с горящими глазами, полными ненависти. На лбу, щеках и шее красовались шрамы, оставшиеся от тех давних времен, когда он не был ни колдуном, ни полководцем, ни завоевателем, а всего лишь рабом другого человека,

— Сегодня мир покорится моей воле, — мрачно бормотал он, — моим действиям!

Крики горожан действовали на него, как сладострастные стоны чувственной любовницы.

Высоко вокруг его мрачной фигуры бесновался огонь; затмевая звезды, к небу поднимались клубы черного дыма от горящих домов и храмов.

Его окружали обезображеные тела последних защитников Тальмеша. Пронзительно кричали женщины, плакали дети. Среди рева и пламени по улицам города торжественно шли воины Нгаигарона с угрюмыми лицами.

— Я сам себе господин, — бормотал он. — Я, Нгаигарон!

Он много страдал; теперь он заставит страдать других! Он знал насилие; теперь другие узнают кровь, огонь и сталь! Месть была сладостна, и, хотя он давно отомстил за свои шрамы на спине и на лбу, на щеках и на шее, он ничуть не потерял к ней вкуса.

Кроме того, это была власть, завоевание — а это значило для него еще больше. Маленькие

люди мечтают только оставаться самими собой, в конце концов, они только мечтают. Великие люди мечтают и претворяют мечты в свое будущее!

Его доспехи не были окровавлены, темная мантия, меч и железный нагрудник покрывали символы колдовской власти; блестящий череп был полностью выбрит, как у всех стигийских жрецов.

На шее, на золотой цепи висела уродливая деревянная фигурка птицы, а длинные пальцы правой руки сжимали скипетр, увенчанный головой змеи, открывшей рот и показывавшей клыки и раздвоенный язык.

Птица принадлежала Нгаигарону, так как он был жрецом Урму, Бога-Грифа; скипетр он украл.

Шум битвы замолк, и Нгаигарон ждал, когда начнет стихать огонь. Солдаты, свободные от патрулирования, собирались вокруг него. У всех на лбу стоял знак — глубокое "V", который он сам выцарапал каждому острыми, длинными ногтями.

Наконец пламя успокоилось, Нгаигарон повернулся и поднял руки. Он стоял перед портиком старого, давно покинутого храма в том квартале Тальмеша, который давно был облюбован проститутками, сводниками, ворами и убийцами. Здание из темного камня уже много лет использовалось как публичный дом, ночлежка, таверна.

— Богохульники разгромлены и убиты! — гремел Нгаигарон. — Теперь их кровь вытекает из тел во имя Урму, Стервятника. Пусть его жертвенныеники снова наполняются!

Нгаигарон снова поднял длинные руки и сжал кулаки.

— Урму! — нараспев говорил он, и его голос звучал, как медный гонг.— Урму! Кадулу имест!

По толпе пронесся тихий ропот ужаса.

— Урму! Живи снова! Твоя сила оживлена! Город проливает за тебя кровь, Урму! Я одержал победу ради тебя! День опять темен, Урму!

Налетел порыв ветра. Полная луна, заслоняемая клочьями облаков, внезапно засияла свободно. От порыва ветра замерцали факелы и затрепетали накидки солдат.

Огромная черная мантия Нгаигарона с легким хлопком обвila его фигуру.

— Урму! Кидеш кидера! Поднимайся, Стервятник! Распахни крылья тьмы! Посмотри своими прозорливыми глазами — перед тобой столько крови! Перед твоим клювом лежат принесенные жертвы! Твоя волшебная сила снова живет, о Урму!

Ветер подул еще сильнее; факелы вспыхнули снова.

— Урму! Подай нам знак! Закрепи нашу победу! Мы поклоняемся тебе колдовством и кровью, мы ждем твоего появления, о Урму!

Вдруг в глубине старого здания кто-то пронзительно закричал. Нгаигарон с поднятыми руками повернулся и посмотрел в сторону темного провала двери. Появился человек с безумными глазами на алебастрово-белом лице и с ножом в руке. Он на мгновение остановился в открытой двери храма.

— Псы! — пронзительно кричал он.— Псы! Взяли Тальмеш? Псы!

Он поднял нож и бросился вперед, намереваясь покончить с колдуном.

Нгаигарон рассмеялся.

Ветер пронзительно засвистел; высоко наверху один из грифов закачался, и, накренившись, рухнул вниз.

— Псы-ы! — орал сумасшедший.

Когда лишь в трех шагах от него упавшая статуя раздавила безумца, Нгаигарон снова рассмеялся.

Птица раскололась на множество кусков, ее каменный клюв окрасился темно-красной кровью жертвы.

Ветер стих, из города еще доносились стоны. Нгаигарон с маниакальным упорством продолжал завывать:

— Урму! Урму! Урму!

Но вскоре эта песнь сменилась другой:

— Нгаигарон! Нгаигарон! Нгаигарон!

* * *

Луна шла на убыль, когда он наконец покинул храм Урму, и в сопровождении наемников направился к дворцу.

Когда он вошел, воины, стоявшие на страже, поклонились и отдали честь.

Рабы с низко опущенными головами быстро побежали впереди, показывая ему путь в покой Теммара.

Там его ждала Идзура.

В комнате стояла тишина, нарушаемая только потрескиванием факелов. Идзура застыла на месте, широко открыв глаза, гордая, горящая нетерпением. Нгаигарон слегка поклонился ей и невесело улыбнулся.

Она приветствовала его так, словно он был богом, которому она поклонялась: тихо и осторожно приблизилась к нему, запрокинув лицо. Ее пальцы нервно подрагивали, как бы желая прикоснуться к нему, но готовые в любой момент отпрянуть, если его сияние будет обжигать, как пламя.

Нгаигарон протянул руки и разразился раскатистым смехом.

Идзура бросилась к нему, страстно расцеловала, обняла, глядя в его горящие глаза.

— Я твоя! — чуть дыша, произнесла она.— Город наш, Нгаигарон. Наш! Наш! А я твоя!

Из окна все еще чуть слышно доносились крики и плач. Дул свистящий ветер.

— Твоя, Нгаигарон! После столь долгого ожидания!

— Ночь мести и тьмы! — прорычал темный колдун.— Ночь крови, огня и каменных грифов, и вот... — Он легко поднял Идзуру могучими руками.— Ночь силы, победы и восторга!

Когда он со злорадной улыбкой понес ее к постели — постели Теммара — Идзура улыбалась ему в ответ.

Глава вторая

очь — и весь лагерь погрузился в нее, словно на дно огромного глубокого черного колодца. Вокруг возвышались лес и крутые стены гор. Высоко вверху сквозь прозрачные легкие облака светили звезды. Кое-где раздавались тихие, сонные голоса. В догорающих кострах тлели угли.

Часовые чутко, как животные, в темноте прислушивались к малейшему шороху. Руки были готовы в любую минуту схватиться за мечи.

Далеко, далеко внизу лежал безмолвный город.

Соня спала глубоким сном, как спит ребенок в чреве матери. Но Теммар, наблюдавший за ней, и также вслушивавшийся в звуки ночи, спать не мог.

Жажда мщения снедала его, как болезнь, поднималась в нем и не оставляла, как навязчивая идея. Появление этой большой рыжеволосой вооруженной мечом чужеземки казалось Теммару

чем-то вроде загадки, символа, разгадать смысл которого он пока не мог.

Конечно, это был знак, так необходимый ему знак надежды! Нельзя оставить его без внимания или усомниться! Ведь за последние месяцы он глупо, беспечно оставил без внимания столько предсказаний, загадок и знаков, а между тем внимательный взгляд и проницательный слух могли бы предупредить его о предстоящих мрачных событиях.

Теммар гневно помотал головой, встал и потянулся. Чувствуя себя окончательно измотанным, он тихо подошел к спящей Рыжей Соне, разглядывая ее, глубоко задумался, шепча короткую молитву богам, — пусть ее появление будет хорошим знаком, который удастся понять.

Недалеко от Сони лежало двое раненых. Теммар подошел к ним, тихо опустился на колени, каждому положил руку на лоб и послушал пульс. У одного пульс был слабый, у другого не было совсем.

Мысленно Теммар вычел еще одну жизнь, сделав еще одну отметку в пользу Нгаигарона и Идзуры. Его жена...

— О Боги, приведите ее ко мне! — тихо бормотал он. — Приведите и позвольте мне медленно задушить ее! Позвольте этим измученным людям разорвать ее на куски, сделайте так, чтобы она умирала и воскресала много раз, чтобы она ощутила страдания и смерть каждой своей жертвы! Каждой моей жертвы! Да, моих жертв! Ведь я тоже за это в ответе!

Излив душу в молитве, он прошел мимо раненых и подошел к часовому. Солдат отдал ему честь. Теммар что-то быстро ему прошептал; воин не понял.

— Иди, — повторил Теммар. — Поспи. Я не могу отдохнуть, я покараулю за тебя.

Часовой не выразил особого удовольствия.

— Все в порядке, мой господин. В самом деле...

— Никто из нас не в порядке! Поспи! Сегодня ничего не случится — если мы сами об этом не позаботимся.

— Как... тебе будет угодно, мой господин!

Воин, отдав честь, зевая, ушел. Теммар устался на призрачные огни Тальмеша.

У себя за спиной он услышал вздох часового.

Теммар тотчас же обернулся.

— В чем дело?

Тот кивнул в сторону густых зарослей кустарника, частично скрытого горными скалами и почти полностью невидимого в ночной темноте.

Теммар спокойно подошел к часовому и знаком велел ему молчать.

Солдата била нервная дрожь. Он вынул короткий меч и показал им в сторону темного леса. Теммар положил ему руку на плечо и, близко наклонившись, прислушался.

— Что? — спросил он.

— Кажется, шум.

— Ты уверен?

Долгие мгновения тишины, темноты, стоны спящих. От пристального взгляда в темноту у Теммара заслезились глаза. Он почти почувствовал

вал, как его покидает уверенность в том, что он еще жив, и тем более в том, что он может что-то услышать...

— Послушай! — прошептал солдат.

Теммар сделал шаг вперед. Да, определенно, в лесу кто-то двигался.

— Митра! — прошептал часовой с нарастающим напряжением в голосе.— Это Нгаигарон!

— Нет!

— Это Нгаигарон, мой господин! Это он!

— Нет! — твердо произнес Теммар.

Второй часовой, находившийся неподалеку, тоже прислушивался, наблюдая за лесом, а затем двинулся к ним. Теммар предостерег его знаком, а сам поспешил вперед, переступая через спящие фигуры.

— Что же это? — прошептал первый часовой второму.

Теммар остановился и выхватил меч.

Из-за пелены облаков луна проливала на лагерь серебристый свет, но в густую чащу он не проникал. Теммар подошел поближе.

Снова шорох, похожий на очень тихое шуршание. Правитель мысленно похвалил часового за острый слух.

Оба часовых следили за Теммаром, пока все трое не остановились, в очередной раз услышав шорох.

— Нгаигарон! — с пронзительным криком первый часовой, внезапно прыгнул вперед.

Правитель бросился следом, не спуская глаз с леса. Часовой, бежавший с поднятым мечом,

споткнулся о спящего солдата и упал ничком. Теммар чуть было не повалился вслед за ним, продолжая пристально вглядываться в темную чащу. Словно в ответ на шум в лагере, в чаще снова раздалось долгое шуршание, и Теммару показалось, будто перед ним, словно желтые угольки, промелькнули два огня. Они сверкнули в темноте и исчезли вместе с быстро затихавшим звуком шагов.

Лицо и руки Теммара покрылись липким, холодным потом.

— Ты видел? Видел? — закричал первый часовой.

— Митра! — прошептал второй.

В лагере зашевелились. Со всех сторон с громкими криками на помощь Теммару сбежались стражники. Их многочисленные голоса слились в шумный гвалт.

— Нас атакуют!

— Это колдун!

— Мы обнаружены!

— Мечи наголо!

Теммар гневно закричал, что никакой атаки нет, что это пустяк: просто пробежал лесной зверь, а никакой не колдовской демон. Ему понадобилось несколько мгновений, чтобы заставить их слушать себя, после чего, вскарабкавшись на высокую скалу и подняв факел, он объяснил, что причина их страха — усталость и кошмарные сны.

— Он ждет, что мы нападем на него! — выкрикнул Теммар.—Слушайте меня, люди! Слу-

шайте! В лесу было просто животное — животное!

Наконец все успокоились. Часовые поспешили на свои посты, а все остальные к своим шатрам. Правитель также вернулся к холодному пеплу своего костра. Он сел на камень, вокруг тихо переговаривались воины, обсуждая произошедшее. Теммар смотрел на Рыжую Соню. Переполох ничуть не потревожил ее, а, если и потревожил, то, вероятно, она предположила, что все это привиделось ей в бреду; подняться же у нее не хватило ни сил, ни воли.

Он смотрел на нее, снова и снова задаваясь вопросом, не символ ли она или таинственное послание богов. И медленно, почти невольно, его взгляд снова вернулся к опушке леса и встретился с желтыми глазами...

Желтые глаза...

Его сердце забилось чаще, былые страхи оживились, он снова вспомнил издевательский смех Идзуры.

Желтые глаза...

Конечно, глаза животного. Но был ли он в этом уверен? Если нет, то чьи же они?

Нгаигарон стоял у открытого окна и смотрел на город. В другом конце комнаты на широкой постели спала Идзура. До рассвета было еще далеко. Колдун вдыхал запахи города — запахи крови, страха, и ладана, исходившего от жертвенника идола.

— Нгаигарон... Нгаигарон...

Шепот доносился из угла комнаты. Нгаигарон оглянулся и увидел Идзуру. На белом лице сияли темные глаза.

— Разбудил? — спросил он ее.

— Я видела сон, — с милой улыбкой произнесла она.

— Я тоже видел сон, хотя и не спал.

— Я видела тебя!

Нгаигарон затворил окно, легкими шагами прошел по тускло освещенной комнате и скользнул в постель к любовнице.

— Ты великий человек, — шепнула Идзура.

Нгаигарон удовлетворенно хмыкнул.

— Мое величие заключается не в том, чего мы уже добились, Идзура, но и в том, чего мы добьемся — чего мы должны добиться!

— На этот счет у меня нет никаких сомнений!

— Я верю, — продолжил Нгаигарон, — я верю, прежде всего, в себя и в свои силы!

— Я тоже... — Она нежно погладила его по бедру и поцеловала в щеку.

— Но Теммар жив!

Немного помолчав, Идзура произнесла:

— Ты это знаешь? Но он умер в другом смысле. Он умер для меня. Он где-то прячется? Мы его найдем!

— Да. Мы непременно его найдем и сведем с ним счеты!

— Ты боишься? — Идзура выгнула красиво очерченную бровь.

— Теммара?

— Теммара. Того, что может случиться, если он до сих пор жив.

— Я ничего не боюсь — ничего, что в моей власти. А недалек тот день, когда в моей власти будет все! — Он коснулся волос женщины, прошел пальцем по изящному орлиному изгибу ее носа. — Посмотри только, ну кто еще может это сделать?

— Чувствуешь темноту? — осторожно прошептал он. — Чувствуешь? Это наша темнота, Идзура. Она любит нас, понимает нас. Мы часть темноты, ты и я. Темнота не дает дорогу свету; свет не дает дорогу темноте. Ты чувствуешь это, Идзура? Чувствуешь?

Она не без страха вдруг задала себе вопрос, не потому ли его так привлекает темнота, что он чернокожий кушит, и что белые жители западных городов дали ему почувствовать темноту как внутри, так и снаружи.

— Слушай. Слушай темноту, — шептал он, вытянув руку и поглаживая ею воздух. — Слушай, Идзура. Слушай...

Нет! Она не будет его бояться; она будет доверять ему!

— Здесь, Идзура! Здесь — моя сила! Какой еще мужчина на земле способен на это?

Она неуверенно протянула руку и прикоснулась к его обнаженной ладони, ощущив ней какой-то холодный шар.

Кромешная тьма — темнота, которую магия делала непроницаемой, и которой владел Нгаигарон!

Идзура тихо засмеялась, отчасти от нервного напряжения, а отчасти от страха.

Нгаигарон хлопнул в ладоши.

— Довольно! — сказал он.

Идзура, дрожа и смеясь, спрятала голову под подушку. Нгаигарон погладил ее спину.

— Ты устала, моя королева. Спи! Пусть я приснюсь тебе во сне!

Наконец, она заснула, дыхание сделалось ровным и неглубоким. Нгаигарон тоже заснул, видя себя во сне властелином всего мира.

* * *

Она появилась на рассвете, когда утро уже начало вступать в свои права.

Воины были заняты. Одни хоронили тела тех, кто умер этой ночью, другие готовили завтрак, третий чистили лошадей. По всему лагерю раздавался бесконечный скрежет кремней о сталь — люди Теммара точили клинки.

Правитель доехал похлебку и склонился над рыжеволосой воительницей, вслушался в дыхание Сони, промокнул холодной водой ее запястья, виски и лоб. Лихорадка уже понемногу отступала; ночью наверняка наступил перелом.

Соня не проснулась, и Теммар направился к костру, когда один из его людей произнес тихим, сдержанным голосом:

— Мой господин...

Он поднял глаза. Все смотрели в сторону дальней границы лагеря, где скалы окаймляли лес.

По лагерю пронесся ропот; руки потянулись к рукояткам мечей; зашаркали сапоги. Теммар сделал шаг вперед.

Она вышла из леса медленно, осторожно, но решительно, почти по-королевски. Ее пронзительно-желтые кошачьи глаза пристально и неотрывно смотрели вдаль.

Когда ее взгляд остановился на Теммаре, он похолодел. Но мгновение спустя увидел перед собой только высокую, ослепительно прекрасную молодую женщину со странными глазами, смело приближавшуюся к его лагерю.

Теммар уверенно пошел ей навстречу, а его люди, как один, последовали за ним.

Женщина остановилась, Теммар тоже.

Воцарилась тишина, все пристально разглядывали незнакомку, а та неотрывно смотрела на Теммара.

Высокая и стройная, она двигалась с грацией кошки, или, скорее, змеи. На ней была белая льняная сорочка, скрепленная на плечах брошами, талию опоясывала тонкая золотая цепь. Сандалии, похоже, были сделаны из кожи ящерицы. Средний палец ее правой руки украшало незамысловатое кольцо, а на шее висела очень скромная подвеска. Ветер подхватил длинные черные волосы женщины, и они распустились, словно веер.

Смешно предполагать, подумал Теммар, что незнакомка проделала долгий путь по этим горам, да еще в таком неподходящем одеянии. Может быть, она бежала из Тальмеша?

Но он хорошо знал жителей Тальмеша, даже самых простых людей, а эту женщину видел впервые.

— Ты здесь главный военачальник? — спросила она, спокойно глядя на него.

Ее голос был так же суров, мрачен, спокоен и холоден, как ее красота.

Он откашлялся и ответил:

— Да. Правитель Тальмеша, Теммар. А ты кто?

— Меня зовут Сионира. Я пришла к тебе, Теммар. Мне очень жаль, что мы встретились при таких обстоятельствах.

— При каких обстоятельствах?

Она жестом указала на лагерь.

— Тебя же выгнали из твоего города, правда? И это сделал Нгаигарон, колдун?

У Теммара снова похолодело в животе. Он услышал недовольный гул за своей спиной.

— Откуда ты это знаешь, Сионира?

— Послушай, Теммар, — начала она. — Я жрица змеиной богини Ситры, храм которой находится очень далеко отсюда. Моя госпожа послала меня на поиски Нгаигарона.

— Зачем? — с подозрением спросил Теммар.

— Потому что пришло время, — загадочно произнесла Сионира. — Давным-давно он украл из нашего храма священный предмет, и теперь я пришла, чтобы забрать его и вернуть в храм.

— Какой предмет? Оружие или колдовской артефакт? Я чувствую, ты колдунья, женщина!

— Это был Жезл Иксатла, — спокойно ответила Сионира. — Скипетр, увенчанный змеиной го-

ловой, с помощью которого Нгаигарон надеется получить еще большую власть.

Снова воцарилось долгое молчание. Затем Теммар спросил:

— Ты хочешь бросить вызов Нгаигарону? Он могущественный колдун, жрица! Ты — ты про-делала весь этот путь одна от самого...

— С юга, и я преодолела гораздо большее расстояние, чем ты думаешь, Теммар. Но я из храма Ситры; не сомневайся в моем присутствии и в моих возможностях. Я проделала долгий путь в одиночестве и готова исполнить свой долг. Я обладаю магической силой, и если ты позволишь, я смогу помочь тебе и твоим людям. Но если ты меня прогонишь, то много потеряешь, ведь я не в состоянии помочь тебе против твоей воли!

Теммар долго смотрел на нее. Сумасшедшая эта женщина или говорит правду?

Садгур, приблизившись к нему, что-то про-ворчал, словно желая предостеречь его, но Теммар жестом велел ему замолчать и снова повернулся к женщине.

— Мы боролись с колдовством, Сионира, и оно нас победило. Но это временно, хотя люди подавлены.

— Это неизбежно. Ну что, примешь меня в свой лагерь, Теммар? Я не намерена причинить тебе вред!

Теммар глубоко задумался.

Сионира продолжала:

— В твоем лагере много больных. А тебе нужна каждая жизнь, каждый меч, который ты

можешь привлечь на свою сторону. Я умею ле-чить! Позволь мне...

Теммар медленно кивнул. Люди отступили от нее. Сионира приблизилась к спящей Соне. Жрица склонилась над гирканкой, провела рукой над головой и грудью женщины, но к ней не прикоснулась.

— Лихорадка. — Ее голос звучал мягко. — Худшее позади, но, чтобы полностью поправиться, понадобится дня три-четыре, хотя женщина она сильная. Смотри, Теммар!

Сионира положила руку на лоб Сони. Тело больной судорожно дернулось раз, потом другой; вслед за этим она издала долгий тяжелый вздох и затихла. Сионира отняла руку, поднялась и обратилась к Теммару:

— Я сняла с нее остатки болезни и дала сил поправиться. Вскоре она проснется, свежая и здоровая. А теперь позволь мне также полечить остальных твоих больных и раненых. Ты уви-дишь, что я никому не причиню вреда, Теммар! Лучше помочь друг другу, или Нгаигарон будет продолжать нам вредить. Поверь мне!

Он посмотрел ей в глаза — в ее удивительно желтые глаза — и вспомнил о том, что произошло вчера в лесу.

— Поверь мне, Теммар!

Затянувшееся молчание было прервано звука-ми, доносившимися с неба. Все запрокинули го-ловы: большая стая птиц летела из Тальмеша.

Теммар обернулся к Сионире. Она спокойно глядела на него.

— Это птицы Нгаигарона. Будь осторожен. Теперь колдун скоро узнает, где ты скрываешься. Эти птицы служат ему. Давным-давно он научился управлять злыми духами, возрождавшимися в образе диких птиц.

* * *

Идзура проснулась, когда уже давно рассвело. Возле нее на широкой постели спал Нгаигарон, утомленный бессонной ночью, нуждавшийся в отдыхе после вчерашних побед.

Приоткрыв веки, она осмотрела комнату из-за широкого плеча своего любовника.

Ставни были закрыты, ни лампы, ни факелы не горели, поэтому в комнате было довольно темно. Дверь комнаты была приоткрыта, и в тусклом свете к ним медленно двигалась высокая тень.

Идзура узнала одного из слуг дворца. Она не помнила имя юноши, да это было и неважно. Хотелось бы знать, что у него на уме! Идзура не дышала и не двигалась. Вдруг она заметила сверкающее лезвие ножа.

Юноша подошел поближе; слабый свет, пробившийся сквозь ставни, яснее обозначил его фигуру.

Идзура интуитивно чувствовала исходившее от него горячее напряжение, сильный гнев, боль и ненависть.

Слуга наклонился вперед, пригнулся, изголовившись для прыжка, и поднял нож. Идзура медленно и глубоко вздохнула. Она внезапно

выпрямилась на постели, выбросила вперед руку и пронизывающим взглядом уставилась на юношу.

— Ты! — вскрикнула она.

Мгновение слуга смотрел в глаза Идзура. Затем уверенным движением вонзил кинжал себе в сердце и закричал.

Нгаигарон мгновенно проснулся; он сел и уставился на юношу.

— Все, Нгаигарон! Все!

Широко раскрыв глаза, слуга медленно осел на пол, затем рванулся вперед, еще глубже вонзая нож себе в грудь.

— У меня получилось, Нгаигарон!

— Идзура?

— Убийца! — прошептала она. — Но он наказал самого себя!

Нгаигарон все понял. Его любовница тоже владела искусством колдовства! Он поднял руку, обнял Идзуру за плечи и улыбнулся.

— Глупцы! — прошептала Идзура. — Они никогда нас и пальцем не тронут — никогда!

* * *

...Все семеро пришли издалека. — молодые колдуны надеющиеся научиться общаться друг с другом на расстоянии посредством зеркал, снов и подвластных им демонов-призраков. Они договорились встретиться в небольшой таверне в Тальмеше, старинном городе, чьи здания построены на древних каменных фундаментах, результате труда бесчисленных, давно исчезнувших по-

колений. Все семеро носили разную одежду: доспехи, платье торговца, плащ менестреля, но исключительно темных тонов. Объединяло их и общее загадочное выражение глаз, а также особые манеры.

Маги собирались выяснить, чему смогут научиться в старинном Тальмеше, прежде чем двинуться дальше. Но тут началась эта битва с Нгаигароном, и им пришлось прятаться от разъяренных наемников.

Наступивший день они встретили в грязной задней комнате старого покинутого здания, где всю ночь напролет обсуждали свое положение и дальнейшие действия.

Аспра, самого старшего среди них, послушника тридцати двух лет, все уважали за многолетние путешествия и проницательность.

— Мы должны, — сказал он, глядя на солнечный луч, заблестевший на грязном полу, — открыто встретиться с Нгаигароном!

Тroe с ним не согласились, особенно Элат.

— Нам надо уходить! Кровь на улицах и убийства только начались. Когда наступит ночь, мы должны благополучно уйти, призвав на помощь колдовство! Здесь нам не место! Нгаигарон сильнее нас, и даже чары не помогут нам справиться с его войском в четыре тысячи мечей!

— Вспомните историю о нобиле и двух ворах, — добродушно произнес Аспр. — Нобиль узнал, что они оба прячутся в его доме. Один вышел и стал молить о прощении, и хозяин дома в ответ, смягчившись, накормил его и дал ему

золота. Второго же, поймав, обезглавил! Нобиль принял во внимание положение нуждающегося человека, но наказал за желание ограбить!

— Красивая сказочка, — усмехнулся Элат, — но вряд ли Нгаигарон, поступит так же!

— Мы же из Пограничного Братства, — заметил Менк, — и Нгаигарон отнесется к нам с уважением!

— Ничего подобного! Он увидит в нас угрозу.

— Только в том случае, если мы дадим ему повод, — отрезал Аспр. — Если мы обратимся к нему открыто, у него не будет причин заподозрить нас. Все мы из одного теста, Элат, хотя ты поклоняешься змее, а я дракону Луны и стервятнику Нгаигарона, Урму. Все из одного теста. Надеюсь, он учесть это и отнесется к нам с уважением. Но мы должны пойти к нему, как к любому другому учителю: не гордо, не дерзко, а с желанием служить и учиться, ведь нам тоже хотелось бы, чтобы в тот день, когда мы станем учителями, к нам пришли ученики!

Все глубоко задумались.

— Давайте проголосуем! — предложил Аспр. — Люди медлят, а Время ждать не любит. Кто согласен со мной, пусть хлопнет по полу.

Над сухим полом поднялось шесть облаков пыли.

Аспр пристально посмотрел на Элата.

— А ты?

Элат молчал.

— Если ты не согласен с нами, брат, тебе придется дальше следовать своим путем. Мы

должны быть заодно, таков закон нашего общества!

Менк посмотрел на него.

— Элат?

Элат недовольно сморщился; его тонкие усикки задрожали, но, в конце концов, он хлопнул рукой по пыльному полу.

— Значит, все согласны! — произнес Аспр.— Тогда давайте завтракать. Думаю, мы найдем здесь что-нибудь, чтобы утолить голод, прежде чем пойти во дворец.

Они отправились по комнатам старинного здания в поисках старых винных кувшинов, чтобы наполнить их вином, или сухой корки хлеба, которую можно превратить в свежую, горячую буханку.

Элат коснулся плеча Аспра.

— В чем дело, Элат?

Тот угрюмо промолвил:

— Я не согласился не потому, что сомневаюсь в истинности твоих слов, брат, а потому, что сомневаюсь в Нгаигароне!

— В каком смысле? Он учитель.

— Да, учитель! Но, по-моему, он сумасшедший!

— Почему ты так думаешь?

— Я чувствую ауру. Я ощущаю смысл.

— Что-то не заметил!

Элат пожал плечами.

— Может быть, мы и живем под одной крышей, Аспр, но мы совершенно разные люди. Никто, кроме меня, больше этого не чувствует.

Аспр кивнул.

— Да, двойное зрение. Это дар. Так что же ты чувствуешь? Рок?

— Вероятно. Я чувствую, Нгаигарону нельзя верить. Мы пришли сюда в поисках истины, следя по этой Тропе. Нгаигарон тоже пришел — и посмотри, сколько крови и боли оставил он после себя! Я чувствую, что он стремится только к личной власти.

Аспр не ответил.

— Он учитель, но кровь и страх следуют за ним по пятам, — настаивал Элат.

— Может быть, это его судьба. Вероятно, эти поступки необходимы его Второй Душе для конечного равновесия.

Элат печально покачал головой.

— Ты придумываешь предлог, Аспр. Я знаю, почему ты хочешь обратиться к нему; ведь если мы этого не сделаем, нам грозит большая опасность. Нгаигарон вполне может отыскать нас и уничтожить. А у меня нет ни малейшего желания умереть от колдовства и содействовать сумасшедшему, свернувшему с Пути истинного. Мне еще многое надо узнать.

— Как и нам всем. Нгаигарон вполне может нас обучить.

— Да, но чему?

— Очень многому. Ты уловил ход моих мыслей; но разве не лучше для нас, молодых, довериться учителям? В конце концов, мы вручаем Нгаигарону только наши таланты, а не души.

— Может быть, Нгаигарон захочет иного.

— Тогда, если уж на то пошло, нас семеро против него. Но я уверен, что он с радостью примет нас как своих учеников. Так поступают все, кто стремится к Внешнему Миру.

— Да, с радостью примет... как изголодавшийся лев!

— Элат...

— Кое-что ты, Аспр, все-таки не учел!

— Что же?

— Идзуру, любовницу Нгаигарона, жену Тэммара. Она вообразила себя ведьмой!

— Какая она ведьма..!

— Она учится самостоятельно. Но насколько она могущественна? А для Нгаигарона она наверняка значит очень много.

— Тогда, — сказал Аспр, — мы должны поступать так, как нас учили: идти нашим Путем, защищаясь правой рукой спереди, а левой сзади, и остерегаясь Вспышек Огня со всех сторон. А теперь, брат, давай поищем чего-нибудь съестного. Эффесса.

— Эффесса, брат. Но все же — кому мы можем верить, если нас учили никому в этом мире не доверять, а Нгаигарон хочет, чтобы этот мир принадлежал ему?

Аспру потребовалось время на раздумье.

— Эффесса, брат; эфесса. Пойдем, поищем, чем подкрепиться, а потом поговорим подробнее.

* * *

В руках у воинов Нгаигарона были кнуты с металлическими наконечниками.

— Идите, псы! Во дворец! Молите Нгаигарона, пока он не лишил вас жизни! Шевелись же, проклятье! Если будешь мешкать, я всажу в тебя меч!

Цепи, связывавшие двадцать пленников, врезались в тело и тяжело свисали с шей и запястий.

— Иди же! Ну! Поднимите же этого! Подтолкните его, поднимите!..

Пленные истекали кровью, однако никто из них не стонал. Несмотря на нависшую над ними смертельную угрозу, они стойко переносили уколы копий и мечей, сопровождавшие их мучительный путь по залам дворца Нгаигарона.

Они были мужчинами. Они сражались, как мужчины, и умрут, как мужчины, хоть и в руках колдуна. Их родные попали в плен или погибли, предводитель бежал. Они были обречены, но гордость все еще неистово горела в их глазах.

Было позднее утро. Стражники распахнули огромные двери зала собраний, и затолкали туда закованных в цепи людей. Повсюду на коврах виднелись следы крови; мертвецы, которых еще не успели убрать, были сброшены грудой в одном из углов мраморного зала.

Расположившись на троне, стоявшем на базальтовом возвышении, Нгаигарон выглядел весьма внушительно. На нем были темно-серые и алые одежды, отороченные золотом. На голове его красовалась тяжелая корона Тальмеша.

Идзура гордо выпрямилась возле него. Словно специально для того, чтобы спровоцировать негодование, на ней почти не было одежды, чего

она никогда не позволяла себе, когда по ее правую руку сидел Теммар. На ее длинных темных волосах возлежала серебряная корона, а на шее красовалась серебряная подвеска. Полная, зрелая грудь была обнажена, а большие соски окрашены красной краской. Желтовато-зеленый пояс, украшенный бриллиантами, стягивал желтую прозрачную юбку. Высокие завязки сандалий из кожи и золотой парчи доходили ей почти до колен.

Пленники не знали, чего ожидать, кроме того, что они, безусловно, умрут за то, что защищали свои дома. Они лишь хотели умереть быстро.

Наконец их подвели к трону и сняли цепь, которая опоясывала их.

Теперь, привязанные друг к другу только веревкой, они стояли перед колдуном, вытянувшись в одну длинную шеренгу, и молча ждали, запрокинув головы и широко расставив ноги. Изредка капли крови глухо шлепались на мраморный пол.

Нгаигарон подался вперед, и талисман в виде птицы, висевший на его груди, тяжело закачался. Затем он поднялся, холодно оглядел пленных и спросил:

— Это и есть повстанцы, взятые сегодня утром?

— Да, мой господин,— ответил кто-то из охранников.

Нгаигарон сурово посмотрел на пленных.

— Выбор прост: или вы скажете мне все, что знаете об Теммаре, или умрете!

С этими словами он несколько раз хлопнул в ладоши, поднял руки и медленно произнес какие-то слова.

Все двадцать пленных, прикованные друг к другу, внезапно почувствовали, как некая сила, приподняв их в воздухе, перенесла слегка вперед. Раздались изумленные возгласы. Спустившись по ступенькам возвышения, Нгаигарон оказался на уровне глаз каждого из них.

Он долго и пристально смотрел на людей, которые, неподвижно и без всякой поддержки висели в воздухе в центре зала и ждали решения своей участи.

Нгаигарон остановился возле крайнего в шеренге и тихо спросил:

— Ну как, скажешь, что стало с Теммаром, или обречешь себя и своих друзей на вечные муки?

Человек осторожно, чтобы не выдать свой ужас, ответил:

— Я не знаю, что случилось с господином!

— Я не стану повторять вопрос!

— Я не зна...

Нгаигарон быстро поднял руку к лицу пленного и коснулся указательным и средним пальцем его глаз. Так продолжалось мгновение; Идзура решила, что Нгаигарон читает мысли горожанина. Но колдун вдруг вонзил пальцы в глаза пленника. Раздался жуткий вопль.

Брызнула кровь; несколько капель попало Нгаигарону на лицо, на грудь и черную птицу-талисман. Жертва с пронзительным криком извивалась в воздухе.

Когда колдун вытащил пальцы, лицо человека залилось кровью, и он замолк.

Нгаигарон небрежно помахал рукой, отряхивая кровь; красные капли забрызгали пол. Он шагнул к другому человеку, висевшему в воздухе. У того мгновенно расширились глаза, лицо приобрело пепельный оттенок, и с него градом полился пот.

Нгаигарон обожал изощренные пытки. Он отвернулся от второго пленника, давая ему как бы короткую передышку, и медленно прошел вдоль линии повисших в воздухе смертников. Внезапно он остановился рядом с четырнадцатым человеком.

Не дождавшись ответа и от него, Нгаигарон резко вырвал из его лица кусок плоти.

Он снова пошел назад, задержался перед седьмым пленником, но, услышав, как тот захрипел от ужаса, прошел к девятнадцатому и задал ему тот же вопрос.

Они умирали один за другим — с вырванным горлом, выдавленными глазами, сломанными шеями. Один за другим.

Но никто не произнес ни слова. Некоторые извивались, некоторые кричали, некоторые просили о пощаде или вслух молились тому или иному богу. Но Нгаигарон так ничего и не узнал от них.

Никто не сказал, где находится Теммар с преданными ему людьми.

Нгаигарон с сердитым ворчанием повернулся на пятках и помчался прочь из зала, оставив

Идзуру, наемников — и двадцать искалеченных тел.

Они висели в воздухе, пока Нгаигарон не захлопнул за собой дверь; затем стали тяжело и неуклюже падать на пол.

* * *

Во второй половине дня небо заволокло облачками. Теммар и его люди, сидя у костров за нехитрой трапезой, обсуждали дальнейшие действия.

Птицы по-прежнему низко висели в небе длинной линией между горами и городом. Если эта странная женщина, Сионира, права, говоря, что их послал Нгаигарон, чтобы обнаружить местонахождение Теммара, им это, безусловно, удалось. Тем более, следовало поторопиться с принятием плана и его исполнением.

— Значит, решено, — тихо произнес Теммар.

— Да! — кивнул Садгур, решительный, гневный, он сгорал от желания поработать мечом ради справедливой мести.

Все остальные дружно согласились с ним.

Теммар встал, заткнул большие пальцы за пояс и обратился к своим военачальникам:

— Идите, наберите камней для жребия — да столько, чтобы хватило на всех ваших людей. Я возьму по десять человек от каждого отряда; не больше! Насильно никого заставлять не надо!

Садгур гневно сдвинул брови.

— Ты хочешь сказать, мой господин, что среди нас есть трусы?

— Трусы? Нет... нет... мне это слово не нравится! Эти люди обучены воевать, и я сомневаюсь, что кто-нибудь из них станет увиливать. Нам не так давно прошли через ад, Садгур, и надо уважать людей за их страдания. Некоторые, несмотря на то что для них сделала Сионира, может быть, еще слишком слабы. Некоторые из нас, если не все, кто пойдет на Тальмеш, умрут с колдовства. Мы с тобой пойдем, большинство наших людей тоже согласится — но, если кто-то не захочет участвовать в походе, заставлять не надо. Мы все опытные воины, все отважно сражались, и я хочу, чтобы уважалось мнение любого человека!

Садгур что-то проворчал в знак согласия, остальные понимающие кивнули.

— Тогда, — продолжал Теммар, — после наступления полуночи ты, Эргас, ждешь нас два суток. Повторяю: две ночи и два дня. Если мы за это время не вернемся — или, если ты вдруг почувствуешь, что в городе происходит что-то нехорошее — посыпай гонца в Рибот к Сентариону с просьбой о подкреплении. Понял? А дальше ты уж сам решишь, идти в Тальмеш или ждать Сентариона!

— Мы последуем за вами! — Эргас схватил за рукоятку меча.

— Через два дня.

— Как угодно моему господину... — неуверенно ответил тот.

Военачальники разошлись и принялись собирать камни, чтобы раздать своим людям.

Никто из них не отказывался снова пойти на Тальмеш и сразиться с колдуном, разрушившим город.

Садгур обошел разрозненный отряд Теммара и принялся подбирать маленькие плоские камешки. Правитель тем временем пошел к Рыжей Соне, которая сидела на валуне у маленького костра. Она чистила меч, лежащий у нее на коленях.

Когда Теммар появился перед нею, она не подняла глаз, но спокойно произнесла:

— Я иду.

— Идешь?

— На твой город, где ты сразишься с этим колдуном, который его завоевал!

— Но я тебе даже не предлагал...

Соня подняла голову; поразительно ясные глаза смело смотрели в глаза Теммара.

— Я знаю, что произошло! Твои люди мне рассказали.

— И что же?

— Ты спас мне жизнь. Я тебе обязана, а оставлять долги неуплаченными не в моих правилах. К тому же, я ненавижу магию. Это зло...

Теммар резко взглянул на нее.

— Не спеши осуждать колдовство, Соня!

— Что ты имеешь в виду?

Она вложила меч в ножны и встала. Теммар обратил внимание, какая она высокая; ее глаза находились почти на одном уровне с его глазами.

— Мои люди и я сам нашли тебя и ухаживали за тобой, как могли. Лихорадка прошла, и ты

снова здорова, но не благодаря нам, а благодаря колдунье!

Соня нахмурила брови. В ее глазах появился вопрос; потом она перевела взгляд на странную женщину, сидевшую у дальнего костра.

— Она?

— Да, ее зовут Сионира.

— Она колдунья? И она меня вылечила?

— Да. И не только тебя, но и еще многих — всех, кто страдал от болезней, ран, лихорадки...

Соня глубоко вздохнула.

— И все же, я тебе многим обязана и намерена вернуть долг. Я буду сражаться с тобой за твой город. Ты уходишь сегодня ночью?

— Да, как только взойдет луна.

— Повторяю, я иду с тобой. А Сиониру я, кажется, тоже должна отблагодарить.

— Да, должна.

Теммар остался доволен; эта женщина не уступит любому его лучшему воину ни в темпераменте, ни в самодисциплине, ни в гордости.

Колдунья, почувствовав приближение Сони, встала и спокойно ждала, неотрывно глядя на гирканку. В ее осанке чувствовалась осторожная бдительность. Соня держала руку на рукояти меча и приближалась решительной походкой.

Она остановилась в двух шагах от Сиониры и посмотрела колдунье прямо в глаза. Как ни странно, она не почувствовала, чтобы от той исходило какое-либо зло. Что-то холодное, что-то не совсем человеческое, да, но никакого зла, никакой угрозы.

— Мне сказали, что я тебе обязана жизнью, — ровным голосом произнесла Соня.

— Это не совсем так.

— Может быть, ты и колдунья, но ты спасла меня от горной лихорадки, и я тебе очень призательна!

— Когда я пришла к тебе, ты уже поправлялась, гирканка! Я лишь ускорила выздоровление, немного поколдовав. И сделала я это не только для тебя: я хотела завоевать доверие Теммара!

На губах Сони появилась легкая улыбка.

— Это честно — но мало что меняет. Ты мне помогла. Я хочу тебя отблагодарить!

— Не думай об этом.

— И все же...

Соня замолчала, услышав шаги Теммара. Сионира перевела взгляд на него; Соня слегка повернулась и кивнула ему.

— Я во главе нескольких отрядов сегодня ночью иду на город, — сказал Теммар колдунье, — чтобы сразиться с Нгаигароном!

— Я так и поняла, — кивнула Сионира.

— Я тебе очень благодарен за то, что ты помогла моим людям. Если я что-то могу...

— Нет. Слушай меня и доверься мне. Войдя сегодня ночью в Тальмеш, ты можешь слишком ускорить события! Через одну ночь, может быть, через две, моя волшебная сила возрастет настолько, что я смогу больше узнать и больше сделать для тебя и твоих людей!

— Нам некогда ждать! Мы должны как можно скорее трогаться в путь. Ты, конечно, понима-

ешь, что чем раньше мы нанесем ответный удар, тем больше у нас шансов застать Нгаигарона врасплох. Кроме того, в ежечасно городе гибнут люди; я должен спасти как можно больше жизней!

— Я понимаю, Теммар. Понимаю. Я сделаю все, что могу, чтобы помочь тебе, но мне нужно некоторое время. Если бы ты мог подождать...

— Я не могу! И ты уже помогла мне.

Сзади раздался голос Садгуря:

— Отряды готовы в путь, мой господин!

— Прости, — Теммар слегка поклонился и пошел прочь.

Сионира некоторое время задумчиво смотрела ему вслед, затем перевела взгляд на Соню и сказала:

— Надеюсь, он не подвергнет опасности себя и своих людей!

— Я иду с ними, — отозвалась Соня.

— Будь очень осторожна, гирканка! Нгаигарон исключительно могущественный колдун. Его магическая сила еще не изведана.

— Насколько я понимаю, часть его силы имеет отношение к тебе!

— Это не моя сила; это сила моего храма, — медленно произнесла Сионира. — Скипетр! Священный жезл Иксатла!

— И ты только поэтому помогаешь Теммару? Их глаза встретились.

Сионира осторожно ответила:

— У каждого поступка свои мотивы, гирканка. Ты должна знать только то, что Нгаигарон ли-

шил храм волшебной силы, а я намерена ее восстановить!

— С помощью магии! — Соня подняла бровь. — Не будь слишком скрытной с этими людьми, Сионира. Они уже раздражены, а раздраженные воины могут повернуть куда угодно!

— Я все понимаю.

— Вот и действуй... — Она уже повернулась, чтобы уйти, но вдруг остановилась. — Меня зовут Рыжая Соня!

Сионира кивнула и спросила:

— Ты хорошо поела?

— Немного похлебки...

— Попробуй вот это! Она поможет тебе поддержать силы.

В ее руке была груша. Это был дружественный жест. Соня медленно протянула руку, и от Сиониры не ускользнуло ее замешательство.

— Это всего лишь спелый плод, Соня! Здесь нет никакого колдовства!

Соня покачала головой, взяла грушу и надкусила. Вкусная и сочная!

— Спасибо еще раз, Сионира!

Колдунья кивнула. Соня отошла, и холодный взгляд Сиониры следовал за воительницей, шедшей по лагерю.

* * *

Птицы вернулись в Тальмеш и спустились на крыши — коршуны, вороны, аисты с тяжелыми клювами — тысячи птиц, и все они каркали, пищали, свистели и стрекотали.

Нгаигарон, стоя у окна башни, внимательно вслушивался в их гомон — вслушивался и запоминал.

Идзура сидела на мягких диванных подушках и потягивала вино, не спуская глаз с Нгаигарона. Молчаливый, как статуя, он, казалось, даже не дышал.

Его лицо, грудь и руки были освещены предзакатным солнцем.

В дверь тихо и робко постучали.

— Войди, Энади, — отозвалась Идзура.

Ноги юной рабыни заплетались, плечи были опущены, и она не могла набраться мужества посмотреть в глаза Идзуре или ее любовнику-колдуну.

— Еще кувшин вина, Энади, когда уберешь со стола.

— Слушаюсь, госпожа.

Поспешно, но осторожно, чтобы не уронить что-нибудь, Энади убрала со стола тарелки и блюда, оставшиеся после дневного пира, подняла поднос и вышла в холл.

Нгаигарон пробудился от транса.

— Так...

Выходя, Энади не полностью закрыла дверь. Тихонько поставив поднос на боковой столик, она осторожно, вся дрожа от ужаса, прильнула к оставленной щели.

Идзура наклонилась вперед.

— Ты знаешь, где они?

— Там, — колдун показал на окно. — В горах. Теммар еще жив.

— Будь он проклят! Как ему это удалось? Как он спасся?

— Это неважно. Его надо уничтожить — вот что важно!

Нгаигарон отошел от окна, повернулся и снял с цепи деревянную птицу, висевшую у него на груди.

Идзура с интересом следила за ним. Энади, нервничая, обливаясь потом и нервно сглатывая, тоже наблюдала.

Вытянув руку с зажатой темной деревянной птицей, колдун с мгновение смотрел на нее, а потом произнес лишь одно слово:

— Аэтра'аэи!

С ужасающим криком, от которого зазвенели находившиеся в комнате хрустальные кубки, птица ожила.

Она начала клекотать и кричать, как ястреб, носясь кругами по комнате и отчаянно колотя крыльями.

Ошеломленная Идзура зарылась в подушки, чтобы защититься от огромных когтей.

— Мой возлюбленный, молю тебя, останови ее!

Энади, вне себя от страха, сделала шаг назад и, звякнув тарелками, с шумом уронила их на пол.

Нгаигарон смеялся, глядя, как его волшебная птица, завершив круг, вылетела в открытое окно. Она еще раз вскрикнула, расправила крылья, сделала несколько кругов над ближайшей башней и с пронзительным криком полетела к горам.

С каждым взмахом крыльев, с каждым мгновением пребывания в воздухе птица увеличивалась в размерах, пока не стала огромной, подобно гигантскому дракону.

РИДАУИН

Глава третья

Меняло. Воины, которым выпал жребий сопровождать Теммара в его походе на Тальмеш, готовились к нему; осматривали лошадей, приводили в порядок оружие и давали наказы оставшимся в лагере друзьям, на тот случай, если они не вернутся.

Соня ни с кем не прощалась и ни к кому не обращалась с просьбами. Ей доводилось сталкиваться с колдовством гораздо чаще, чем большинству из воинов Теммара, но она и до сих пор жива! И сейчас смерть не входила в ее планы. Готовясь к битве, она упражнялась с мечом в обществе одного из солдат. Обнажив клинки, они оба стояли перед небольшой сосной, которую использовали, как мишень.

— Некоторые кушиты,— говорила Соня,— только недавно научились владеть мечом. Не имея многолетнего опыта, они изобрели свои способы обращения с оружием. Они могут застать тебя врасплох, но многие их движения не очень прак-

тичны. Так что у тебя будет перед ними преимущество. А теперь смотри! Он идет на меня прямо, но я чувствую, что он хочет сделать шаг назад. Я должна парировать. Вместо обычного выпада и прорыва делай вот что...

Она, обнажив меч, бросилась на сосну и выполнила движение.

Спокойствие и мастерство воительницы и восхитили, и напугали солдата.

— Я никогда не видел, чтобы этот прием выполняли именно так!

— Это безопаснее, чем обычный способ,— продолжала Соня, — где ты оставляешь себе немного открытого пространства для того, чтобы выполнить рывок. Попробуй!

Он попытался.

— Так?

— Подними немного локоть, это помогает держать равновесие!

Он сделал еще несколько попыток, и от сосны наконец отделились кусочки коры.

— Молодец,— похвалила Соня, улыбнувшись.

Тем времёнем Теммар тихо давал последние указания Садгур и другим военачальникам. Его немало встревожило исчезновение из лагеря Сиониры.

— Хотел бы я знать, что на уме у этой ведьмы,— ворчал Садгур.— Я ей не верю.

— Выбор у нас невелик,— напомнил ему Теммар.— И я ей верю, Садгур. Вероятно, она просто ушла в леса, чтобы подготовить нам в помощь какое-нибудь волшебство. Не бойся. Я чувствую,

что она ненавидит Нгаигарона не меньше нас, хоть и не показывает этого.

— Но все же она колдунья!

— А я уверен, что Сионира не представляет для нас угрозы — но, боюсь, теперь она мало чем сможет нам помочь. Пойдем! Я хочу выступить, как только начнет смеркаться!

Облака заслоняли заходящее солнце. Некоторые солдаты, глядя на тускнеющую полоску света на западе, между облаками и горизонтом, где стоял Тальмеш, заметили быстро двигавшееся облако, которое меж тем становилось все больше и больше, постепенно превращаясь в огромное темное пятно.

Воины, заметившие это облако, указывали на него остальным. Один из них крикнул:

— Теммар!

Правитель поднял голову и посмотрел на небо. Соня тоже заметила пятно и невольно вздрогнула.

Воин, тренировавшийся с нею, вложил меч в ножны.

— Странное облако!

— Это не облако,— покачала головой Соня.— Небо! Это колдовство! Обнажи меч — оно уже близко!

Лицо Теммара посерело.

— Митра!

— Это волшебство Нгаигарона, мой господин!

— крикнул один из воинов.

Раздался ужасный крик, и облако, приближавшееся с бешеною скоростью, вдруг расправило

крылья. Огромная темная тень птицы закрыла территорию лагеря.

— Теммар! Теммар! — закричал Садгур, но шум крыльев заглушил его голос.

Соня упала на колени и не сводила глаз с птицы. Та поднялась высоко в небо, взмахнула крыльями, пронзительно закричала, сделала круг и внезапно устремилась к земле, прямо в центр лагеря.

Обезумевшие люди бросились в разные стороны.

У самой земли птица снова расправила крылья; поднявшийся ветер сбивал воинов с ног...

— В лес! — заорал Теммар.— В лес!

Люди помчались к деревьям, где птица не могла их достать.

— Нгаигарон! — закричал Теммар, неистово махая мечом перед кричащей птицей, которая, кружилась в вышине, готовясь к следующей атаке.— Будь ты проклят, Нгаигарон!

— Теммар! — Садгур схватил Теммара за нацидку и потащил за собой.— Беги в лес! Спасайся!

Соня стремительно помчалась по разрушенному лагерю к скале, готовясь отразить следующую атаку. Пригнувшись к груде валунов, она наблюдала за птицей, что, пролетев над склоном горы, бросилась вниз на тех, кто еще остался в лагере.

Не успев добежать до леса, Садгур и Теммар укрылись за валунами на другой стороне лагеря, откуда беспомощно наблюдали за событиями.

Чудовищная птица снова летела низко; от поднятого ею ветра трещали и ломались ветки и

сучья, кружась в бешеном водовороте воздуха. Подхваченная ураганом собственной скорости, огромная птица неистово кричала и хлопала крыльями, круша деревья и даже валуны.

Соня, выругавшись, отступила по голой скале, успев спастись от града обломков.

Снова крик, снова громкие хлопки крыльев и снова чудовище оторвалось от горы и взмыло в небо.

— Отравленные копья! — Садгур пытался перекричать шум, царивший в воздухе.— Стрелы!..

— Ничто ее не остановит! — кричал Теммар.— Боги, какое еще чудовище обрушит на нас колдун?

В это мгновение в лесу послышался треск и крики испуганных людей. Несколько солдат выбежали из леса, но, увидев огромную птицу в центре лагеря, в панике отступили, спотыкаясь и падая друг на друга. Птица кричала; ее длинная шея выгнулась, а железный клюв вытянулся вперед, чтобы поймать кого-нибудь из людей.

А сзади из леса продолжали раздаваться треск и крики.

У Сони раздулись ноздри; почувствовав новую опасность, она крепче схватилась за меч: из леса на нее дохнуло колдовством, необъяснимым и неуловимым.

— Будь прокляты боги! — бушевал Садгур.— Будь они прокляты, Теммар! Смотри!

В лесу валились деревья, в темноте сверкали желтые глаза. Там явно двигалось что-то огром-

ное, что-то взбудоражившее весь лес. Наконец оно появилось!

— Боги! — прошептал Теммар.

Он вспомнил желтые глаза... треск в лесу... страх, который он испытывал, когда вчера ночью бродил по лагерю... то, что увидел часовой и то, что, как ему показалось, увидел он сам...

На лагерь надвигалась гигантская змея с серой чешуей; извиваясь, она ползла вперед; в ее раскрытой пасти мелькал язык, толщиной с человеческую руку.

— Митра!

Увидев змею, птица закричала и захлопала крыльями, поднимаясь с земли. Змея изогнулась, рванулась вперед и зашипела, а ее желтые глаза горели, как факелы в сумерках. Пыль и камни вздымались вверх, а угольки от костров разлетались в разные стороны.

Огромная птица отступила, все проворнее и проворнее захлопала крыльями и поднялась высоко в воздух.

Тогда змея свернулась кольцом и подпрыгнула.

Птица закричала. Теммар, Садгур, Соня и все остальные в оцепенении наблюдали, как челюсти огромной змеи крепко схватили птицу за горло. Потекла кровь. Летучий монстр закричал, бешено захлопал крыльями и стал подниматься все выше и выше, увлекая за собой змею, а та, по мере того, как набиралась высота, извивалась и сворачивалась кольцами вокруг когтей и лап птицы, нанося один тяжелый удар за другим.

Высоко над лагерем, над деревьями раздавалось шуршание и шипение, шум неистово хлопавших крыльев, отвратительное карканье и крики.

Все запрокинули головы к небу, следя за полетом птицы и змеи над лесистыми горами. Садгур и Теммар побежали к солдатам, и правитель немедленно приказал своим людям, чтобы те позаботились о раненых товарищах.

Соня наблюдала за медленным полетом жуткой птицы и гигантской змеи, пока они не скрылись из вида за высокой горой. Затем, не обращая внимания на приказ Теммара помочь раненым, она, обнажив меч, полезла по склону горы. Разве она могла пропустить заключительный момент этой удивительной битвы!

Небо темнело, но луна на востоке была ясной и полной и хорошо освещала фигуры змеи и птицы, которые продолжали бой. Соня взбиралась, отбрасывая камни. Острые осколки врезались ей в руки, а выступы царапали колени.

Но она не упустила ни одного мига битвы. Оказавшись на самой вершине, она стала свидетельницей конца сражения.

Далеко на востоке, выделяясь черным пятном на фоне огромного шара луны, птица издала ужасающий крик, замахала крыльями и затряслася лапами. Змея почувствовала свободу. Соня наблюдала, как извивающаяся гигантская лента, пролетев в воздухе, упала в дальней части леса. Птица издала еще один пронзительный крик, взмахнула крыльями, запрокинула голову и

взмыла ввысь; подхваченная потоком воздуха, она быстро исчезла за темными облаками.

Соня вглядываясь в лес, пытаясь определить, где упала змея. Она прекрасно знала, что сумерки и расстояние могут сыграть дурную шутку даже с очень проницательным наблюдателем; поэтому, изучая местность, она мысленно представила все окрестности, вообразив, что это она сама летит вдоль склона в лес.

Скользя, цепляясь за выступы руками и ногами, Соня спускалась по склону уверенно, как лесная кошка, и, когда луна достигла зенита, она вошла в лес и направилась к северо-востоку, навстречу любым опасностям.

— Пятеро погибли,— мрачно доложил Садгур Теммару.— Нам повезло, что это не повторилось.

— Да, повезло...— Теммар окинул взглядом лагерь и его окрестности.

Перед ним был нетронутый пейзаж без единой свежесломанной веточки, без единого смещенного камня, несмотря на ужасающие разрушения, которые еще были столь живы в его памяти.

— Но не привиделось же нам все это!

Садгур смущенно переминался с ноги на ногу.

— Пойди, мой господин, посмотри на погибших повнимательнее.

Теммар последовал за ним в центр лагеря, где положили тела пяти погибших. Опустившись на колени, он внимательно осмотрел всех.

— Несколько глубоких царапин, какие могут оставить только когти ястреба,— заметил он.— Но эти раны, конечно, не смертельны. Полагаю, люди умерли от страха!

— Иллюзия колдуна,— проворчал Садгур.

— Да, да.— Кивнул Теммар, поморщившись, словно от боли.— Рыжей Сони или Сиониры нигде не видно?

— Нигде, мой господин. Но люди больше чем когда-либо готовы сразиться с Нгаигароном.

— Может быть, нам следует подождать до завтра?

— Сегодня, мой господин,— торопил другой военачальник Теммара.— Раненых надо заменить свежими людьми. Их гнев еще не остыл. Не может быть огня горячее, чем тот, что горит в них!

— Ты прав, ты прав,— кивнул правитель.— Пусть готовятся. Мы отправимся, как только все будут готовы.

Перед ней простиралось озеро — огромный, круглый водоем, спрятанный в низкой долине между лесистыми холмами. Соня стояла на берегу, на краю пути, который она сама для себя обозначила, рядом с огромным дубом — близ него, она предполагала, упала змея. Если это так, то чудовище, должно быть, в озере. На дне?

Итак, это был конец пути, и тайна, что преследовала, терзала и манила ее, осталась неразгаданной! Теперь частички этой тайны были похо-

жи на осколки разбитой вазы, половина из которых потеряны.

Змея, птица и Сионира и были теми самыми частичками, не дававшими Соне покоя. Змея — огромная змея с желтыми глазами...

Соня подошла к краю воды; вглядываясь в черную поверхность, — она пыталась проникнуть в иссиня-черные глубины и ощутить какое-нибудь послание в отражении луны и звезд. Но не было ни послания, ни огромной змеи!

Вдруг невдалеке она услышала звук — не то дыхание, не то прерывистый стон.

Соня настороженно двинулась сквозь стущавшуюся темноту, обнаженный меч поблескивал в слабом свете луны.

Снова стон, в котором слышались нотки усталости и боли — и почему-то очень знакомый!

Соня подошла к пологому берегу и стала осторожно продвигаться вперед, держа в правой руке меч, а левой отстраняя густой кустарник, заслоняющий ей путь. Луна вышла из-за облаков, залив своим ясным серебряным светом черное озеро и окаймлявший его высокий лес.

Соня обогнула кустарник и, когда луна осветила берег, увидела безжизненно распростертую фигуру. Женскую фигуру, обнаженную, стонущую.

Сионира...

При дневном свете кожа жрицы казалась смуглой или загорелой, но здесь, при лунном освещении, блестела почти фосфоресцирующей белизной.

Сионира снова застонала и перевернулась на бок; глаза открылись и сверкнули. У Сони учащенно забилось сердце, когда желтые глаза — глаза колдуньи, нечеловеческие глаза — уставились на нее, то вспыхивая, то тускнея, как огоньки на ветру.

Соня сглотнула.

Луна снова спряталась за облаками.

Что-то — рыба, птица, змея — с тихим плеском погрузилось в воды темного озера. Соня настороженно наблюдала за обнаженной женщиной, и тут Сионира тихо прошипела:

— Сссоня...

Змеиное шипение! Соня не двинулась с места.

— Сссоня... Не бойся! Я ранена!.. Прошу тебя... Я не могу причинить тебе вред! Да и не хочу!

Шаг за шагом, увязая в грязи, Соня медленно приближалась к Сионире, борясь с глубоким инстинктивным желанием напасть с мечом на это существо.

Она неуверенно остановилась над Сионирой и скривилась от отвращения.

Колдунья задыхалась.

Ее обнаженное тело, стройное и бледное, сверкало, подобно клинку на сырой черной земле.

— Сейчас я приду в себя, — прошипела она. — Пожалуйста, не бойся меня! Я сражалась с Нгаигароном. Мне просто необходимо помешать ему!

Соня вздрогнула.

— Ты была... змеей?

— Да! Да, — с булькающим смехом ответила Сионира.

— Ты колдунья и превращаешься в змею?
— Это — иллюзия, в некотором смысле. И все же...

Сионира замолчала. Она глубоко задышала, и после нескольких вздохов, казалось, пришла в себя настолько, что смогла приподняться, и посмотреть Соне в глаза. На ногах, бедрах, руках и груди Сиониры виднелись большие синяки. Следы когтей ужасной птицы?

— Не выдавай мою тайну, Соня, — взмолилась она. — Как бы ты ни ненавидела колдовство, ты должна ненавидеть Нгаигарона. Нгаигарона, а не меня!

— А почему я не должна ненавидеть тебя?
— Ты же говорила, что многим мне обязана. А Теммар — ему я тоже помогла! Разве это злое колдовство?

Соня не ответила.

— Разве все клинки злые, Рыжая Соня? И разве во всех, кто умеет орудовать мечом, живет зло?

Соня опять не ответила. Сионира издала тихий горловой звук — теперь целиком человеческий, без всякого змеиного шипения.

— Сохрани мою тайну, Соня, — настойчиво просила она, — а я все тебе расскажу.

— Все?

— Мое змеиное обличье не более чем часть моего колдовства. Наставники наделили меня большой силой, и я обладаю волшебным даром, который достался мне по наследству и который я должна использовать, когда наступит время.

Мой храм послал меня сразиться с Нгаигароном и отомстить ему. Я тень из прошлого, тень, падающая на душу Нгаигарона, и я знаю, что даже сейчас он это чувствует!

Соня поймала себя на том, что наклонилась поближе.

— Почему, Сионира? Почему?

— Нгаигарон... Нгаигарон, Рыжая Соня, — мой отец!

* * *

Когда Соня оставила Сиониру отдыхать и приходить в себя на берегу темного озера, луна уже шла на убыль.

Соня почти бежала по лесу, сердясь на себя за свои страхи. Теперь она знает всю историю, по крайней мере, в том виде, как ее преподнесла Сионира.

— Мой отец — человек, — рассказала ей Сионира, — но моя мать одна из бессмертных женщин-змей. Я родилась со знаком Падающей Звезды на ладони, и меня растили женщины-змеи в своих потайных убежищах далеко на юге. Мой долг найти Нгаигарона и убить его, если смогу. Теперь он могущественный волшебник и, к тому же насколько я слышала, очень привлекательный мужчина. Когда-то с помощью волшебства он соблазнил мою мать, одну из жриц храма, чтобы украсть скипетр Иксатла, и тем самым увеличить свою магическую силу. Я лишь орудие этого замысла — дочь, которую он никогда не видел. Меня вырастили и научили, что я должна делать.

Мне предстоит выполнить предназначение. Без скипетра я не вернусь; скорее умру!

* * *

Соня добралась до лагеря, когда люди готовились к походу на город. Увидев, как она вышла из леса, Теммар приказал своим часовым опустить луки.

— Мы тебя чуть не застрелили, думали, что ты погибла.

— Я побежала за птицей, — ответила Соня. — Я видела, как она уронила змею, и пыталась ее найти!

— Змею?

— Да.

— И нашла? — поинтересовался Садгур.

Соня осторожно взглянула на него.

— Я нашла озеро, вероятно, в лиге к востоку отсюда. Никакой змеи я не увидела, наверное, она упала в озеро.

Ее слова были встречены молчанием.

— Я не нашла змею, — повторила она.

— Ты по-прежнему хочешь идти с нами на город? — спросил Теммар.

— Да.

— Тогда вперед. Отдыхать некогда; мы должны выйти к долине до наступления дня.

Соня коротко кивнула.

— В путь. Я, как и любой из вас, готова сразиться с Нгаигароном!

Тем не менее, подозрительные, неуверенные взгляды сопровождали ее, когда она села на

лошадь и последовала сквозь ночь за Теммаром, Садгуром и остальными к расположенному в долине городу.

* * *

Праздник, решила Идзура. Праздненство. Да, нужно устроить пышный пир с танцами и развлечениями, чтобы показать оставшимся в живых старейшинам и аристократам Тальмеша их с Нгаигароном миролюбие. Это будет один из тех пиров, которые они привыкли устраивать с Теммаром! Только на этот раз они прибегнут к тонким намекам — вероятно, художественно изобразят пытки предателей и устроят небольшой показ чудес — предупредить мудрецов и богачей Тальмеша, что лучше принять новых правителей и больше не сражаться за прежние идеалы. Она покажет этим людям, которые никогда ее не любили и всегда считали чужеземкой, что она — сила, с ней надо считаться!

Приняв это решение, она не смогла ждать до утра, чтобы сообщить Нгаигарону о своем плане. Идзура поспешила покинуть сад, где, размышляя, прогуливалась всю ночь, побежала в дом, в спальню. Именно туда удалился Нгаигарон после таинственного появления и исчезновения птицы.

В тот момент, когда Идзура бежала из сада, сердце чуть не выпрыгнуло из ее груди, потому, что она увидела огромную тень, скользящую над деревьями. Это было не облако, это возвращалась птица, уменьшаясь в размерах по мере того, как она подлетала к маленькому окну спальни.

Энади решила уйти.

Пришло время довериться богам и, как бы это ни было безрассудно и опасно, попытаться бежать из Тальмеша от ужасов, творящихся во дворце и страшных опасностей, которыми кишел город. Нгаигарон и Идзура оба сумасшедшие и оба слишком сильны, чтобы она могла их одолеть.

Увидев, как Нгаигарон вызвал появление птицы, она сломя голову кинулась спасать свою жизнь и спряталась в кухне. Там, немного успокоившись, она приняла решение. Надо бежать!

Пока Нгаигарон отдыхал от своих колдовских трудов, а Идзура прогуливалась в саду, строя планы, малышка Энади, никого не разбудив, вернулась в комнаты слуг. Она медленно и осторожно собрала в темноте свои пожитки и, засунув узелок под кровать, легла, некоторое время полежала, притворяясь спящей и собираясь с силами. Когда свет низкой луны проник сквозь щели в ставнях западных окон, она начала кашлять и ворочаться на постели, симулируя болезнь. На самом деле ей не хотелось будить никого из обитателей комнаты, но лучше рискнуть, покашляв и постонав, чем быть обнаруженной при подозрительном бегстве среди ночи.

Спустя некоторое время, Энади соскользнула с постели и нетвердой походкой направилась к двери в конце комнаты, скрывая под платьем свой маленький узелок. Около двери возникла темная тень.

— Ты куда?

На мгновение застыв, Энади овладела собой и хриплым голосом прошептала:

— Я не знаю! У меня болит живот, и тошнит!

— Что ж, ладно! Иди!

— Простите меня! Я выйду немножко подышать свежим воздухом, а то меня вырвет.

— Ладно! Ладно!

Старшая служанка равнодушно повернулась и отправилась спать.

Энади вышла из комнаты и, заставляя себя идти медленно, прошла в конец коридора и стала спускаться по лестнице. Она боялась идти к выходу для слуг, так как знала, что там дежурят наемники Нгаигарона; она слышала их ругань и выкрики. Пьяные стражи не смогли бы устоять при виде одинокой беззащитной юной рабыни. Поэтому Энади, держась за живот и, наклонив голову, прошла по главному коридору, мимо спальни Нгаигарона и Идзуры. Теперь ей осталось спуститься по одной из лестниц к выходу.

Она благополучно миновала спальни, но у лестницы остановилась, услышав голоса. Спрятавшись за перила, она стала с интересом наблюдать, что же происходит во дворце в столь ранний час.

— Я тебе сказал, — доносился сердитый голос охранника, — что до приемного часа Нгаигарона увидеть нельзя!

— А я тебе уже говорил, — отрезал другой голос, — что мы только что пришли в Тальмеш и здесь, во дворце, находимся в большей безопас-

ности, чем на улице! Нгаигарон обязательно примет нас, и ты позволишь нам переждать здесь ночь!

— Вы провели в городе всю ночь?

— Нет. Мы пришли на рассвете. Ты не беспокойся! Мы только подождем, когда Нгаигарон примет нас!

Поднявшись на цыпочки и рискованно выглянув из-за перил, Энади попыталась разглядеть говоривших. Охранник, решила она, но голос ей незнаком...

Послышались шаги — и она увидела высокого человека в черном одеянии, расхаживавшего по коридору. Вскоре к нему присоединились еще несколько человек, и они стали о чем-то тихо совещаться. Все они были похожи на колдунов.

Боги! Как она выйдет из дворца, если там маги? Неужто весь мир сошел с ума?

Вдруг у себя за спиной она услышала шаги; испуганно повернувшись, Энади увидела идущую по коридору Идзуру. Повелительница, конечно, заметила ее, приблизилась и спросила:

— Энади, что ты делаешь здесь в столь поздний час?

— Прости меня, госпожа! Мне стало нехорошо, поэтому я вышла подышать воздухом, но не хотела возвращаться обратно из-за солдат!

С лица катился пот, у нее дрожали руки, и трудно было смотреть Идзуру в глаза.

— Нехорошо? Нехорошо? Ты не должна болеть. — В голосе Идзуры появились нотки раздражения.

— Я... я почувствовала судороги и лихорадку. Меня трясло! Надеюсь, это не...

— Иди на кухню! Пусть слуги тебе что-нибудь приготовят. Может, бульон. — Она пристально вглядилась в Энади. — Уж не боишься ли ты?

— Так, немного...

— Почему? Чего ты боишься? Что это за голоса?

— Госпожа, здесь какие-то странные люди говорят с охранниками. Я их видела, они...

Внезапно тишину ночи взорвал ужасающий треск и вой, словно приливная волна прорвалась во дворец. Из спальни в коридор донесся громоподобный крик и громкий вой Нгаигарона.

— Боги! — Идзура помчалась по коридору.

Глядя по сторонам и не зная, что предпринять, испуганная девушка мгновение колебалась, а потом побежала за госпожой.

Идзура распахнула двери спальни и пронзительно закричала при виде выскочивших на встречу охранников, белых от ужаса, с выпученными глазами. Энади остановилась на пороге комнаты.

Птица!

Она кружила по комнате, каркая и крича, устремляясь вниз и пытаясь в очередной раз атаковать Нгаигарона, схватить колдуна когтями и ударить черным клювом по его глазам или лицу.

Нгаигарон лежал на полу в центре комнаты и неистово вопил, размахивая руками, пытаясь с помощью заклинаний отразить атаку. Чуть за-

метный ореол — искра угасавшей силы — играл вокруг его тела, и когда кончики крыльев и когтей птицы соприкасались с этим ореолом, высекались голубые, желтые и красные искры.

Зловещая птица, созданная колдовством, не выполнила своего предназначения и, не истрачив колдовскую силу, которой наделил ее Нгаигарон, вернулась к колдуна, чтобы лишить его энергии. Идзура, пробравшись в комнату, прижалась к дальней стене и начала выкрикивать собственные бесполезные заклинания и махать руками в бесплодной попытке остановить птицу. В отчаянии, она схватила горящий факел и бросила его в демона.

Птица молниеносным движением поймала его клювом и, тряхнув головой, бросила на пол. Полетели искры.

Идзура пронзительно закричала и еще сильнее вжалась в стену.

Из коридора донеслись звуки тяжелых шагов и лязг стальных мечей. Стражники!

— Назад!

Энади увидела высокого человека с желтыми глазами, одетого в темную мантию. За ним шли еще шестеро, очень похожие на него.

— Назад, охрана! Вы его не спасете! Когти и крылья его не коснутся! Назад!

— Но ты-то что можешь сделать? — выкрикнул охранник.

— Я Аспр, колдун, а это мои сподвижники. Все мы отмечены Падающей Звездой. Не мешайте нам. Посторонитесь! Быстро!

Оттолкнув Энади, потрясенные и испуганные стражники выбежали из комнаты. Она, не в силах пошевелиться, сжалась в уголке, глядя на колдунов и чувствуя, как вся обливается холодным потом.

Аспр тем временем отдавал приказания своим спутникам.

— Окружайте ее! Встаньте в разных местах и пойте ходжус!

Семь человек встали кругом, вытянули руки, едва касаясь друг друга кончиками пальцев.

Аспр произнес заклинания.

— Эмбуруус — уто-тоа!

Птица закричала, по-видимому, только сейчас заметив колдунов.

Голубое сияние окружило вскинутые над головой руки Аспра.

— Эсфу! Эсфу туота!

Шестеро его сподвижников подняли руки вместе с ним, и голубое сияние распространилось и на них.

Птица снова закричала, но движение ее крыльев стало замедляться; она даже перестала держать когтями и клювом. Когда голубое сияние начало обволакивать ее тело, птица, летая по комнате и теряя силы, начала медленно превращаться в расплывчатое сапфировое пятно.

Наконец, теряя силы, пятно упало в самый центр круга, возле Нгаигарона.

Спустя некоторое время к Нгаигарону полностью вернулась колдовская сила, ореол вокруг его тела исчез.

Теммар со своим отрядом еще до рассвета добрался до подножия холмов и вышел на заросшую высокой травой равнину, простиравшуюся до самого Тальмеша. Стены города, что находились меньше чем в лиге от них, четко вырисовывались в свете раннего утра.

— Что теперь? — громко спросила Соня, глядя на Теммара и Садгура.

Она чувствовала, как в ней растет раздражение — виной тому и вечерняя схватка с птицей, и долгие бессонные часы... а теперь еще и очевидная ошибка Теммара, решившего пересечь равнину при ярком дневном свете.

Садгур бросил на нее сердитый взгляд, явно возмущенный прозвучавшим в ее тоне сомнением. Но не произнес ни слова...

Теммар никак не отреагировал на слова Сони, он даже не слышал их, так как пристально рассматривал лес у подножья холмов.

Наконец, приняв решение, он пришпорил лошадь и направил животное к деревьям невдалеке. Садгур, Соня и его люди поскакали вслед за ним.

В лесу Теммар спешился и какое-то время шел, внимательно оглядываясь вокруг, словно желая что-то найти. Затем он остановился перед огромным камнем, заросшим мхом и мелкими кустиками, протянул руку к мечу, потом передумал и поднял с земли тяжелый сук.

— Садгур, собери несколько человек покрепче! Они нам понадобятся.

Садгур подозвал нескольких воинов. Те спешились и вместе с ним подошли к правителью.

Сначала Соня в замешательстве следила за Теммаром, но постепенно до нее дошло, что в этом странном поступке, возможно, есть свой смысл.

Садгур и шестеро солдат нашли крепкие колья и, встав рядом с Теммаром, подвели их под камень, и, поднатужившись, попробовали приподнять его. После нескольких попыток восемь человек, обливаясь потом и ворча, сдвинули валун с места. При этом раздался сильный скрежет, словно под камнем зияла пустота — это не был звук, который издает камень, сдвинутый с твердой земли.

Теммар отступил назад, несколько раз тяжело вздохнул и велел своим людям еще немного подвинуть камень. Со стонами и кряхтением дело было сделано: все увидели зияющий в земле провал.

— Тоннель! — воскликнула Соня.

Теммар посмотрел на нее и улыбнулся.

— Да, Соня, по крайней мере, такой же старый, как Тальмеш. Я узнал о нем от отца, когда взошел на престол. Вероятно, сначала он служил для того, чтобы в случае осады можно было бежать из города. В старину он и использовался с этой целью — полагаю, в каждом городе в этой долине есть такой ход — но в период мира о нем забыли. Если старинные карты верны, этот тоннель приведет нас к сточной трубе на северном конце города.

Соня ответила ему одобрительным кивком. Теммар — настоящий предводитель, а хороший предводитель, подумала она, не знает поражений; в его арсенале всегда имеется еще одна последняя хитрость, еще одно преимущество, оставленное на последний момент и, конечно, еще одно преимущество после этого!

Воины поочередно слезали с лошадей и спускались в тоннель. Когда все, кроме тех, кто сдвигал валун, скрылись в темноте, Теммар задержал их.

— Мне нужно, чтобы вы остались возле лошадей, — объяснил он.

— Господин, мы хотим сражаться!

— Я это знаю и ценю! Уверен, вам еще представится эта возможность! Но сейчас...

— Не спорьте с Теммаром, — рявкнул на них Садгур.

— Тебе легко говорить, — резко ответил один из них. — У тебя-то будет шанс сразиться с этим чудовищем!

Садгур фыркнул, но не ответил; он знал их настроение и не упрекал их.

— Своего решения я не изменю, — твердо произнес Теммар.

— Хорошо, мы подождем, — сказал один из воинов помоложе, — до завтрашней ночи. Если до тех пор ничего не случится...

— Вы возвратитесь в лагерь! — сказал Теммар.

— Мы пойдем к вам, — ответил другой воин.

— Как хотите, — произнес Теммар, покачав головой. — Я никогда не прикажу вам поступить

против совести — по крайней мере, на этот раз. Прощайте!

— Мы снова увидим тебя на троне, — заявил молодой воин, протянув руку.

Теммар пожал ее, взглянул юноше в глаза и чуть заметно улыбнулся.

— Да будет так... — Затем повернулся к Садгуру. — Иди вперед! За тобой Соня, потом я.

Садгур начал спускаться. Соня прыгнула следом за ним.

...И смирение, — подумала она, — последнее качество хорошего предводителя. Смирение, вера в богов. Я никогда не смогу быть настоящим предводителем...

Теммар спрыгнул следом за ней и крикнул оставшимся:

— Верните камень на место, да уведите подальше лошадей! Понятно?

Молодой воин кивнул и хлопнул себя по груди.

— Силы и победы тебе!

— Охраняйте лошадей и ждите нас до завтрашней ночи!

Теммар молча следил, как постепенно меркнет дневной свет и темнота заползает в тоннель, заполняет, и, наконец, полностью поглощает его.

Когда наступила кромешная тьма, он сказал:

— Те, у кого есть факелы, зажгите их! И тронемся в путь. Нам надо пройти почти лигу, а я хочу добраться до цели еще до привала. И, пожалуйста,тише — топот ваших сапог могут услышать в городе!

Подземное шествие началось; Соня следовала за Теммаром, глядя на его сильную спину, длинные светлые волосы, блестящие в мерцающем свете факелов.

* * *

Нгаигарон проснулся навстречу солнечному свету. В комнате было тихо, но у него создалось ощущение, что в спальне кто-то есть. Он полностью пробудился и вспомнил абсолютно все, что с ним произошло; колдун сел на край постели и уставился на семерых в темных одеждах, застывших у противоположной стены.

— Спасибо, Братья!

Все семеро поклонились.

— Вы вовремя вмешались! Ваша доблесть не уступает моей.

— Ты один стоишь нас семерых, Нгаигарон, — сказал Аспр. — И то когда наиболее слаб!

— Как твое имя?

— Аспр.

— Не слышал раньше.

— Я еще новичок в нашем Искусстве, как и все мы. Мы пришли в Тальмеш за твоей помощью и советом!

— И все это вы получите в благодарность за то, что сделали для меня сегодня!

Он повернулся к Идзура, стоявшей, сцепив пальцы, в углу комнаты. Глаза ее были наполнены сомнением и страхом. Нгаигарон молча, пристально глядел на нее. Когда сила его взгляда стала невыносимой, Идзура выпалила:

— Я сделала все, что могла, мой господин! Он ответил голосом, полным холодного понимания:

— Я знаю.

— Я сделала все, что могла! Клянусь, это правда! Чудовище было слишком сильно! Ты слишком силен!

Нгаигарон перевел взгляд с нее на магов.

— Теперь вы должны меня покинуть. Мне еще надо немного отдохнуть; потом я должен отправиться в храм Урму и принести благодарственную жертву. Пожалуйста, пройдите с охранниками — они покажут вам ваши комнаты. Считайте себя моими гостями, учениками и помощниками!

Все семеро, поклонившись, удалились.

— Пожалуйста, Идзура, оставь меня! Мне нужно отдохнуть!

Но та с криком подбежала к нему, бросилась в постель и принялась целовать, гладить его тело, понимая, что чуть не лишилась своего возлюбленного.

— Я люблю тебя! Я люблю тебя! Я не хочу тебя потерять!

— Успокойся, Идзура, успокойся. Все хорошо. Мы знаем наших врагов, и мы победим. Отдохни, моя Идзура. Я отдохну, и ты отдохни. Спокойно. Все хорошо, моя любимая!

В нем снова вспыхнули угольки старого пламени, и он вовсе не отыхал, лежа рядом с Идзурай, погрузившейся в прерывистую, беспрекословную дрему.

* * *

Когда факелы почти догорели, отряд, возглавляемый Теммаром и Садгуром подошел к концу тоннеля и оказался перед большой зарешеченной дверью, прикрепленной к каменной стене тоннеля огромными чугунными петлями.

— Погасите все факелы, кроме одного,— распорядился Теммар.— Давайте его сюда!

Ближайший к нему воин вышел вперед и осветил дверь своим факелом.

— Садгур...— позвал Теммар.

— Я здесь, мой господин.

Теммар внимательно осмотрел решетку, взял факел и попытался через отверстия посветить наружу.

— Я так и думал,— пробормотал он.— Эта дверь ведет в одну из главных сточных труб города. Открыв ее, мы смогли бы точно определить, где находимся.

Поняв это замечание как намек, Садгур прошел вперед и ощупал дверь, проверил крепость старых ржавых петель. Затем он с ворчанием схватился за решетку, потянул, потолкал и потряс дверь. Теммар предложил свою помощь, но великан проигнорировал его; остальные воины столпились рядом, внимательно наблюдая, как Садгур возится с дверью.

После нескольких рывков дверь поддалась. На пол тоннеля попадали куски поржавевшего металла.

Продолжая держаться за решетку, Садгур сделал шаг вперед, ухватился за тяжелую дверь,

присел и спрыгнул в сточную трубу. Он приземлился на грязный кирпичный пол.

Сточную трубу освещал тусклый серый свет, проникавший снаружи через зарешеченные отверстия в потолке, расположенные длинным рядом. В трубе стоял затхлый, гнилой, зловонный запах сточных вод.

Люди один за другим спрыгивали в трубу; когда их глаза привыкли к тусклому свету, они стали различать узкие тропочки по краям сточной канавы и маленькие, сравнительно чистые островки кирпича и камня, которыми была выложена труба. Собравшись вместе, они дружно проклинали зловонный воздух, ящериц, змей и огромных крыс, прятавшихся от непрошеных гостей в грязной канаве.

— Подождем до наступления ночи,— сказал Теммар,— а потом двинемся дальше. Не можем же мы выйти прямо на главную улицу; придется поискать пути, ведущие в боковые аллеи.

Соня вышла из тоннеля одной из последних. Она и раньше бывала в сточных трубах, и ей всегда становилось нехорошо от неясного мрака, зловония, липкости и призрачной таинственности.

Одно дело сражаться с гигантской птицей на открытом всем ветрам горном склоне; к битвам она привыкла и не чувствовала ни сомнения, ни страха во время верховой прогулки по покрытому лесом горному склону; но переход по тоннелю начинал действовать ей на нервы. А теперь, спрятанная в этой зловонной сточной трубе, как

попавшая в ловушку, Соня в полной мере ощущала, в каком опасном положении они все оказались. Это Нгаигарон, колдун, виноват в том, что им приходится прятаться, как распоследнему отребью, в городских сточных трубах, кишащих крысами и прочей нечистью! Она сделает все возможное, чтобы уничтожить его!

* * *

Вечером Нгаигарон покинул дворец в сопровождении пятидесяти стражников и проследовал к Храму Грифа. На шее его снова красовалась деревянная птица-талисман; у нее не было ни своей жизни, ни своего разума, ни собственной силы, кроме той, которой ее наделял Нгаигарон.

В храме уже убрали трупы, чтобы потом использовать для жертвоприношений, а раскрошенные камни заменили.

До Нгаигарона доносились крики и ропот жителей Тальмеша — они восстанавливали старинный храм Темной Птицы под кнутами его наемников.

Солнце зашло. Пока оно садилось, Нгаигарон молил богов дать ему силы, а потом всех, кто больше не мог работать, принесли в жертву Урму.

Наконец, он вернулся во дворец, намереваясь побеседовать с семью молодыми колдунами.

Пока что он колебался, не стоит ли из осторожности просто убить их и тем самым проверить свое могущество, или лучше взять их на службу, чтобы в дальнейшем использовать для своих планов.

* * *

Семеро колдунов, моясь и переодеваясь, беседовали друг с другом — слуги доложили, что их приглашают на трапезу.

— Нгаигарон — наш враг, — уныло произнес Элат, — Я это чувствую.

— Пока нет, — сказал Аспр. — Он может стать нашим врагом, если мы будем вести себя неразумно, но пока нет. Скорее всего, наш враг — Идзура!

Менк, самый молодой, насмешливо фыркнул.

— Она всего лишь женщина, и довольно глупая. Ее колдовство не может ни помочь Нгаигарону, ни противостоять нам. Она прикрывается чарами ладана и эфирных масел, но ей явно неизвестно, к примеру, наше заклинание звезд!

Аспр смерил его немигающим взглядом.

— Будь осторожен, Менк — и все остальные тоже. Не стоит недооценивать женщину, особенно привлекательную, как Идзура. Ее власть над Нгаигароном может оказаться сильнее всего нашего колдовства. По-моему, Нгаигарона никто не может победить. Но я боюсь, что Идзура думает, будто может владеть им с помощью страсти и красоты своего тела, и, думаю, она опасается, что мы хотим заключить союз с Нгаигароном против нее. Поэтому она может быть очень опасна. В отношении гордости, ненависти и амбиций все обстоит так, как записано в Книге Пути: "В гордости нет справедливости. Честолюбие ослабляет кулак и ослепляет глаза; языки становятся кинжалами, а обещания — пеплом".

Он поднял руки, посмотрел на ладони, потом сложил их и пробормотал защитную молитву.

* * *

Обнаженная Идзура лежала на постели, чувственно потягиваясь. Она протянула руку, схватила светлые волосы Энади, притянула к себе голову девушки и наградила ее долгим поцелуем в губы.

— Ты все хорошо сделала, Энади, — сказала, наконец, она. — Тебе понравилось?

Девушка дрожала; она украдкой вытерла губы и отвернулась, чтобы госпожа не заметила отвращения в ее глазах.

— Ты хорошо сделала. Все еще боишься?

— Я всегда буду бояться!

— Может быть, в конце концов, это и неплохо. Может быть, Энади, ты и меня научишь бояться!

Энади села; она чувствовала озноб и легкую тошноту.

— Можно ли научиться или научить бояться, Энади?

— Тысяча извинений, госпожа... Я так не думаю.

Идзура тихо произнесла:

— Может быть, ты права. Вероятно, я уже испытала все страхи, которые мне суждено было испытать. Что ж, я согласна быть глупой, озабоченной, безрассудной, но трусливой — никогда! — Внезапно ее настроение изменилось, она стремительно провела рукой по своим темным волосам

сам и резко произнесла: — Дай мне мою одежду и благовония, Энади! Я должна идти в трапезную.

* * *

Смеркалось. Один за другим воины вылезли на открытый воздух — на одной из окраинных улиц родного города. Они действовали тихо и тайком, как преступники, враги или разбойники. Теперь здесь все казалось им чуждым, тени боли, предательства и колдовства тяжело нависали над поверженным городом, погруженным в ночь.

— Возьми своих людей и иди на север, — приказал Теммар Садгур.

Они пожали друг другу руки, поклялись в верности, произнесли молитвы — и расстались.

Садгур немедленно разбил своих людей на группы по три-четыре человека.

— Встречаемся здесь перед самым рассветом, — распорядился он. — Теммар тоже будет здесь. Берегите себя, да и сами никого не убивайте без особой необходимости. Куда бы вы ни пошли, прежде чем что-либо сказать или сделать, внимательно слушайте и хорошенько думайте. Нам нужны повстанцы; должно быть, найдется немало людей, которые желают сразиться за свой город. Но берите их только в том случае, если будете уверены, что их намерения серьезны, только когда по-настоящему убедитесь в их преданности и мужестве!

Садгур ушел один, не желая, чтобы кто-нибудь сопровождал его. Настал час возмездия!

Он шел уверенными, тяжелыми шагами, спрятав меч под длинным плащом. Везде стояла охрана: на освещенных факелами улицах, в дверях, на крышах; в большинстве своем это были черные, дикие воины из Куша, Кешана и Дарфара.

Садгур шел мимо библиотек, ставших притонами пьянства и разгула. Он видел чуждые, таинственные символы, нарисованные кровью на стенах домов и фасадах лавок. Некоторые из них были зачеркнуты углем или остриями камней или кирпичей, а рядом нацарапаны дерзкие предупреждения: "Смерть Нгаигарону!"; "Колдун узnaет месть богов!". Но чаще всего встречалась надпись: "Геммар дафу!" — "Геммар жив!"

Он прошел мимо группы охранников, окруживших на углу улицы плачущую молодую женщину; они нагло приставали к ней, гладили ее по волосам. Садгур, проходя мимо, с трудом удержался, чтобы не вынуть меч и не напасть на них. Когда один из солдат поставил женщину на колени, она заплакала еще громче, тогда другой подошел ближе и ударил ее по лицу.

Увлеченные своим занятием, наемники не заметили Садгура. Скрывшись в тени и переведя дух, он еще несколько мгновений осторожно понаблюдал за ними, а потом тихо пошел дальше. Юркнув в маленькую калитку, он подошел к открытому зарешеченному окну. Слабый свет освещал улицу и стену противоположного дома. Почуяв приближение Садгура, в мусорной куче пронзительно завизжали крысы и в панике бросились наутек.

Из открытого окна до него доносились обрывки разговора.

— А что, если мы и впрямь заподозрим, что ты, Кирос, строишь коzни против Нгаигарона? — спрашивал мужской голос.

У Садгура душа ушла в пятки.

— Ну, не знаю... Послушай, Сирт, это подозрение совершенно нелепо... — ответил юношеский голос.

— Х-ха... Может быть нелепо, а может быть и нет, — вмешался третий голос, грубый и хрипловатый.

Первый, которого назвали Сиртом, хохотнул, словно над непристойной шуткой, и сказал:

— Но о тебе тут был разговор...

— Что? — почти вскричал Кирос.

Его собеседники разразились хохотом. Садгур задрожал от волнения: неужели этот юношавостанец попался в руки наемников Нгаигарона или это просто пьяная болтовня? Судя по голосам, это были жители Тальмеша.

— Что за разговор?

— Эта маленькая служаночка из дворца! Она против Нгаигарона? Ты ведь с ней часто встречался!

— Ничего девчонка, — заметил хриплый голос. — Может быть, поэтому?

Пауза. Затем юный Кирос ответил с вымученным смешком:

— Понятно! Вы думаете, я через нее добываю сведения!

— А это так?

— А что, если и так? Что с того? Во всяком случае, Нгаигарон ничего для нас не сделал! Мы живем хуже, чем раньше!

— У нас есть все: женщины, еда, крыша над головой!

— Я все это имел и на службе у Теммара, но без всяких принудительных работ!

— Так ты хочешь убежать от Нгаигарона?

— А почему нет? Мы всего лишь наемные солдаты, а не герои. Я здесь для того, чтобы получить все, что могу, и, думаю, от Нгаигарона мы получили все, что можно!

— Хочешь попытаться найти Теммара?

Хриплый голос не ответил.

— Ну, так что?

— Я жил в этом городе, когда правил Теммар. Хороший был город. Ну, а ты что думаешь, щенок?

— Я не солдат,— отозвался Кирос,— что бы вы оба ни думали. Но я готов сражаться на стороне Теммара!

Садгур застыл в ожидании.

Послышились звуки шагов.

— Пойдем, найдем твоих друзей, Кирос.

— А вы бы хотели помочь нам? — спросил юношеский голос.

Неожиданно для Садгура дверь дома открылась, и на пороге показался крупный мужчина. Он осмотрелся, и взгляд его упал на Садгура.

На миг время остановилось. Затем хриплый голос произнес:

— Что это? Кто здесь...

Садгур потянулся за мечом.

Из двери вышел второй, Сирт, за ним юноша, Кирос. Все удивленно смотрели на Садгура.

— Я все слышал, — произнес Садгур.

Обладатель хриплого голоса, оттолкнул Кироса и быстро вышел вперед.

— Что мы готовы выступить против Нгаигарона?

— Да.

В этот момент у них был выбор между словами и мечами: трое против одного, но все же человек был не из слабых, да и весь его вид говорил о том, что он не раз наносил смертельные удары, и, кроме того...

Оба старших перекинулись взглядами. Юноша неуверенно стоял в стороне.

— Ну? — проворчал Садгур.

— Ты человек Теммара?

Но Садгур не собирался отвечать на этот вопрос, пока не убедится в их дружелюбии.

— Я был...

— А теперь ты участвуешь в восстании?

Садгур не ответил. Хорошенько подумай, остановившись, прежде чем что-нибудь сказать или сделать!

Хрипун произнес:

— Мы готовы, мой друг! Этот юноша знает многих людей, недовольных Нгаигароном.

— Это верно,— подтвердил юноша.

Садгур несколько расслабился.

— Мы можем поговорить? — спросил Сирт.

— Да,— осторожно кивнул Садгур.

Сирт — высокий, худой человек с косящими глазами, оглянулся на своих спутников.

— Тогда идем к его друзьям! — предложил он. Кирос обратился к Садгуре:

— Мы можем поговорить, мой господин. На улицах сегодня спокойнее. Нгаигарон чувствует, что ему ничто не угрожает. Только спрячь свой клинок! Мои друзья сейчас в таверне "Золотая Жаба"!

Упоминание о таверне отбросило все колебания Садгура: он почувствовал, что сейчас отдал бы все на свете за хорошую кружку холодного пива!

Конец разговору положил хрипун:

— Да, пойдемте выпьем и все обсудим! Только, чтобы не привлекать внимание солдат, идем уверенней! Идем так, словно мы хозяева города, тогда все будет в порядке. "Золотая Жаба" — это ведь, если не ошибаюсь, таверна Троса?

— Да, Троса.

— Вот, вот, кто бы подумал, что он повстанец! Ну, что, мой друг — ты с нами?

Садгур кивнул, оставив при себе терзавшие его сомнения.

— Идем!

Когда они вчетвером пошли по улице, юноша с Садгуром несколько опередили спутников; он был очень возбужден и, не останавливаясь, засыпал Садгура вопросами.

— Ты действительно знаешь Теммара? Я мечтал хоть один день послужить у него! И вот, наконец, свершилось!

Садгур сдержанно рассказал ему об Теммаре — тщательно выбирая слова, чтобы не наболтать лишнего, но испытывая при этом нескрываемую гордость.

Двое других, улыбаясь и перешептываясь, обогнали мирно беседовавших Садгура и Кироса.

— Вот уже двое, — шепнул Сирт, — и один из них, действительно, повстанец! Боги с нами!

— Да, мы здорово обдурили этого мальца! А теперь и все его друзья будут в наших руках!

— Это проще простого! Надо только привести этих двоих во дворец и получить наше золото!

— Больше жертв Нгаигарону! Клянусь Небом, это нам удастся лучше, чем быть помощниками Теммара!

— А на обратном пути, может быть, допросим рабыню Идзуру?

— Почему нет? — загоготал хрипун. — Ночь только начинается, а у этой блондинки славная попка! Хотя, думаю, не стоит! Я слышал, Идзура сама любит позабавиться с этой девицей. Опасно заставлять ее ревновать!

Они громко рассмеялись.

Садгур, продолжая расхваливать Теммара перед юным Киросом, решил, что эти двое позволили себе какую-то неприличную шутку над Нгаигароном...

* * *

Соня, Теммар и пятеро его воинов направились в таверну, хозяина которой правитель знал с детства. Тем не менее, сначала он послал одного

из своих людей на разведку, узнать, жив ли еще этот седой одноглазый человек.

Его нашли в своем подвале в обществе четырех мужчин и двух женщин, одна из которых, беременная, оказалась его внучкой. Человек Теммара чуть не довел одноглазого Бенфу до сердечного приступа, окликнув его из темноты, когда старик нес хлеб и вино из безлюдной таверны в свое убежище внизу.

— Я служу Нгаигарону! — прошипел он в ответ.

— Проклять! Я с Теммаром!

— Ты лжешь!

— Успокойся. Теммар с нами! Пойди посмотри!

— Ты лжешь, ты лжешь!

Но посланец не лгал. Он отступил к двери, открыл ее, и Теммар, Соня и все остальные вошли. Старый Бенфу крепко обнял Теммара, рыдая от радости, что видит своего господина живым и невредимым.

Пока вся компания, собравшись внизу, поглощала нехитрую еду, Теммар с Соней сидели за столом наверху, в темной таверне. Они наблюдали за улицей в полуоткрытое окно, но здесь, близ окраины города, было мало дозорных и мало прохожих, лишь женщины рылись в мусоре в поисках остатков пищи.

Время от времени они заговаривали друг с другом.

— А твоя жена? — спросила Соня, подхватывая нить разговора, оброненную Теммаром.

— Я ненавижу ее! Ничего не могу с этим поделать, Соня. Я доверял ей, одним богам известно, почему, а сейчас это доверие полностью утрачено! Она — избалованное дитя, стремящееся достичь недоступного, и презирающее то, что уже достигнуто. Она никогда не могла бы быть обычным человеком! А теперь Идзура стала ведьмой, предательницей. Полагаю, немалую роль тут сыграло ее происхождение.

— Каждый из нас выживает как умеет, Теммар!

— Правильно! Но это ее не оправдывает. Ведь есть еще ценности, дарованные нам богами!

— Нет, это ее не оправдывает. Но я часто думала о ценностях...

Теммар резко повернулся к Соне.

— Ты благодаришь людей, когда они помогают тебе, пытаясь отплатить им тем же самым и ожидаешь, что и люди тебе отплатят за твою помощь?

— Да.

— Ты веришь, что есть силы и существа более великие, чем человек?

— Да.

Что-то внутри Сони похолодело, когда он упомянул о потусторонних силах, обрекших ее, похоже, на незавидную участь.

— Ты веришь, что человек может обладать такими качествами, как справедливость, честность, искренность... что, хотя он, может быть,

часто терпит поражения, он должен по-прежнему стремиться к этим ценностям?

Соня медленно кивнула:

— И что на свете существует любовь?

— Да, я знаю, что она есть.

— И что в человеке есть как плохое, так и хорошее?

— Я со всем этим согласна, Теммар; а что?

— Есть общепризнанные ценности. Воин ты или шлюха, король или сапожник — есть ценности, общие для всех: человеческое достоинство, отношение к жизненной борьбе, как к стоящему делу. Тот, кто не верит в эти ценности, не может называться человеком; в некоторых ситуациях он сможет нарушить все законы добра. Может быть, на какое-то время добро лишь с огромным трудом возобладает в его борьбе с самим собой, но... Чем больше хвастовство, тем большее сомнение вызывает хвастун; чем сильнее доспехи, тем слабее человек, который их носит; чем громче голос, тем менее убедителен аргумент — и так далее. Ты все это знаешь, Соня, иначе ты не была бы такой, какая ты есть. Рано или поздно это качество проявится в слове, в действии — в приготовлении хлеба, занятии любовью или борьбе за чью-то жизнь.

Соня спокойно слушала его. Ей становилось ясно, что философия Теммара произрастает из глубокой обиды, которую нанесла ему Идзура. Ей захотелось протянуть ему руку. Это была не любовь, а глубокая симпатия, сочувствие абсолютно чужих друг другу людей, двух воинов.

— Мы используем слова, чтобы уклониться от действия, — задумчиво произнес Теммар, — а действия, чтобы уклониться от слов. Боги, боги! Где же истинное равновесие? Где же ответ, который не ведет к дальнейшим вопросам? Почему человек не более чем надежда и быстро исчезающий призрак, передающий своим потомкам знания, чтобы те забывали их?

Он сцепил руки, положил их на стол и откинулся назад — при этом его лицо скрылось в тени.

Вдруг снаружи, с улицы, послышался шум, тотчас же вернувший обоих к реальности.

В комнате не было света и их присутствия ничто не выдавало, но Соня, тем не менее, низко пригнулась и молча вытащила меч, потом, прижавшись к стене, осторожно выглянула в окно. Теммар, спрятавшись по другую сторону окна, тоже выглянул, пытаясь определить источник шума. Потекли долгие мгновения ожидания.

Соня начала успокаиваться. Неужели шум возник лишь в их воображении?

Затем шум раздался снова, и на улице показалась высокая темная фигура. В это же мгновение на лестнице послышались шаги.

— Теммар...

Это его люди поднялись из подвала. Теммар шепнул из тени:

— Тихо! Враги!

Все четверо воинов в тот же миг осторожно отступили в пелену темноты, и, спокойно обнажив мечи, застыли в ожидании.

Фигура появилась перед окном и заглянула в комнату, показав свое тусклое, белое лицо, Соня подавила глубокий вздох. На бледном, вытянутом лице непрощенного гостя сверкнули желтые глаза. Колдун!

Глава четвертая

И

огда двое, шедшие впереди, обернулись, юный Кирос поднял взгляд и вдруг заметил, что они идут совсем не к таверне. Он прервал Садгура жестом и прошептал:

— Мы идем вовсе не к моим друзьям!

Садгур замедлил шаг и оглянулся; Кирос тоже посмотрел через плечо. Повсюду на улицах стояли стражники.

Двое их спутников остановились и повернули к ним. Под их плащами посверкивали обнаженные мечи.

Садгур остановился. Его прошиб холодный пот.

— Что такое...

Он мгновенно потянулся за мечом.

Но двое подскочили к нему с занесенными клинками, и Садгур только успел сжать кулаки.

— Иди!

— Я вам обоим перережу глотки! — зарычал Садгур.

— Попробуй!

Сирт поднес меч к горлу Садгура и наклонился с намерением вынуть из ножен его оружие. Его спутник проделал то же самое с застывшим в шоке Киросом.

— Теммар!

Обуреваемый гневом, понимая, что он погиб, Садгур выхватил меч левой рукой, а массивным правым кулаком ударил Сирта в лицо. Тот тяжело рухнул на булыжники.

Хрипун развернулся и уже поднял меч, чтобы поразить Садгура, как вдруг напрягся, заревев от гнева и боли. Юный Кирос выхватил кинжал и вонзил его предателю в бедро. Хрипун развернулся и рубанул мечом, прорезав пустой воздух, а в это время юноша увернулся и со всех ног бросился наутек. Тогда он повернулся к Садгуру, но тот с поднятым мечом уже надвигался на него. Предатель с проклятиями опрометью бросился бежать.

Садгур выругался в ответ, вынул один из своих длинных кинжалов и мастерски метнул его. Тяжелое лезвие угодило врагу точно между лопаток. Хрипун пронзительно заорал и рухнул на булыжники, где и остался лежать; руки у него дрожали, а ноги были совершенно неподвижны.

Со всех сторон, вынимая на ходу мечи, на крики сбегались наемники Нгаигарона. Сирт, бормоча проклятия и выплевывая кровь, схватил свой оброненный меч, но Садгур, рыча, взмахнул клинком и отрубил предателю руку до самого плеча.

— Назад, юноша! — крикнул он Киросу, когда наемники Нгаигарона подошли вплотную. — У меня еще один кинжал! Попроворнее действуй своим клинком — клянусь, они дорого купят наши жизни! Осторожно — вот они! Теммар!

Стражники Нгаигарона окружили их — и звенела сталь.

* * *

Они появились, когда обед во дворце близился к концу — небольшой отряд наемников.

— Мы захватили двух пленных, Нгаигарон, — сказал старший, черный дарфарец с окровавленной повязкой на руке, в которой он держал меч. — Повстанцы из Тальмеша. Решили взять их живыми, чего бы нам это ни стоило, зная, что тебе так больше понравится!

Нгаигарон похвалил их и пообещал щедро вознаградить за развлечение, которого жаждали разгоряченные вином гости. Идэура и колдуны пристально смотрели на Нгаигарона, приказавшего ввести пленных.

Несчастные были закованы в цепи и все покрыты ранами, ссадинами и синяками, особенно один, высокий и мускулистый, чья левая рука была так изрублена, что он был, безусловно, истек кровью, если бы не грубый жгут у самого плеча.

— Кто эти пленные? — спросил Нгаигарон.

— Мятежники из Тальмеша, мой господин. Их имена нам неизвестны.

Нгаигарон внимательно рассмотрел пленников.

— Молодой, я думаю, слуга. По-моему, я два или три раза видел его во дворце, хотя с уверенностью сказать не могу — эти белокожие подонки так похожи друг на друга! Ладно, отведите его в темницу. Придет время, и мы принесем его в жертву. А того, что постарше, оставьте — полагаю, он нам пригодится!

Стражники кивнули, поклонились, и двое из них вывели юношу из зала.

— Назови мне свое имя, — обратился Нгаигарон к высокому пленнику, как только ушли наемники. — Говори! Говори, или я силой развяжу тебе язык!

Он оглянулся на своих охранников, стоявших за его спиной с длинными пиками.

— По-моему, это один из военачальников Теммара, — сказал один из них.

— Это правда? — Колдун снова посмотрел на высокого человека.

— Да! — подтвердил сидевший за столом талмешец, один из наймитов Нгаигарона. — Это Садгур, он служит в войске Теммара.

Садгур тотчас плонул в лицо Нгаигарону. Колдун закипел от гнева, но потом, утервшись, мрачно и мстительно рассмеялся.

— Где вы его нашли? — спросил он своих наемников.

— Он дрался на улице с двумя горожанами, служащими тебе, да так покалечил их, что они уже ни на что не годятся!

Нгаигарон, злорадно потирая руки, снова повернулся к Садгуру.

— Расскажи, откуда ты и где сейчас находятся Теммар; я знаю, что в горах его больше нет! Расскажи, кто расстроил планы моей волшебной птицы!

Садгур холодно и молча смотрел на него.

— Что ж, хорошо, — тихо и мрачно произнес Нгаигарон.

С этими словами он протянул правую руку и щелкнул Садгура по лбу тонким пальцем.

Ноготь едва коснулся головы великана, но Садгуре показалось, будто его со всей силы ударили огромным молотком. Колени подогнулись, он покачнулся в сторону и подался назад, стараясь не потерять равновесия, несмотря на закованые в цепи руки и ноги. Он весь закоченел; мускулы не слушались его.

— Ты заговориши! Ты мне все расскажешь, или узнаешь такие пытки, какие тебе и не снились! Понятно? Мне не нужны ни клещи, ни угли! Достаточно вот этого! — Он поднял руки. — Я даже не дотронусь до тебя, но ты почувствуешь такие мучения, какие испытывали лишь немногие на этой земле — и будешь страдать, пока не скажешь мне все, что я хочу узнать!

Стулья в зале громко заскрипели: гости Нгаигарона привстали, чтобы лучше видеть любопытное зрелище.

Садгур с вызовом посмотрел на колдуна, но по его бледному лицу катились струйки пота, скрываясь в густой бороде. Он еще не осознал до конца, что находится в плена, не говоря уж о том, что страдал от боли и усталости. Если начнет

говорить, Нгаигарон, возможно, ослабит свою невидимую хватку, — но храбрец продолжал молчать!

— Отлично, — сказал, наконец, Нгаигарон. — Я заставлю тебя говорить!

Он немного приблизился, поднял руки, и его глаза загорелись странным блеском.

* * *

Банкет Элату не понравился. Он ушел рано, прежде чем привели закованных в цепи Садгуря и Кироса, чтобы побродить в темноте по безлюдным улицам и подумать.

— Куда теперь поведет меня судьба? — бормотал он про себя.

Никому никакого доверия, даже самого незначительного! Никому! Аспр слишком самоуверен, и одновременно слишком доверчив. Он игрушка в руках Нгаигарона, хотя тот, похоже, не знает, что с ними со всеми делать.

— Но он увидит в нас угрозу, во всех семерых, — вслух размышлял Элат, — угрозу, которую могут представлять либо сильные союзники, либо своенравные дети, докучающие родителям!

Нет, он не станет доверять Нгаигарону, какие бы игры тот ни затеял! Элат чувствовал, как погружается в царство холода, одиночества, темноты, беспчувствия и зла.

— Веди меня, о, моя Судьба, — бормотал Элат в ночи. — Ведите меня, Боги Рока!

Так, размышляя и бормоча, он блуждал по безлюдным бульварам и отдаленным улицам, по-

ка не оказался в самой пустынной части города, где все напоминало о душераздирающих криках и крови. Поднялся туман — в его воображении? От его сомнений? Элат понял, что находится на отдаленной улице, возле старой, давно заброшенной таверны.

Но она вовсе не была заброшенной!

До его чуткого, натренированного слуха вдруг донеслись чьи-то оживленные голоса. Он остановился и заглянул в окно. Ему показалось, что там люди.

В неровном оконном стекле Элат также увидел отражение своих желтых глаз, тускло блестевших в затуманенном окне, как маяки. Казалось, его сознание тоже затуманилось — раздвоилось: он поймал себя на том, что пытается решить, считать ли ему этих людей друзьями, расспрашивать ли их, отвечать ли на их вопросы или расправиться с ними, как с возможными врагами.

Затем послышались шаги, и дверь со скрипом, напоминавшим урчание голодного дракона, распахнулась. Раздались голоса и показались разгневанные, испуганные лица.

Элат повернулся, увидел в проеме двери женщину и мужчину с обнаженными мечами и услышал их голоса.

— Теммар — смотри!

Все произошло мгновенно. Даже магия колдунов не может соперничать с импульсом страха, который движет людьми в этом безумном мире!

— Я его вижу, Соня! Эй, кто бы ты ни был, призрак или человек, стой, где стоишь!

— Стой, где стоишь! — словно эхо, повторил гневный женский голос.

С этими словами они пошли на него, держа наготове клинки.

Элат поднял руку, словно желая защититься от каких-то волшебных сил.

— Соня! Осторожно! — предостерег Теммар, размахивая мечом.

Элат прошептал действенное заклинание:

— Як-сатого, иута мей!

— Колодун! Колодун! — Взмахнув мечом над головой молодого волшебника, Теммар, движимый безудержной ненавистью, зашипел: — Ты — уничтожил — Тальмеш!

С удивлением увидев, как меч Теммара отскочил, словно его лезвие наткнулось на невидимый щит, Соня отпрянула.

— Осторожно, Теммар! От него можно ждать чего угодно!

Но Теммар, вне себя от ярости, снова предпринял атаку и стал молотить мечом по груди желтоглазого существа, но и эта атака лишь повлекла за собой новый прилив ярости и отчаяния, захлестнувших его.

Колодун, сверкая желтыми глазами, упал наизнанку, и принял размахивать когтистой рукой, продолжая возводить в воздухе мощный невидимый щит.

— Умри, и будь ты проклят! — кричал Теммар, отводя меч после безрезультатного удара и заносясь клинок, чтобы ударить снова.

— Остановись!

Но тот снова взмахнул мечом; серебристое лезвие, блеснув в темноте, ударило о волшебный щит Элата и почти проткнуло его. Теммар отступил и опять взмахнул мечом. Элат покачал головой, по-прежнему сверкая глазами, опустился на колени и умоляюще поднял руки. Воин снова ударил его, и снова меч отскочил от невидимого щита.

— Теммар! — снова вскричал Элат.

Шатаясь и хрюкая, правитель, в конце концов, прекратил атаковать и застыл на месте, держа меч в дрожащей руке.

— Теммар! Я тебе не враг, Теммар!

— Осторожно! Колодуны — мастера предавать! — предупредила Соня. — Не подходи к нему слишком близко: он может напасть на тебя, когда ты меньше всего ожидаешь!

Она стояла рядом с Теммаром, глядя на Элата, и старалась разгадать, что собирается предпринять маг.

— Я тебе не враг, принц Теммар! — снова вскричал Элат. — Колодун мой враг, так же, как и твой! Он должен быть уничтожен!

— Уничтожен! — сдавленно произнес Теммар. — Это Тальмеш уничтожен!

— Теммар! — Соня осторожно дотронулась до его плеча.

— Тальмеш покорен! Тальмеш разрушен! — пронзительно кричал он, снова пытаясь проткнуть невидимый щит Элата.

В сердцах хватив мечом по кирпичной стене таверны, он с горечью воскликнул:

— А я даже не могу справиться с одним из разрушителей моего города!

— Я тут ни при чем, Теммар!

На этот раз шум услышали и остальные обитатели таверны; они вышли на улицу и, держась на расстоянии, наблюдали за Теммаром и колдуном. Соня мельком взглянула на них.

— Успокойся, Теммар! Может быть, в конце концов, колдун говорит правду. В одном он прав, мы должны убить Нгаигарона!

Теммар повернулся и посмотрел на нее; краем глаза он заметил в дверях таверны своих воинов. По его грязному, потному лицу текли слезы.

— Колдуны! — лицо Теммара исказилось гневом; он высоко поднял голову и указал мечом в сторону стоявшего на коленях Элата. — Их кровь, только их кровь смоет кровь наших братьев и сестер, наших матерей, отцов и детей! Мы заново отстроим Тальмеш из камней, скрепленных кровью наших врагов!

Никто не произнес ни слова; все взоры были устремлены на него.

Теммар, гордый, разгневанный, одержимый жаждой мщения, выведененный из терпения, сделал шаг вперед. Его люди, охваченные благоговейным ужасом, расступились перед ним, давая ему дорогу. Войдя в таверну, он взял с полки за стойкой бутылку вина и сел за стол — подумать, выпить, постараться забыть о присутствии колдуна и остудить свой гнев.

Остальные также вернулись в таверну. Войдя внутрь, Соня прошептала магу:

— Ты действительно с нами, колдун?

— Да, и Теммар в глубине души тоже это знает, иначе он натравил бы на меня своих людей! Он и сам в этом признается, когда пройдет его безумие.

Соня кивнула.

— Да, безумие... безумие, которое могло бы охватить его гораздо раньше. Но оно пройдет, как ты говоришь; он сильный человек. Может быть, еще не все потеряно — для Теммара, для меня и для Тальмеша.

— Не все потеряно, — тихо повторил колдун, закрывая за собой дверь таверны. — Не все потеряно. Спасибо тебе, воительница, за то, что в моих словах ты услышала истину. Я помогу тебе бороться с Нгаигароном.

— Вы все должны успокоиться — ведь даже в потайных уголках города ночью древние камни могут подсматривать и подслушивать секреты ради такого могущественного колдуна, как Нгаигарон. Он может чувствовать голоса и шаги, которые знают только темные аллеи. — Голос колдуна зазвенел. — Время меняется, как меняется человек. Города, законы, армии, матери с детьми, адепты и колдуны, оживающие каменные птицы — все это меняется и угасает, переходя в новые формы. А ночью все города представляют собой один — просто один безымянный город!

Надвинувшийся туман заволок слабый свет, лившийся в таверну с улицы, и спрятал высокую фигуру Элата. Остались видны лишь его желтые

глаза. Люди Теммара в замешательстве зашептались.

— Если ты и впрямь наш союзник, — пробормотала Соня, пытаясь унять озноб, охвативший ее тело, — замолчи! И помоги нам зажечь свечу!

* * *

Садгур закричал, когда его вытащили из окровавленного чрева матери, перерезали пуповину и положили ей на грудь кормить.

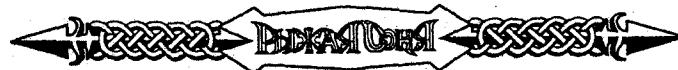
Но мать его не кормила; вместо этого она подбросила его вверх — своего ребенка, которому был всего один миг — и, держа над собой, впилась в его глаза своими демоническими очами.

Насладившись зрелищем, она потянулась к его нежному горлу своими вампирскими клыками.

Садгур закричал — закричал и стал биться, хотя и был всего лишь новорожденным, бессильным младенцем. Все жизни, которые он когда-то прожил, боролись и протестовали, когда челюсти матери раскрылись шире и она заговорила железным голосом Нгаигарона:

— Ну, Садгур! Расскажи мне об Теммаре — или я рожу тебя в огненном чреве дракона!

Когда клыки вонзились в него и начали жечь, как языки пламени, Садгур закричал. Ему казалось, что он катается и извивается по полу, хотя знал, что по-прежнему лежит парализованный. На короткое мгновение над ним ясно и отчетливо возникло лицо Нгаигарона. Садгур попытался

отряхнуть со своих глаз жгучий пот, попытался заговорить, но распухший и горячий язык застяжал у него в горле.

— Говори же, — глумился Нгаигарон.

Садгуру снова показалось, что он бешено кричит, падая и падая в глубокую яму.

Дно ямы сверкало раскаленным светом. Откуда-то из темноты появились женщины, — четыре роскошные женщины, две полноватые, две более стройные, все красавицы. Они медленно приблизились к Садгуру; доспехи и одежда упали с него, и они принялись его ласкать. Они чувственно целовали его тело, гладили пальцами и губами, все плотнее прижимаясь к нему.

— Скажи нам, скажи, — страстно шептали они и, не дождавшись ответа, принялись кусаться и царапаться.

Он что-то бормотал в агонии, а женщины стали превращаться — одна в гадюку с ядовитыми клыками, другая в гигантского волосатого паука, третья в ледяного призрака, четвертая в огромную костлявую птицу с длинным острым клювом.

— Скажи нам! Скажи! — требовали они, продолжая кусать и ласкать его, стонать, царапаться.

— Не могу! Не могу! — кричал Садгур.

Женщина-птица бросилась на него, и у него между ног потекла кровь. Огромные волосатые лапы женщины-паука обхватили его лицо и горло, словно желая задушить. Садгур мысленно закричал:

— Не могу! Не могу!

Затем он с наслаждением растворился в бесконечной, бесчувственной, спасительной темноте...

Нгаигарон в жестоком разочаровании оскалил зубы. Он долго смотрел на тело Садгура и, наконец, прошептал:

— Несчастный глупец! Ты бы мог спастись для наслаждений столь же великих, как и твои страдания!

Стражники подошли и осмотрели искалеченное тело, искаленное, несмотря на то, что до него не дотронулась ничья рука! Нгаигарон знаком отогнал их и принялся водить руками над трупом.

— Ка наку! — медленно бубнил он. — Астур им каанайам ог иото...

В тот же момент тело Садгура начало затуманиваться, затем растворяться в голубом зловонном дыме, заполнившем комнату. В мгновение ока все исчезло — плоть, кости и пролитая кровь — на мраморных плитах пола остался только едва уловимый след, черное угольное пятно.

Не произнеся больше ни слова, Нгаигарон повернулся и вышел из комнаты, бросив суровый взгляд на Идзуру и шестерых молодых колдунов, сидящих возле нее, напуганных и потрясенных только что увиденным зреющим.

* * *

Ближе к рассвету люди Теммара начали возвращаться, поодиночке и группами. Они собрались в таверне и доложили, что им удалось узнать и сделать.

Преданные правителью горожане теперь знают, что Теммар на самом деле жив и на рассвете планирует генеральное наступление на колдуна — осаду дворца. Если легионы охранников Нгаигарона будут разбиты, толпы подавленных горожан смогут воспрянуть духом и присоединиться к борьбе против Нгаигарона.

Но не хватало Садгура. Один из повстанцев печально сказал Теммару:

— Мы видели его вчера ночью. Он с каким-то юношей был схвачен в поединке с несколькими наемниками Нгаигарона!

— Схвачен? — дрожащим голосом переспросил Теммар.

Он немного отдохнул, но на его лице еще были видны следы огромной усталости.

— Да, мой господин.

— Тогда он погиб, — со вздохом произнес Теммар после долгого молчания.

— Мы не знаем это наверняка, — вмешалась Соня.

— Нет! — правитель Тальмеша хлопнул рукой по столу. — Мы только предполагаем, что он погиб. Мы также только предполагаем, что Нгаигарон старался выпытать у него сведения о нас и неизвестно, удалось ли ему это. Мы должны действовать по нашему плану, но всегда быть готовыми к неожиданностям!

Все согласно кивнули.

Когда первый серый свет зари окрасил окна, все воины поклялись Теммару: идти вперед, сражаться насмерть и отвоевать город!

Соня тоже присоединилась к ним. Она знала, что вскоре ей представится случай оказаться в самом центре смертельной битвы. Пока сделано мало, но звездный час не за горами. Судьба нередко сталкивала ее с колдовством. Она, Рыжая Соня, дала обет не только помочь Теммару в осаде, но повторила обет, данный ею когда-то самой себе — всегда быть самой собой — быть Соней, воительницей, орудующей мечом против темных сил зла.

— У тебя странная судьба, Рыжая Соня!

Соня очнулась от своих мыслей, и до нее дошло, что с ней говорит колдун Элат. Блеск его глаз был едва заметен при свете свечей в предрассветных сумерках, и это делало его больше похожим на человека.

— Да, и меня не удивляет, что ты знаешь о судьбах, колдун. Но ведь ты еще довольно молод, тебе, полагаю, не больше двадцати пяти лет. Что тебя заставило продать душу тьме?

Элат вздохнул.

— Я уверен, что ты не так проста, как желаешь казаться. Колдовство само по себе не зло, но может быть злом или добром в зависимости того, кто им владеет. Только внутреннее зрение, более острое, чем то, которым владеет колдовство, может отличить зло от добра. Вот почему многие колдуны творят зло. Но разве большинство людей не творят больше зла, чем добра, как бы могущественны они ни были?

— С твоими словами трудно спорить. Но колдовство все же полно обмана!

— Однако я чувствую, что ты, по крайней мере, один раз в жизни встречала волшебника, творившего в мире добро и уничтожившего много зла! Разве не так?

Соня рассердилась, но потом призналась:

— Да. Это так...

— Пожалуйста, не сердись! Я читаю не твои мысли, а только твои настроения. И мне кажется, в душе ты согласна со мной.

— Я... я не знаю. Но все-таки, вопреки здравому смыслу, я не могу сказать, что вижу в тебе зло. Разве ты только что не клялся в верности Теммару?

Элат покачал головой.

— Тот, кто стремится к конечному знанию, дает только один обет в жизни!

— А ты не думаешь, что это дерзко?

— Но Теммар же принял мою помощь, Соня! Хотелось оказаться достойным его доверия! Он хороший человек и благородный правитель. Лучше служить ему, нежели Нгаигарону, который мечтает погрузить весь мир в жестокость и ужас Вселенской Ночи — вот до чего доводят его страх и ненависть!

— Да, Теммар хороший, благородный человек, — пробормотала Соня, вспомнив другого, похожего на него.

А Элат, прочитав в ее глазах воспоминания о любви и боли, поспешил отвернуться.

* * *

Сионира молилась возле черного озера.

— Слушайте меня, о Ситра и Искатл! Скоро я вернусь из ночных лесов в лагерь, к людям. Нас долго скрывали ночь и забвение, но теперь наше возрождение близко! Послушайте меня, обитатели подземелья, покрытые чешуей! Вспомните своих бывших хозяев, которым вы были преданы! Придите к своей жрице, которая вышла из вашего давно забытого храма, и ответьте на ее зов! Придите! Услышьте мой зов и вспомните о старинной ненависти! Возобновите вашу войну против тех, кто давным-давно отнял у вас власть над городом!

Так молилась Сионира, женщина-змея, подстрекая на мятеж диких и нетерпимых детей Природы, обитателей мрачных мест, доживших до наших времен с незапамятной старины в своем первобытном обличии.

— Выполни твой Договор, о Искатл! Будь проклято человечество, и пусть поскорее его настигнет злой рок! О Ситра, пусть свершится твое долгожданное возмездие!

Ночные птицы зашебетали от страха и быстро улетели; лесные кустарники внезапно оживились, потревоженные жутковатым, скользящим шорохом. Огромные легионы змей и ящериц выползали из травы и собирались вместе вокруг скалы.

— Жертвы человечества, вскоре вы станете пожинателями новых жертв,— монотонно говорила Сионира.— И ты, мой отец Нгаигарон,— добавила она в своих самых сокровенных мыслях,— скоро тоже узнаешь смертные муки!

Закончив свою молитву о мести, почти выбившаяся из сил Сионира встала и вернулась в лагерь.

* * *

Лагерь встретил зарю с ощущением новой опасности и бодрящего жара предстоящих битв. Паузы между боями всегда ведут к таким изменениям настроений, и эти изменения не всегда позволяют трезво оценить обстановку.

Трава вокруг лагеря, казалось, была полна шуршащих и ползающих существ.

— Проклятие Митры! — вскричал часовой, бешено орудуя мечом при тусклом свете занимавшегося утра.— Змеи! Вокруг все просто кишит змеями!

Воины всполошились, распахивая мечами дерн и сея в лагере панику. Уставшие от бесполезных стараний, они затихли и стояли в напряжении, охваченные ужасом, глядя на тускло блестевшее море чешуи, что растекалось по всей территории лагеря.

— Они нас окружили! — в панике вскричал молодой часовой.

— Они охотятся не за нами,— возразил другой.— Смотри — они все ползут мимо и спускаются по горе!

— Митра нас спасет! — вскрикнул третий.

Когда бивачные огни потускнели от первых проблесков солнца, из леса вышла Сионира и, окруженная рептилиями, подошла к лагерю. Она гневно и подозрительно смотрела на небо. Воины

крепче сжали оружие и осторожно приблизились к ней.

— Где ты была, ведьма? — спросил один из десятников.

— В лесу, готовила волшебство, чтобы помочь Теммару!

— Вчера ночью здесь произошла битва — волшебная битва. Где ты была вчера ночью?

— Волшебная?

— Да. С гигантской птицей, посланной этим колдуном! А тебя здесь не было!

Сионира смерила их холодным, немигающим взглядом.

— Я была в лесу. Теперь возвращаюсь, чтобы помочь Теммару.

— Помочь? Ты? Колдунья говорит о том, что хочет помочь?

Ее окружили несколько воинов, крепко сжимая пальцами рукоятки мечей. Эта странная женщина, эта колдунья, явившаяся из Неизвестности, говорит, что хочет помочь, но почему именно с ее приходом появились и огромная птица, и змеи?

— Теммар сгупил, поверив ей! — заорал кто-то.

— Согласен, — кивнул десятник, — но вспомни, что велел Теммар!

— Она здесь не для того, чтобы нам помочь, будь она проклята! Она шпионит для колдуна, который захватил Тальмеш! Помочь? Ха! Она появляется, и тут же прилетает гигантская птица, а теперь эти змеи!..

В лагере воцарилось долгое молчание.

Сионира почувствовала, как к ней возвращается ненависть к людям. Вечные люди, вечная ненависть к людям — из-за них мир опасен для жизни.

Вдруг она услышала шепот одного из воинов — напряженный, угрожающий шепот:

— Убить ведьму!

Сионира зашипела и отпрянула.

Зашаркали сапоги, мечи обнажились и подготовились к удару!

— Глупцы!..

Это был крик ярости, ненависти и ужаса, предназначенный для существ, слишком чуждых ей, с которыми у нее не было ни малейшего сходства. И вместе с ее криком началось ужасающее преображение.

Мечи были вынуты, но ни один не коснулся ее. Просыпались искры, затем бешеный крик — еще — и еще.

И вот, из этого кипящего узла гнева, ненависти и мстительности возникла огромная змея.

Сионира — сжимавшая в крепких челюстях напавшего на нее воина!

Она крушила все подряд, и люди с отчаянными криками бросились врассыпную, чтобы избежать ударов ее ужасных колец. Солдат, которого она держала в пасти, кричал в неистовой агонии; Сионира выплюнула его в толпу. Мечи, стрелы, камни, даже горящие ветки, выхваченные из костров, обрушились на гигантскую змею — но безрезультатно.

— Ненавиж-ж-жу!

Люди бросились врассыпную, вопя от ужаса. Сионира ринулась на них, оставляя за собой широкую полосу между бивачными кострами и группами людей.

Все закончилось в считанные мгновения. На территории лагеря остались лежать несколько побитых и искалеченных тел. Пыль, поднятая испуганными лошадьми, отчаянно пытавшимися спастися бегством, постепенно улеглась, и последнее, что увидели воины, был массивный темно-серый серебристый хвост, толстый, как желоб для стока воды, исчезавший за горным склоном. До них еще долго доносился треск ломаемых деревьев. Затем она исчезла, а с нею и легионы стремительных рептилий размерами поменьше.

— За ней! Убить ее! Она заодно с Нгаигароном! — брали разъяренные, обезумевшие воины.

Но даже в ярости они начинали осознавать, что все обстоит не совсем так, как им кажется.

— Митра! Посмотрите на тела убитых!

В лагере не было ни сломанных деревьев, ни развороченного дерна, только в воздухе висела пыль, поднятая напуганными лошадьми. Троє воинов лежали мертвыми, но ни на одном из них не было ни следа насилия, ни единой ранки от зубов змеи!

— О Боги! Опять колдовская иллюзия!

Воцарилось зловещее молчание, и в этот момент всем показалось, что они слышат затихающий шорох гигантской рептилии, что ползла по горному склону, направляясь к Тальмешу.

* * *

Рассвет в Тальмеше. В город, которым он когда-то владел, по которому когда-то проходил под радостные крики жителей... Теммар, униженный и лишенный трона, пришел отплатить своим обидчикам их же монетой: мечами, насилием и — если понадобится — колдовством.

Они продвигались вперед небольшими группами. Теммар шел во главе одного отряда, Соня во главе другого, остальными командовали проверенные люди.

Улицы были заполнены наемниками Нгаигарона.

— Этих, если сможете, убейте сзади, — распорядился Теммар. — Если не сможете, обойдите их сбоку!

Отряды приблизились ко дворцу, как соединившиеся когти, как смертоносная тень с многочисленными щупальцами... ко дворцу колдовства, слез и теней.

Теперь, с расстояния нескольких кварталов, Соня видела его парапеты и башни, его высокие статуи, его черные знамена, колыхавшиеся под легким бризом солнечного раннего утра.

Разъяренные, молчаливые от гнева повстанцы подходили все ближе.

Опустившись на колени у старинного каменного колодца, Соня припала к земле возле невысокой стены. Она оглянулась; за ее спиной стояла дюжина вооруженных, закованных в доспехи людей, ожидающих ее знака.

— Все чисто!

И она повела их вперед.

Соня знала, что не может быть жизни без предчувствия смерти, без ожидания своей судьбы, успеха или поражения. Ее спас от смерти свергнутый правитель и ведьма, и теперь, в ответ, она ведет в бой людей, стремившихся вернуть себе родной город.

— Я здесь не посторонняя,— бормотала Соня самой себе, пытаясь предугадать свою судьбу.

Она знала, что вскоре ее клинок запоет свою старую песню, а она, в своем роде, так же, как и Теммар, снова восседет на троне Судьбы — или оба падут перед мрачным могуществом Тьмы!

* * *

Идзура еще спала беспокойным сном, отдыхая после бурной ночи. Нгаигарон, не обращая на нее внимания, встал и заходил по спальне. Его что-то тревожило.

Какое-то чужеродное вторжение в его душу — а, может быть, и в его воспоминания? Ощущение чего-то незнакомого, нависающее, как пелена, за другими завесами в его мозгу. Что-то, пришедшее к нему во сне как раз перед рассветом?

Что стало с шестью колдунами? И с седьмым, который не вернулся? Рано утром эти шестеро намекнули, что он, Нгаигарон, в некоторой степени виноват в пропаже их товарища. Глупцы... Если бы на то была его воля, он бы всех их убил совершенно открыто!

Нгаигарон взял кувшин и плеснул вином на свое отражение в медном зеркале, чтобы узнать,

что стало с молодым адептом, Элатом. Но ответа не получил. Может быть, тот ускользнул за пределы ощущений Нгаигарона? Или, может быть, он мертв или без сознания? А, может быть, он охраняет себя заклинанием и тайком строит какие-то козни?

Блуждая по комнате, Нгаигарон ступил на длинный ковер, и почувствовал под ним что-то движущееся.

Колдун мгновенно взял себя в руки, отступил назад, низко присел и внимательно осмотрел ковер.

Движение продолжалось, словно под ковром что-то медленно кипело, приподнимая его поверхность то там, то здесь.

Нгаигарон, зашипев, протянул руку к уголку ковра, и тот потянулся к его пальцам. Схватив его, колдун рывком поднял с пола весь ковер.

По гладкому мраморному полу, извиваясь, ползла змея. Когда ковер поднялся, она свернулась в кольцо и злобно уставилась на Нгаигарона своими сверкающими желтыми глазами.

Еще мгновение, и она зашипела, подалась назад и открыла пасть, чтобы нанести удар.

Нгаигарон выругался, замахал перед собой обеими руками, и змея всплыла в воздухе, продолжая беспомощно изгибаться. Нгаигарон доспал из-за пояса нож и одним быстрым движением разрубил змею пополам.

Она зашипела, и обе половинки ее упали на пол, заливая его кровью. Нгаигарон, испытывая недобрые предчувствия, смотрел, как половинки

змеи выпрямились и застыли, а вытекшая кровь образовала на мраморных плитах пола символ — послание — ответ на невысказанный, невыраженный вопрос колдуна.

Нгаигарон издал тяжелый вздох. Перед ним на полу была нарисована фигура из семи волнистых линий, соединенных в центре — Знак Ситры, змеиной Богини!

Этот символ былой власти, ярко сверкнувший сверхъестественным красным светом, был начертан кровью рептилии, затвердевшей лишь на одно мгновение.

Затем, потускнев, кровь, не более чем кровь змеи, снова потекла, пропадая в глубоких трещинах между плитами пола.

Половинки твари лежали на месте, излучая тускнеющее желтое сияние.

— Ситра и Искатл! — пробормотал Нгаигарон.

Поняв послание и символ, он прошел по комнате и вынул из маленького шкафчика за книжной полкой украденный много лет назад скипетр. Этим скипетром он коснулся обеих половинок тела змеи. Они мгновенно превратились в дым.

Нгаигарон сжал губы в безмолвном крике ужаса. Горло перехватил спазм. Значит, Ситра? Искатл?

— Урму и Сет! — бормотал он. — Вот это сон!

Вдруг он почувствовал, что скипетр, который он продолжал сжимать в руке, нагрелся и засверкал. Нгаигарон мгновенно выпустил его, и он

упал на пол. Страх ударили ему в сердце. Страх! Ситра! Искатл!

Они знают — они идут!

— Я не боюсь, — монотонно повторял колдун. — Я не буду бояться! В моей судьбе нет места страху!

К скипетру вновь вернулся его обычный цвет. Мрачно нахмурившись, Нгаигарон снова поднял его и спрятал в шкаф, затем сел в кресло и погрузился в размышления.

Страх?

Страх перед Ситрой? Перед Искатлом? Или перед дочерью, о существовании которой он знал и которую видел в волшебных зеркалах и кубках с вином? Дочерью, имя которой было старо, как само человечество: Месть.

Как барабан в ночи, как созревший страх, прорвавшийся наружу и сеющий свои темные семена на благодатную почву, в голове Нгаигарона стучала одна настойчивая фраза: Власть змеи!

— Слушайте все, кто может летать, — бормотал Нгаигарон, вознося хвалу Урму. — Существа, ползающие по земле, всегда сражаются с теми, кто летает в воздухе. И все же, как облака затемняют землю, как дожди заливают горы, так летающие побеждают ползающих, прыгающих и ходячих. Не попадай в ловушку на земле! Не будь привязан к земле! Это закон Урму!

На другом конце комнаты в постели завозилась Идзура; она поморгала и сквозь полумрак взглянула на Нгаигарона. Затем шепотом позвала его к себе.

— Ох! Нгаигарон... Мне приснился страшный сон; иди ко мне, моя любовь, помоги мне забыть его!

Он не пошевелился. Его удерживала какая-то тяжелая внутренняя борьба, но затем, в сотые доли мгновения, это чувство получило ответ, подобно тому, как истекающая кровью змея ответила на его подозрения. В окно вдруг донеслись крики, показавшиеся ему совсем близкими, и в следующий миг Нгаигарон отчетливо рассыпал усиливающийся лязг мечей, ржание лошадей и целый шквал разъяренных голосов:

— Да здравствует Теммар! Смерть Нгаигарону! Присоединяйтесь к нам, жители Тальмеша! Присоединяйтесь к нам ради ваших семей и вашей свободы! Присоединяйтесь к нам ради чести и возмездия! Смерть колдуну! Да здравствует Теммар!

ападение ошеломило стражу, которая, ожидая смены, мирно дремала на своих постах. Шестеро воинов, несущих службу в восточной части дворца, мирно беседуя и щелкая орехи, чтобы не заснуть, вдруг увидели перед собой рыжеволосую фурию в кольчуге.

Ошеломленные внезапным появлением женщины, они схватились за копья — и через мгновение двое из них упали на землю, став жертвами быстрой и поразительной игры мечом, подобной которой они никогда не видели.

Повстанцы Тальмеша ринулись за Соней, убивая стражников, пока те не подняли тревогу. Соня бросилась к дворцовой стене и внимательно изучила вход: небольшие ворота, ведущие, вероятно, в дворик перед кухней или кладовой; во всяком случае, на другом конце маленького дворика она увидела дверь.

Она уже собралась войти, но потом заколебалась: хорошо бы взять с собой еще пару воинов...

Решение она приняла, услышав внутри дворца какое-то движение — шаги бегущих людей и неистовые ругательства, раздающиеся из-за все еще закрытой двери в конце дворика. В тот же момент из передней части дворца, куда Теммар повел в атаку свой отряд, донесся оглушительный вой начавшейся схватки.

Соня низко припала к земле, обнажила меч и подняла два копья, оброненные убитыми стражниками Нгаигарона. Прислонив одно к стене возле себя, она обеими руками держала наготове другое. Шаги и ругательства, раздававшиеся изнутри, стали громче. Затем дверь с шумом открылась — и сквозь увитую плющом решетку ворот Соня увидела толпу людей с мечами и копьями, бросившихся к воротам.

Она подождала, пока они не подбежали поближе к воротам, взметнула длинное копье и бросила его. Тяжелое копье с длинным лезвием основательно задело шею старшего охранника и вонзилось в человека за его спиной. Оба осели, истекая кровью.

— Держи эту бабу! — орал один наемник.

Соня схватила второе копье, мгновенно прицелилась и метнула его в скопление солдат у ворот. Снова крики — и еще двое, пронзенные одним копьем, неуклюже повалились на первых двоих, выронив оружие.

— За мной, воины Тальмеша! — пронзительно крикнула Соня, взмахнув мечом. — За Теммара!

— Нергал! — орал человек, бросившийся вперед. — Убивайте собак! Убивайте слуг колдуна!

Они сражались как безумцы, движимые ненавистью и давно сдерживаемым гневом. Соня выкрикивала боевой клич, орудуя своим смертоносным мечом — то описывая дуги, то отклоняясь в сторону, то рубя. Крики застревали в наполненных кровью глотках.

Кровь и мозги покрыли Сонину кольчугу, но она и люди Теммара в ярости продолжали рубить направо и налево, ошеломляя противников и быстро превращая их в груды закованного в доспехи мяса.

Оставшиеся в живых отступили, напуганные неистовой яростью тальмешцев. Соня прорывалась к дворцу через горы трупов. Кушитский наемник кинулся на нее с топором, но она опередила его. Чернокожий с пронзительным криком упал на землю.

Оставшиеся стражники отступили в глубину дворика и перегруппировались у двери дворца.

— Глупцы! — кричала вслед им Соня, размахивая окровавленным мечом. — Вы продали души колдуну! За ваше безумие вы обречены!

Последний из отступивших стражников Нгаигарона исчез в двери дворца. Соня опустила меч и глубоко вздохнула. Она жива — жива и не выбита из сил! Она не чувствует себя полумертвой, как тогда, когда пряталась от противника, как крыса, в ловушке городских сточных труб. Она жива!

В этот момент она чувствовала себя богиней войны, в которой неистово пульсирует жизнь. Ее единственная жизнь — жизнь во всей ее силе и

полноте, хотя Смерть только что была ключом, вопила и отчаянно сражалась вокруг нее!

Кто-то дотронулся до ее плеча. Это был молодой колдун, Элат.

— Я чувствую, что ты сейчас в своей стихии, Рыжая Соня!

В ответ она подняла голову, отряхнула капли крови со своих длинных рыжих волос, подняла меч и, поставив ногу на одного из убитых врагов, крикнула в затянутое облаками небо:

— Я Соня! Я Рыжая Соня, воительница, и мой меч жи-и-иев!

Молчание — молчание удивленных людей, пошедших за нею, — но молчание лишь мгновенное, за которым последовал взорванный, торжествующий крик.

Словно в ответ на этот крик, раздалось грохочущее эхо, сначала издалека, потом все ближе.

Вдруг Элат посмотрел в небо и крикнул:

— Смотри! Наверх! Это Нгаигарон!

Соня испугалась, впрочем, как и все люди Теммара. Это действительно был Нгаигарон, смотрящий с балкона башни на город и ожесточенную битву, происходящую на ступеньках дворца.

В своем позолоченном одеянии, усыпанном изумрудами, с темной птицей, сверкавшей у него на груди, внушительный и угрожающий, он выглядел настоящим Властелином Смерти!

— Урму!

Его голос, ревущий заклинания и проклятия, грохотом разносился на пронизывающем ветру.

— Урму! Ментек упса келе бэлем орку кра!

Птица на его груди ожила и заверещала.

Нгаигарон отцепил ее, стряхнул с руки, и она с криком расправила крылья. Почти в то же мгновение сотни, тысячи птиц заполнили небо, с бесконечным, душераздирающим криком поднявшись с деревьев, крыш домов и укреплений.

— Боги! — прошептала Соня, когда ее вплотную окружили люди Теммара.

— Снова его птицы! — выпалил один из них, хватаясь за меч. — Снова его проклятые птицы!

— Сразимся с ними... — начала было Соня, но тотчас же поняла, насколько глупы ее слова.

Птичий рой опускался; от огромных вертящихся кругов отделялись длинные цепи, летели на дворец и нападали на повстанцев. Повсюду звучали бешеные, мучительные крики.

— Сражаться с ними? — удивился Элат. — Нет, Рыжая Соня, сражаться с ними невозможно! Быстро, к двери!

Темная туча птиц опустилась вокруг дворца, подлетев к Соне и ее спутникам. Воины, охваченные паникой, пронзительно заорали. Соня развернулась и поспешила к открытой двери, увлекая за собой остальных.

— Будь он проклят! Будь проклят этот черный колдун! — отчаянно кричал молодой солдат.

Птицы поднялись и снова начали описывать широкие круги над дворцом, роняя с когтей и клювов капли крови разодранных жертв.

— Будь он проклят! — кричал воин.

— Замолчи, — резко оборвала его Соня. — С минуты на минуту вернутся с подкреплением.

охранники Нгаигарона! Мы должны пройти дальше, до того как...

Вдруг из кустов раздались тяжелые шаги, и появился окровавленный повстанец. У Сони перехватило дыхание. Один из воинов попытался подбежать к нему, но другой его удержал.

— Бесполезно! Ему теперь уже ничем не поможешь!

Это был один из их товарищ, по его лицу стекали струйки крови, он слепо, наобум размахивал перед собой мечом.

— Я не вижу! — кричал он.— Я не вижу! Они отняли у меня глаза! — Он споткнулся о корень, рухнул животом на землю и с последним вздохом крепко обнял ее.— Они отняли у меня глаза! Нгаигарон — будь он проклят!

— Мы должны проникнуть внутрь...— начала Соня.

— Да... будь он проклят! — не унимался молодой солдат.

И снова какофония птичьего карканья, снова отдающиеся эхом громоподобные крики из передней части дворца, блеск молний на низком небе.

Соня вспомнила, какое торжественное ликование переполняло ее всего мгновение назад, и сама удивилась своей глупости. Но нет! Она — воительница, и еще сумеет показать этому проклятому колдуну, чего стоит ее вражда!

— Мы должны проникнуть внутрь! — повторила она.

— И бросить Теммара? — вскричал молодой воин.— Никогда!

— Здесь мы ничем не сможем ему помочь! — закричала Соня.— Держи себя в руках, приятель!

— Она права,— сказал другой.

— Вперед, пока никто не стоит у нас на пути,— подгоняла их Соня.— Мы должны проникнуть внутрь, а потом...

— Я должен помочь принцу Теммару! — снова закричал юноша.

— Слушай нас!

Один из его товарищ схватил его за руку. Но парень вырвался.

— Пустите меня! Я должен помочь!

И он стал прорызаться сквозь горы трупов и густые кустарники, не уставая кричать:

— Теммар! Теммар!

Птицы с громкими криками ринулись вниз.

Соня и все остальные затаили дыхание, словно ожидая услышать голос Судьбы. Вскоре до них донесся истошный крик. Когда он замолк, все тяжело вздохнули.

Они двинулись дальше, и снова мимо них пролетела новая волна темных птиц — длинная вереница ястребов, воронов, грачей, голубей, воробьев, коршунов и многих других, больших и маленьких, сотрясавших воздух своими крыльями.

— Все внутрь! — прошептала Соня, повернулась и закрыла за ними дверь.

Они оказались в маленькой комнатке с каменными стенами, освещенной только одной масляной лампой. Другая закрытая дверь с зарешеченным окном на уровне глаз ожидала их в несколь-

ких шагах. Осторожно, вынув меч, Соня приблизилась к ней и заглянула.

— Кухня, — сообщила она. — Пустая...

— Здесь еще одна дверь, — сказал Элат, подойдя к ней.

Он осмотрел щеколду и открыл ее. Все заглянули внутрь.

— Темно, — голос колдуна вернулся к нему тихим эхом.

— Дайте сюда лампу! — распорядилась Соня.

Элату протянули лампу, он взял ее, сделал осторожный шаг вперед и произнес:

— Здесь ступеньки. Ведут вниз. Я чувствую, что мы должны пойти туда, Рыжая Соня!

— Колдун, конечно, выберет более темный путь! — съязвила Соня. — Ну ладно! По крайней мере, мы не будем так заметны, как в кухне! Надо поискать проходы — может быть, удастся что-нибудь подслушать — и нанести неожиданный удар!

Тихие голоса согласились с ее мнением. Элат прошел вперед, предупредив остальных об осторожности. Соня еще на мгновение задержалась у зарешеченного окна, словно надеясь как-то определить, что стало с Теммаром и с теми, кто находится вместе с ним у парадного входа дворца. Но она увидела только медленно открывавшуюся дверь в задней части кухни.

— Соня, скорее! — подгонял хриплый голос со ступенек.

Соня помедлила еще. В кухню вошли шесть фигур — шесть человек, одетых в длинные чер-

ные мантии. Она тотчас же почуяла, что это служители какого-то духовного или магического культа; у нее раздулись ноздри, и она сердито поджала губы.

Послышался тихий голос:

— Сюда, братья, подальше от крови. Мы должны все обсудить и принять решение!

— Да, да, — согласились тихие голоса.

— Соня! — раздался шепот.

Она оторвалась от решетки и двинулась вперед, спустилась на первую ступеньку и как можнотише закрыла за собой тяжелую дверь.

— Что там? Что ты увидела, Соня?

— Колдунов, — ответила она, вздохнув. — Еще шесть колдунов!

— Митра! — воскликнул кто-то.

В этот момент Соня, взглянув при свете лампы на лицо Элата, заметила, что он необыкновенно напряжен, даже печален.

Не произнося больше ни слова, они осторожно все ниже и ниже спускались по лестнице, ощупывая руками отсыревшие стены.

Элат, шедший впереди Сони, отbrasывал прозрачную тень: колышущийся силуэт, освещенный дымным оранжевым светом лампы, то поднимавшийся, то опускавшийся по мере того, как они погружались в темноту и сырость зловонного подземного коридора.

* * *

Из ста пятидесяти двух воинов Теммара, сражавшихся на передних ступеньках дворца с наем-

никами и летучим войском Нгаигарона, в живых осталось всего шестьдесят три; из них двадцать четыре человека были так тяжело ранены и ослаблены, что не могли больше сражаться. На ногах, руках и шеях зияли многочисленные раны; головы были искалоты клювами и когтями.

Отозвав свою летучую армию и вернув на грудь черную птицу, где она снова замерла неподвижным амулетом, Нгаигарон приказал своим людям отвести оставшихся в живых в огромный передний холл дворца. Там тяжелораненых отделили и положили в стороне, у одной из стен.

Посмотрев на них со ступеньки возвышения, Нгаигарон распорядился:

— Убейте их и соберите кровь для Храма Урму! Остальных отведите в аудиенц-зал, разденьте и закуйте в цепи. Мы позабавимся сегодня вечером на нашем празднике! — Повернувшись к Идзуру, стоявшей за его спиной, он произнес: — Ты ведь, кажется, хотела праздника, да? Поучительных развлечений — пытка для наших гостей из Тальмеша? Ты это получишь! Пошли слуг пригласить всю знать!

— Да, моя любовь, да, да, — скороговоркой ответила она, внимательно осматривая толпу истекающих кровью воинов.

— Ты ищешь Теммара? — шепнул Нгаигарон. Она подняла на него удивленный взгляд.

— Он... он среди них? — спросила она поблевавшими губами.

Нгаигарон недружелюбно улыбнулся ей.

— Выведите Теммара, — распорядился он.

Когда стражники врезались в толпу раненых и вытащили принца, толпа недовольно загудела; послышались даже угрозы. Теммар хромал, его поддерживали четверо наемников, но голова его была высоко поднята; на Идзуру он даже не посмотрел, но бесстрашно выдержал взгляд Нгаигарона.

— Теммар... — пробормотала Идзура.

Усилием воли он пытался скрыть свою дрожь и безудержный гнев.

— Повелитель Смерти, — сухо прошептал он, не глядя на Идзуру, — со своей шлюхой!

Идзура побледнела; ее лицо превратилось в настоящую маску гнева.

— Убей его! — закричала она. — Убей его!

— Отведите его в мою комнату, — приказал Нгаигарон своим охранникам. — Я скоро приду.

* * *

— Этот тоннель ведет к темницам, — сообщил Элат, остановившись.

Соня и полдюжины воинов ее отряда, оставшиеся в живых после битвы у ворот, спускались по прорубленному в скале проходу в холодное подземелье старинного дворца.

— Откуда ты знаешь?

Вдруг масляная лампа замерцала, но не от дуновения воздуха, вызванного движением. Элат приказал всем замолчать и остановиться.

— Я чувствую поблизости признаки жизни! Да, признаки жизни; это пугает, но и обнадеживает!

Он отодвинул лампу и отвернулся, чтобы своим дыханием не загасить ее. Пламя по-прежнему колыхалось от неизвестно откуда доносящегося легкого ветерка.

По мере того, как они продвигались все дальше, ветерок становился сильнее, и до них вскоре донеслись неясные голоса. Все прислушались.

Соня, она шла последней, на мгновение остановилась, почувствовав головокружение от обратительного сырого воздуха коридора, и прислонилась плечом к стене. Вдруг глыба подалась под тяжестью ее тела.

Соня поспешила пригнуться.

Но ничего не произошло; только скрежет старого камня, вдавившегося внутрь, и слегка покачавшегося перед тем, как окончательно упасть.

Шедшие впереди оглянулись на нее. Соня выпрямилась и пощупала пальцами стену.

— В чем дело? — спросил ближайший к ней человек.

— Стена, — прошептала Соня. — А за ней пустота...

— Соня, нам некогда...

— У нас есть все время в мире! Такое место может вести или в никуда, или туда, куда нам нужно! Даже Нгаигарон может не знать об этом коридоре; а, если эта дыра куда-нибудь ведет, мы можем быть уверены, что ему об этом ничего неизвестно!

Она продолжала ощупывать камни пальцами, осторожно колупая старую крошащуюся известку, сначала ногтями, затем кончиком кинжала.

За своей спиной она услышала раздраженные вздохи. К ней подошел Элат с лампой в руке.

— Иди вперед, если хочешь! — напряженно выдохнула Соня. — Я хочу все здесь разведать!

— Я тоже, — сказал колдун. — Я молил Судьбу, чтобы она нам помогла; вероятно, это ее ответ!

Солдаты перестали ворчать и вздыхать.

— Сюда, — Соне удалось приподняться и высвободить камень, лежащий под подвижным камнем, и подтащить его на себя. — Помогите мне! Если они упадут, то наделят немало шума...

К ней присоединились еще двое, и втроем они, кряхтя и ругаясь, подняли каменные глыбы и осторожно поставили их на пол.

— Что теперь? — спросил солдат.

— Дай лампу, Элат!

Колдун подал ей лампу. Слабый свет осветил некое подобие пещеры. Оттуда повеяло древним, зловонным, мертвым запахом, отчего Соня и все ее спутники закашляли.

— Что там? — поинтересовался другой солдат.

— Помогите мне, — распорядилась Соня и, вынув из ножен кинжал, схватилась руками за край отверстия и подтянулась.

Один из солдат кряхтя, подсадил ее. Отверстие было достаточно большим, чтобы Соня могла пролезть в него; усевшись на краю, она крикнула своему помощнику:

— Спасибо, что подтолкнул — но в следующий раз будь внимательнее!

— У меня рука соскользнула!

— Знаю, знаю! Передай мне, пожалуйста, свет!

— Мы не знаем, куда ведет этот тоннель, и сколько лет...

— Передай мне лампу! Мужчины называется! Чего вы боитесь?

Соня взяла масляную лампу, поставила на выступ возле себя, затем, примерив расстояние до земли, спрыгнула. Сначала она пропала в полной темноте; потом над краем отверстия показалась грива ее взъерошенных огненных волос и белая рука взяла лампу.

Трое мужчин, засунув головы в отверстие, заглянули туда и увидели совсем не то, что ожидали. Соня тоже была разочарована. В считанные мгновения она оглядела всю комнату. Она была круглая со стенами из булыжников — и... явно никуда не вела! Соня тихо выругалась и вернулась к отверстию.

— Ну как, ты удовлетворена? — спросил один из воинов.

— Ничего особенного — о-ой! — она чуть не упала, но удержала равновесие и опустила лампу, чтобы посмотреть, обо что она споткнулась. — Небо!

В самом центре пола находилась огромная круглая каменная плита с торчавшим из нее тяжелым железным крюком с кольцом. Соня оглядела края плиты, поставила лампу на пол и схватилась за кольцо.

— Соня! — Элат, сверкая глазами, подбежал к ней.

Она выпрямилась, пытаясь поднять плиту. Плита не сдвинулась с места.

— Соня, послушай меня! — попытался остановить ее Элат. — Существуют легенды о некоторых городах в этой долине! Под ними проходят старинные пути, и в древних записях говорится, что они ведут прямо в мир демонов! Возможно, эта плита закрывает подземный путь в Море Тьмы!

— Что? — Соня отбросила волосы с глаз и выпрямилась, тяжело дыша от бесплодных усилий.

— Думаю, Нгаигарон здесь именно поэтому, Соня! Он ищет путь во Тьму, чтобы лично встретиться с ее Владыкой, которому решил служить. Может быть, ты сейчас нашла один из этих путей!

Подумав, она тихо вздохнула.

Проверка такой возможности чревата осложнениями! Демоны, колдуны, колдовство — со всем этим она встречалась и даже боролась. Но сражаться с самими Первозданными Силами, напрямую столкнуться с одним из Потусторонних Миров...

— Соня, пойдем, — нервно подгонял один из воинов.

— Да... — Она наклонилась, чтобы поднять лампу, и заметила на каменной плите какую-то странную рельефную резьбу.

При ближайшем рассмотрении оказалось, что это не резьба, а оружие, кинжал, настолько замаскированный, что почти казался частью камня.

Соня низко нагнулась, поближе поднесла лампу и взялась за то, что казалось рукояткой кинжала. Она потянула за рукоятку — и кинжал вышел из каменных ножен.

— Соня! — В голосе воина звучали гнев, страх и усталость.

— Что это? — спросил другой голос.

— Кинжал! Это кинжал, — ответил Элат.

И странный кинжал, подумала Соня — великолепной формы, сверкающий и чистый, словно только вышедший из рук мастера. Она стряхнула с рукоятки остатки пыли; похоже, рукоятка была выточена из нефрита. Тяжелый клинок совершенной формы лежал на ее ладони. Лезвие было сделано из... из чего же? Меди или бронзы, серебра или стали? При таком освещении определить материал было трудно, но оно светилось собственным тусклым светом.

На лезвии Соня заметила какие-то символы; но не смогла их прочесть; такие ей встретились первый раз. Рукоятку наверняка делал искусный мастер, она была гладко отполирована и украшена причудливой резьбой. Там были изображения каких-то странных тварей: их верхняя часть напоминала крылатого осьминога, а нижняя — сплетенных в непонятные геометрические фигуры змей; лица этих существ напоминали демонические маски, но мастер придал им с помощью игры теней невероятную живость и выразительность. Глядя на них, Соня почувствовала, как в ней пробуждается отвращение. В свое время она отыскивала странные входы и, не задумываясь, вторгдалась в незнакомые места, но ей никогда не случалось испытать такую близость к Потустороннему Миру...

— Соня! — позвал Элат.

Она очнулась от своих мыслей и встала, обеспокоенная недобрными предчувствиями. Заткнув за пояс кинжал с нефритовой рукояткой, Соня взяла лампу, поднесла ее к отверстию, просунула наружу, затем вскарабкалась наверх.

Элат взял у нее лампу и снова встал во главе группы. Только один воин проявил интерес к Сониной находке.

— Кинжал?

— Да.

— Покажи.

— Вряд ли при таком освещении тебе удастся его рассмотреть, — Она помотала головой, почувствовав вдруг, что не хочет расставаться с оружием. — Просто старый кинжал. Может пригодиться.

Через несколько мгновений перехода по извилившемуся тоннелю отдальные голоса зазвучали более отчетливо; сквозняк стал сильнее, и в коридор стал просачиваться другой свет. Все насторожились. Через несколько поворотов Элат, державший в руке лампу, остановился и замахал рукой.

— Что там? — прошептала Соня, обойдя всех и встав рядом с ним.

— Посмотри! Тюремные камеры!

Они стояли на пороге дворцовой тюрьмы. Отсюда отчетливо просматривался длинный коридор и массивная железная дверь с маленьким зарешеченным окошком. Камеры располагались по обе стороны коридора, и перед каждой стоял солдат. От нечего делать стражники развлека-

лись, издеваясь над узниками. Их голоса и громкий гогот разносились по всему подземелью.

— Какими бы преступниками ни были эти узники, они будут на нашей стороне,— сказала Соня.

— Мы их освободим? — спросил один из воинов.

— Как только эти кушитские ослы решат подкрепиться!

Воины приготовились ждать, а пока слушали разговоры тюремщиков с узниками.

— Как, ты говоришь, тебя зовут? — задиристо, с дарфарским акцентом спросил один из тюремщиков обитателя ближайшей камеры.— Кирос? Говоришь, тебя зовут Кирос? Так звали мою собаку!

— Сам ты собака! Пес Нгаигарона! Только открай дверь, и я убью тебя, будь ты проклят...

— Нгаигарон будет пытать тебя, как...

— Замолчи! Замолчи, собака!

А во дворце, тем временем, Идзура издевалась над обнаженным Теммаром, висевшим на закованных в цепи руках. Его ноги, также закованные в цепи, чуть-чуть не доставали до пола.

— Значит, тебе известно, чем мы занимаемся с Нгаигароном? — спрашивала она, стоя перед ним, облизывая губы и потирая руки.

— Это неважно, Идзура! Ты шлюха! Ты всегда была шлюхой! Теперь ты... с колдуном. Какая разница?

— Твоя смерть будет мучительной!

— Если Нгаигарон и убьет меня, то едва ли это будет потому, что я назвал тебя шлюхой!

Разъяренная Идзура заметалась в поисках подходящего оружия и не нашла ничего лучше, чем небольшая серебряная чаша, стоявшая неподалеку на столе.

Она схватила чашу и метнула ее в Теммара. Тот смог лишь отвернуть лицо.

— Хватит! — раздался голос Нгаигарона.

Серебряная чаша мгновенно отклонилась от своего пути, описала бешеный круг в воздухе и ударилась о стену далеко от Теммара.

Идзура в гневе обернулась; колдун вошел в комнату.

— Уди, Идзура,— приказал Нгаигарон.— Выговорись перед слугами! А мне надо сказать несколько слов твоему мужу!

Усмехнувшись, не желая показывать Теммару, какую власть имеет над ней Нгаигарон, но боясь ослушаться, Идзура плонула в своего бывшего повелителя, сделала непристойный жест и удалилась с высоко поднятой головой.

Нгаигарон взмахнул рукой; большой деревянный стул со свистом пролетел по воздуху и опустился недалеко от Теммара. Нгаигарон с кряхтением сел, вытер лицо руками и взглянул на бывшего правителя Тальмеша.

— Она просто ведьма! — пожаловался колдун.

— Шлюха,— холодно произнес Теммар.— Ты хочешь сказать шлюха. И у нее нет к этому никакого таланта. Но, прежде всего, как ты уже,

наверное, и сам понял, она испорченное, мстительное дитя!

Нгаигарон рассмеялся было над своей жалобой, но осекся.

— Вина! Ты же хочешь вина!

Он показал на кувшин, и тот поплыл со стола, но Теммар помотал головой.

— Никакого вина, пока я снова не стану правителем Тальмеша!

— А, понятно! — Голос Нгаигарона стал холоднее, когда кувшин с вином вернулся на место.— Тебе придется долго ждать, чтобы напиться!..

— Только месть может утолить мою жажду!

— Не сомневаюсь! Теммар, я восхищаюсь тобой! Я уважаю тебя! Ты храбро дралися против меня, не проявив малодушия. Одно я хочу у тебя узнать. Если ты скажешь мне то, что я хочу узнать — сейчас или попозже — я убью тебя безболезненно. К тем, кто выполняет мою волю, я добр и милосерден!

Теммар не удостоил его ответом.

— Выбор за тобой, принц Тальмеша! Умрешь быстро или после долгих мучений?

— Как Садгур?

— Ты знаешь? Идзура...

— Я догадался.

— Ты правильно догадался,— прорычал Нгаигарон.— Садгур умер в ужасных мучениях, пытаясь быть благородным, как ты, и теперь он корчится в преисподней!

— Это ты так говоришь! Но, даже если это и так, я уверен, что он сам это выбрал!

— Не будь так уверен. Судьба Садгура уже решена; твоя нет. Ты скажешь мне то, что я хочу узнать! Под этим городом есть пещеры, коридоры, тоннели...— Нгаигарон замолчал и приблизился к Теммару, настороженно глядящему на него.— Они ведут в другие миры... Я хочу получить к ним доступ. Их трудно обнаружить; они древнее человека, и попытки найти их только усиливают действие защитных чар. Известно, что в прошлом люди находили их. Такие случаи редки, но они были; кажется, древние Хранители этих врат не сумели оградить их от случайного обнаружения.

— Я ничего не знаю об этих тоннелях,— резко ответил пленник.

— Может быть, Теммар. Но если знаешь, я у тебя это выужу. Расскажи мне о тоннелях, и ты узнаешь мою доброту, мое милосердие. Если не расскажешь...

— Я уже сказал тебе, что ничего не знаю!

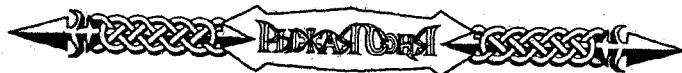
— Должен повторить, что я тебе не верю! — Нгаигарон вздохнул.— Такие правители становятся упрямыми узниками! Но то, что мудро в политике, Теммар, в других делах становится глупым! Ты не оставляешь мне выбора!

— У меня нет выбора с тех самых пор, как ты, колдун, напал на Тальмеш!

Нгаигарон мрачно улыбнулся.

— Я восхищаюсь тобой, Теммар! Знай одно: если я и должен причинить тебе боль, то виноват в этом ты, а не я!

— Поскорее, колдун!

— Прекрасно! Как хочешь!
Нгаигарон встал и, вытянув руки, подошел к
Теммару.
Стража в холле, услышала внезапный крик
боли — и еще, и еще...

Глава шестая

у, авайте! — приказала Соня.— Взла-
мывайте дверь!

Стояла середина дня. Элат только
что сообщил, что тюремщики поки-
нули коридор. Шестеро воинов Тем-
мара вытащили тяжелые кинжалы и
принялись проводить стальными остриями по
всему периметру двери в поисках слабых мест.
Замок, давно проржавевший так, что буквально
врос в стену, оказался самым трудным местом.
Самыми слабыми оказались петли.

— Это не обычные петли,— бормотал Элат,
внимательно наблюдавший за шестерыми работ-
никами.

Это было странное соединение болтов и шар-
ниров — железные скобы с медными ушками
были каким-то образом приварены к железной
двери; такие же скобы были прикреплены к
стенам и соединялись со скобами двери как ло-
коть или колено при помощи железных шаров,
находившихся внутри. Насколько действительно

стары эти тоннели, и кто — или что — их построило?

Но эти петли из шаров и шарниров, каково бы ни было их происхождение, не могли долго сопротивляться напору сильных рук и прочной стали. Соня и ее спутники, обливаясь потом и задыхаясь в спретом воздухе, с силой потянули за четыре железных петли и вытащили их. Когда отошла четвертая из нижних петель, дверь опасно наклонилась внутрь.

Шестеро воинов подтолкнули дверь; она заскрипела, заскрипела и почти разломилась, но им удалось подхватить ее снизу, и она, наконец, с грохотом упала на пол.

— Кто здесь? Кто? — испуганно кричали узники, пытаясь выглянуть из зарешеченных окон.

— Боги, это, наверное, Нгаигарон!

— Тихо вы! — обратилась к ним Соня, стараясь не кричать слишком громко. — Мы повстанцы! Теммар вошел в город, но многие из его отрядов были сегодня утром схвачены Нгаигароном!

— Повстанцы!

— Теммар!

— Он жив?

— Послушайте меня! Может быть, только мы и остались в живых! Мы обязательно вызволим вас отсюда, но действовать надо сообща!

Соня с воинами, опасливо озираясь, дошли до середины коридора, а из всех камер неслось:

— Мы с тобой, женщина!

— Да! Вызволи нас отсюда, и мы поможем тебе убить Нгаигарона!

— Мы поможем тебе сражаться за Теммара!

— Так где же ключи? Где тюремщики держат ключи?

— На кольце! — ответил тот самый узник, Кирос, над которым издевался дарфарец. — На ремне у самого толстого!

— А где они? Еще здесь?

— Иди по этому коридору, — объяснил ей Кирос, — и через несколько поворотов выйдешь к входу. Там есть комната, в которой находятся охранники. Дежурят, думаю, всегда не меньше двух, иногда больше.

Соня обернулась на маленький отряд, и один из воинов без колебаний произнес:

— Я иду! Сейчас вернусь!

Тroe, обнажив мечи, помчались по коридору, и завернули за угол. Звуки их шагов быстро смолкли.

— Ну вот... — Соня подошла к Киросу, который, вцепившись в решетку, выглядывал из оконшка. — Сколько вас здесь?

— Трудно сказать. Меня привели вчера ночью; взяли вместе с одним из военачальников Теммара, но его сюда не привели.

— Садгур?

— Его звали именно так.

— Ладно. Сколько здесь узников? — обратилась Соня ко всем остальным.

По ответившим ей голосам она поняла, что их было, по меньшей мере, двадцать или двадцать пять.

Она вернулась к юноше.

— Тебя зовут Кирос?
— Да. Я мятежник! Я хочу сражаться за Теммара!

— Меня зовут Соня, я не из Тальмеша, но Теммар нашел меня, больную, и спас мне жизнь, и я ему помогаю!

Кирос кивнул.

— Лишний меч найдется?

— Да. Ты хорошо знаешь дворец?

— Неплохо. Может быть, не так хорошо, как остальные, но вместе мы найдем выход.

— Прекрасно! Мы должны держаться вместе; нам надо тайком пройти по дворцу и выяснить, что здесь происходит, а потом придумать, как застать Нгаигарона врасплох!

— Мы это сделаем! Он...

В этот момент вернулись трое с окровавленными кинжалами, звеня связкой бронзовых ключей. Из камер раздались крики.

— Спокойно, спокойно! Сейчас вы все будете на свободе!

— Что вы сделали? — спросила Соня воина с ключами.

— Их было четверо. Они так и не узнали, кто на них напал!

Соня кивнула, а он прошел в конец коридора и начал отпирать двери подземелий.

Разосланные Идзуорой приглашения на праздник, который должен состояться этим вечером в главном зале дворца, были быстро и вежливо

приняты всеми, кроме одного из пятидесяти трех знатных жителей, еще оставшихся в Тальмеше. Тот, кто не ответил, узнала Идзура, сегодня утром закололся мечом.

— Вероятно, так лучше для него, — думала Идзура, прогуливаясь по комнате. — Ему лучше было уйти из жизни. Хоть бы они все умерли, вся эта знать, которая всегда ненавидела меня! И они все умрут — скоро, скоро!

Но ей все равно было неспокойно. События развивались не совсем так, как она надеялась. Нгаигарон больше не получал от ее ласк удовольствия. Неужели она перестала влиять на него? Да и влияла ли она на него вообще? Насмешки над Теммаром не принесли ей похвал Нгаигарона, а ей так этого хотелось! Наконец — и это хуже всего — она не могла помочь колдуну в том, что было для него важнее всего. Она мало знала о древних способах колдовства и совсем ничего — о тоннелях и пещерах под городом, которые предположительно ведут в мир Тьмы. Она задавала себе вопрос, не кажется ли Нгаигарону ее присутствие лишним, а любовь обременительной?

Он принял ее идею праздника, но не сделал того, на что она надеялась. Пытка уже было достаточно, жертв принесено тоже немало. Убийство ненавистной знати хорошее дело, но неужели Нгаигарон намерен править кладбищем? Неужели он просто убивает всех жителей один за другим? Она хотела править живым городом, колдун же, похоже, хотел просто уничтожить его,

принося население в жертву темным богам, пока не добьется своей цели. А какова его цель?

Идзуре стало страшно.

Она начала понимать, что осталась одна. Одна, без Теммара, Нгаигарона и кого-либо другого, кому она могла бы доверять. Одна! Придется принимать решения в одиночку; ей некого будет обвинять в последствиях своих поступков.

Эта мысль страшила ее, и она гневно отогнала ее от себя. Нет! Она будет править вместе с Нгаигароном; они будут королем и королевой на огромном двойном троне, созданном колдовской силой. Но уничтожения мира она не хотела. Она хотела... Лучше бы Теммар был могущественным колдуном, наверняка он снисходительно относился бы к любой ее фантазии. Она хотела, чтобы их город вошел в круг других городов и в нем продолжалась обычная жизнь, а она, Идзура, была бы его богиней, величественно восседающей на троне из слоновой кости над этим огромным, презренным миром, полным грязи и суеты. Но Теммар всего лишь человек!

Праздник, решила она, в корне изменит положение. Они с Нгаигароном покажут на нем свою силу. Теммара будут пытать, пока он не умрет, и это положит конец его бескомпромиссным, ограниченным суждениям. Нгаигарон узнает то, что хочет узнати, и оба они будут счастливо жить в Тальмеше. Сюда явятся волшебники и сановники из всех уголков мира, и Тальмеш станет великолепным центром искусства, науки и волшебства. Ее, Идзуру, будут превозносить до небес

и почитать, как королеву, до конца ее жизни, а потом будут хранить память о ней.

* * *

Вечерело, пурпурные тени над полями становились длиннее. Сионира — змея, огромная в создаваемой ею иллюзии, ползла по широкой, покрытой травой равнине к Тальмешу, окруженная со всех сторон змеями и ящерицами.

Город уже лежал перед ней как на ладони; солнечный свет окрашивал его башни и флаги в красный цвет.

Неутомимая, страстная, жаждущая мщения, она двигалась вперед, прислушиваясь к шуршанию своих многочисленных подданных. Она ненавидела отца и знала, что он об этом предупрежден, но знала также и то, что это предупреждение повергло его в панический страх.

Справедливость воздастся с помощью сокрушительных колец и ядовитых клыков подданных Ситры; пернатые, служащие ее злому отцу своими клювами и когтями, будут уничтожены. Смерть возликует; призраки будут выть, а демоны смеяться.

Свершится месть, и колдовство встретит колдовство силой бурь и молний! Медленно, но неумолимо, стены Тальмеша все выше и выше поднимались перед тысячами рептилий.

* * *

Узников было двадцать пять человек, голодных, раненых, близких к безумию,— и все безо-

ружны и полны ненависти. От них теперь зависела и их собственная судьба, и судьба Тальмеша.

Они собрали все оружие у четырех убитых охранников, затем взломали дверь небольшой оружейной, и нашли там десять мечей, дюжину кинжалов, цепи и несколько железных стержней, оставшихся от каких-то кузнечных работ.

Вооружившись, они быстро покинули тюремные коридоры, пройдя задним ходом через старую, сломанную дверь. Они брели с трудом, молча, освещая себе путь факелами, еще недавно горевшими в тюремном коридоре. Наконец, они подошли к Г-образной комнате, в которой когда-то помещался склад. В нос ударил едкий запах векового мусора и грязи.

Кирос и несколько воинов Теммара быстро набросали на пыльном полу план дворца со всеми известными им лестницами, внутренними переходами, входами, комнатами ...

— Сейчас нам надо разделиться, — сказала Соня, — с тем, чтобы при встрече обменяться информацией. А встретиться мы должны там, где легче всего застать Нгаигарона врасплох!

— В его спальне, — предложил кто-то.

— Нет, — Элат покачал головой. — Он надежно защитил ее своим колдовством. Лучше в каком-нибудь людном месте — там, где он будет думать, что находится в безопасности, окруженный бдительной охраной...

— Да. Тогда мы сможем быстро напасть на него и его охрану, взяв верх над его волшебной защитой, — согласилась Соня.

— Нас тридцать три. Мы все можем умереть — но даже в этом случае мы, по крайней мере, прихватим с собой Нгаигарона!

— Аудиенц-зал! — предложил другой воин. — Он очень большой, и по всей его длине идет балкон, на который выходят десять, а то и двенадцать дверей!

— Охранники есть? — поинтересовалась Соня.

— Очень вероятно. Но мы можем напасть на них из коридора и заставить их замолчать. С балкона мы увидим весь зал и решим, что делать дальше!

— Нас вполне достаточно, — продолжила Соня, — чтобы несколько человек поднялись и убили охранников на балконе, а остальные ворвались в зал!

— Ты права, Соня! Нам это под силу!

— Будьте готовы к смерти, — сказала она им, — но сначала мы должны убить Нгаигарона! Мы любой ценой должны отомстить за Теммара и Тальмеш!

Порешив на этом, они разделились на четыре группы; каждая группа, пройдя по своим же следам, вернулась обратно, чтобы по внутренним переходам дворца пробраться к верхнему и нижнему этажам аудиенц-зала.

Элат, на минутку отведя Соню в сторону, заметил:

— Теммару повезло, что у него есть такой друг, как ты, Соня, потому что я уверен, что ни один житель Тальмеша не готов умереть за его дело с большей охотой, чем ты! Но, когда ты

сказала, что мы отомстим за Теммара и Тальмеш, я почувствовал, что за этими именами стоят другие. Я прав, Рыжая Соня?

Соня ответила только взглядом. Ее обеспокоило, что колдун так безошибочно прочел ее самые сокровенные мысли...

* * *

На закате пятьдесят два знатных жителя города прибыли во дворец точно в указанное время и были рассажены за длинным столом в просторном зале; за спиной у каждого стоял слуга. Во главе пиршества, перед средним столом возле стены на небольшом возвышении стоял трон Нгаигарона, а по обеим сторонам от него кресла для Идзуры и шести молодых колдунов.

В самом центре зала, на гигантском деревянном колесе со стальными спицами была распостерта обнаженная фигура Теммара. Свергнутый правитель был жив, над ним, очевидно, собирались поглумиться после пира, в качестве развлечения. Развлечения — и предостережения?

Знатные горожане, войдя в комнату, застыли от изумления, увидев своего уважаемого господина в таком унизительном положении. Посыпались сдавленные рыдания и даже слабые протесты. Кое-кто попытался подойти к Теммару, но охранники Нгаигарона преградили им дорогу.

Теммар ничего не сказал этим людям, хотя некоторые умоляли его произнести хотя бы несколько слов. Что он мог им сказать, кроме того, что они уже увидели!

* * *

Тем временем к покоям Нгаигарона со всех ног подлетел стражник.

— Мой господин! — закричал он, стучая в дверь.

Нгаигарон в состоянии полуутранса готовился к вечернему волшеству.

— Мой господин, ты должен меня выслушать!

Нгаигарон, возмущенный столь дерзким вторжением, приглушенно крикнул:

— Уйди! Когда я нахожусь в этой комнате, меня нельзя беспокоить! Еще одно слово, и я тебя убью!

Испуганный стражник не понимал, что же ему делать. После недолгих размышлений он решил: если он не может передать срочное сообщение своему господину, то тогда следует обратиться к Идзуре!

Он нашел ее в небольшой комнатке за аудиенц-залом, где она готовилась к выходу. Низко поклонившись, он приблизился и прошептал Идзуре на ухо:

— Узники бежали!

— Что? — спросила она и оттащила охранника в сторону. — Повтори!

— Я хотел предупредить Нгаигарона, госпожа, но он меня прогнал! Он был погружен в себя. Всем узникам каким-то образом удалось бежать из своих камер! Они перебили охрану! Мы не можем их найти, мы не знаем, где они!

— И Нгаигарону это неизвестно?

— Неизвестно, госпожа!

Идзура на мгновение задумалась. Конечно, во дворце достаточно охраны, чтобы она и ее гости могли чувствовать себя в полной безопасности; но сам факт, что она располагает сведениями, известными только ей, может сыграть ей на руку!

Она может воспользоваться своим знанием, убить всех бежавших узников, конечно, если ей удастся их обнаружить, и тем самым снискать благодарность Нгаигарона!

— Не беспокой его,— приказала она стражнику.— Я обо всем позабочусь! Но больше об этом никому не говори: могут быть большие неприятности!

— Слушаюсь, госпожа!

* * *

В аудиенц-зале робко шептались.

Все ждали появления Нгаигарона. Большинство приглашенных не были трусами, и заранее сговорились разделаться с ним. Идя во дворец, они спрятали под одеяды кинжалы, а слугам приказали засунуть в сапоги ножи. Они знали, что сегодня вечером, пытая Теммара, Нгаигарон впадет в магический транс, и надеялись, что в то время, когда он забудет об их существовании, им удастся уничтожить его. Их сорок, плюс восемнадцать слуг; разумеется, им удастся одержать верх над охраной Нгаигарона, убить мрачного властелина и шестерых его приспешников — колдунов!

Молодые колдуны во главе с Аспром торжественно вошли в зал. Шурша тёмными мантиями

и лишь посверкивая желтыми глазами при ярком освещении банкетного зала, они заняли кресла рядом с троном Нгаигарона. Аристократы пытались скрыть свое напряжение под маской беззаботной веселости, и лишь временами нервно ощупывали спрятанное оружие.

* * *

Соня, Кирос, Элат и еще семь человек осторожно прошли потайными коридорами и задними комнатами к балкону аудиенц-зала, твердо уверенные, что их товарищи движутся им навстречу.

Наконец они оказались в маленькой комнатке без окон, вдоль стен которой стояли полки с пергаментами. Они тихо припали к полу и стали прислушиваться к звукам, доносящимся снизу, из зала, время от времени выглядывая в безлюдный коридор.

— В коридоре пусто,— прошептала Соня.— Я пойду первая, чтобы убедиться...

Вдруг зашуршала штора, и они услышали изумленный голос молодой женщины:

— Боги! А вы что тут делаете?

* * *

Сионира, отбрасывая на равнину бледную тень, подползла к стенам города.

Смеркалось. Высоко вверху, по крепостной стене при слабеющем свете зашедшего солнца разгуливали стражники, не подозревая о том, что под ними, скрытое тенью, раскинулось целое

безмолвное море рептилий, обследовавших ста-ринные камни фундамента в поисках расселин.

— Ситра! — воззвала гигантская змея, Сионира.— Икскатл! Проведите меня в этот город!

Она замолчала, прислушиваясь к своим ощущениям, затем повернула налево и поползла по ровному полу, вдоль старых, кое-где разрушившихся стен. Куры и собаки с кудахтаньем и воем бросились врассыпную.

Наконец, поблизости от реки она обнаружила ворота из тяжелого дуба — один из входов в город.

Змея начала чуть заметно изменяться. Спустя некоторое время в стущавшихся сумерках перед воротами города оказалась Сионира — хрупкая, просто одетая молодая женщина, слушающая, как в высокой траве вокруг нее шуршат бесконечные ползающие существа.

— Откройте! — закричала она.— Впустите меня!

Она услышала, как стражники на стене зашевелились и начали ругаться; спустя продолжительное время над зубчатой стеной появились многочисленные факелы.

— Чего тебе надо, женщина?

— Впустите меня!

— Ты одна?

— А ты видишь при мне войско?

Прошло еще несколько мгновений. Наконец, раздался лязг задвижек и цепей, и массивные ворота распахнулись. За ними оказалось несколько наемников Нгаигарона, свет факелов отражал-

ся на их доспехах и варварских украшениях из кости. При виде Сиониры лица расположились в улыбках.

— Ну и ну! — загоготал ближайший к ней стражник.— Что такая красотка делает...

— Ситха на икис Икскатл! — закричала Сионира, протянув к ним руку.

В то же мгновение из травы поднялась настоящая волна извивающихся чешуйчатых рептилий, проползших в ворота, и опутала ноги стражников. В тишине раздались неистовые крики боли и ужаса, сливающиеся со зловещим шипением тысяч рептилий. Сионира медленно, спокойно прошла в ворота мимо бившихся в агонии тел отравленных ядом стражников, ее маленькие ножки в сандалиях ступали по чешуйчатой реке из тысяч ее яростно шипящих помощников.

Она прошла через маленькую кирпичную стоянку и вышла на прибрежную лужайку. Далеко внизу Сионира увидела конюшню, а наискосок скобяную лавку. Там при свете факелов несколько пьяных приставали к полной, почти обнаженной женщине, кожа которой блестела, как медь. Возня сопровождалась смехом и пьяными выкриками.

Вдруг поднялся пронзительный вой.

Волна рептилий прокатилась вдоль стены, граничащей с рекой, к более широким воротам, а затем заполнила собой всю улицу.

За углом таверны появился всадник, офицер Нгаигарона, озабоченный поисками удовольствий.

Его лошадь, почувствовав приближение рептилий, заржала и осадила назад. Кушит, ничего не понимая, выругался, выхватил клинок и наклонился, чтобы разглядеть, что так напугало лошадь. Внизу он увидел движущиеся тени.

— Кто это — а-а-а!

Тысячи рептилий выползали из темноты, разинув клыкастые пасти и шурша чешуей и когтями. Человек вскрикнул, и упал со своей обезумевшей лошади.

Мгновение спустя все было кончено; человек корчился под плывущим ковром чешуи, тело его распухло от яда. Лошадь с ржанием стремглав понеслась прочь.

Сионира со своим шипящим войском продолжила путь, оставляя за собой в кромешной тьме след смерти и ужаса. Они шли вперед, ко дворцу, и пройти им осталось всего полгорода.

* * *

Один из людей Теммара зажал рукой рот девушки и прижал к ее горлу свой короткий меч. Она попыталась вырваться, но, поняв тщетность своих усилий, от ужаса чуть не лишилась чувств.

Соня подошла поближе и посмотрела в широко раскрытые глаза девушки.

— Это всего лишь служанка! Убери меч!

Воин опустил оружие.

— Ты обещаешь не кричать, если он уберет руку? — спросила девушку Соня.

Ответом послужил энергичный кивок головой.

— Отпусти ее!

Девушка чуть не упала, но Соня с воином успели подхватить ее. В этот момент Кирос узнал свою подружку:

— Энади! Энади!

— Кирос? — изумленно произнесла девушка.— Кирос?

— Вы знакомы? — удивилась Соня.

— Она прислуживает Идзуру, — объяснил Кирос и, обратившись к девушке, добавил:— Мы узники, Энади. Мы бежали. Тебя не должны видеть вместе с нами!

— Да, мы сегодня освободили их, — подтвердила Соня.— А теперь послушай меня. Комунибудь известно, что они бежали?

Энади отчаянно замотала головой.

— Я ничего не слышала! Что вы собираетесь делать?

— Мы собираемся убить Нгаигарона!

Похоже, это известие не слишком потрясло девушку. Но выражение ее лица изменилось, когда она задала вопрос:

— И Идзуру тоже?

— Зачем Идзуру? Почему ты спрашиваешь? — удивилась Соня.

— Она ведьма! Она мне причиняет боль; она всем причиняет боли! — дрожащим голосом ответила Энади.

— Мы хотим убить только Нгаигарона!

— Тогда дайте мне нож! Я сама убью Идзуру...

— Соня! — послышался из двери хриплый шепот.

Соня подбежала к двери, откуда доносился шум празднества: радостные крики, приветствия, обращенные к Нгаигарону.

— Началось, Соня!

— Спокойно! — Она повернулась к Энади:— Оставайся здесь, девочка! Когда начнется драка, беги на улицу...

Все столпились возле дверей; Соня высунула голову, огляделась, пробежала по коридору и прижалась к стене. Остальные последовали за ней. Они медленно начали пробираться по коридору к залу, откуда и раздавался шум.

Кирос оглянулся на Энади.

— Я теперь мятежник, Энади, я на службе у Теммара! Я был узником, но эти люди помогли мне бежать! А ты по-прежнему служишь Идзуре?

Она кивнула, поморщившись, словно от боли.

— Плохо, что мы были мало знакомы раньше — до всех этих событий!

— Дай мне нож,— попросила Энади, печально улыбнувшись ей.

— Лучше не надо!

— Тогда — подари мне поцелуй,— горестно взмолилась она со слезами на глазах.

Он робко и неуверенно поцеловал ее.

— Это лучше, чем поцелуй Идзуры...— вздохнула Энади.

Кирос, ошеломленный, вынул из-за пояса нож.

— Это тебе, чтобы защищаться, если понадобится,— сказал он.— Только не вздумай никого убивать! Беги отсюда без оглядки, пока не началась драка!

— Ну где же ты, Кирос? Тебя все ждут! — донеслось до него.

Еще раз, поцеловав напоследок девушку, он выскочил из комнаты, помчался по коридору и вскоре присоединился к остальным.

Соня заглянула за угол. Двери на балкон аудиенц-зала охраняли несколько наемников, и все они были настороже.

Соня подавила глубокий вздох.

— Действуйте быстро,— приказала она своим людям,— и молитесь Небу, чтобы остальные подоспели вовремя! Где же этот колдун, Элат? Может быть, он сможет предугадать...

Она замолчала, обнаружив, что молодого колдуна с ними нет. Очевидно, остальные тоже не заметили его исчезновения, потому что все озабоченно оглядывались по сторонам. Как давно он пропал?

Их размышления были прерваны оживленными приветственными возгласами, внезапно уступившими место пронзительным воплям, лязгу доспехов и оружия, грохоту падающих столов, крикам насилия и ярости и реву Нгаигарона.

— Вперед! — заорала Соня и, обнажив меч, завернула за угол.

* * *

Существует больше способов умереть, чем жить.

Теперь Теммар, как никогда, понимал, насколько верна эта старинная поговорка — теперь, когда Нгаигарон, обратившись к повернулся, по-

смотрел ему в глаза и поднял руки, чтобы начать свои колдовские пытки.

Время тянулось медленно. Теммар отчаянно бился в крепких путах, напрягаясь при каждой волне ужасной боли. Нгаигарон улыбался.

Из главного входа в зал донесся крик — это закричал смертельно раненый охранник. Затем раздались боевые кличи, и в комнату ворвались вооруженные люди.

Опять крики, и в банкетный зал, чуть не попав в Нгаигарона, влетело копье, ударившееся об пол.

Теммар поднял измученный взгляд в тот момент, когда с высокого балкона свалился один из охранников Нгаигарона и, упав на стол, проломил его. Аристократы, сидящие за этим столом, попрятались за своих слуг, и все они смешались в одну кучу.

— Стоять на месте! — крикнула Идзура с возвышения.— Я могу убить вас с помощью колдовства!

Однако, когда какой-то брошенный предмет до крови ударил ее по голове, она покачнулась, с пронзительным криком спрыгнула с возвышения и побежала к выходу.

Шесть колдунов мгновенно поднялись и, прижавшись к стене, защитили себя с помощью колдовства. Мимо них летали камни, кубки, кувшины, но ни один не задел их.

— Вперед!

Крик доносился сверху, и Теммар, повернув голову, увидел рыжеволосую воительницу, про-

рывавшуюся сквозь строй охранников на верхних ступеньках лестницы балкона — а за ее спиной ревущий поток — доспехи, копья, разъяренные лица...

В главную дверь зала ворвалась вторая волна яростных мятежников. С балкона на столы свалилось еще несколько охранников.

Полилась кровь, бешено залязгала сталь, и в банкетном зале началось сражение между людьми, охваченными яростью и ненавистью.

Наконец, аристократы, вынув оружие, ринулись вперед, чтобы присоединиться к битве с охранниками Нгаигарона. Отряды колдуна отступили к стенам, ошарашенные и деморализованные.

Нгаигарон, вне себя от гнева повернулся к Теммару.

— Это ты сделал! — заревел он, в ярости сверкая желтыми глазами и занося руку для колдовской атаки.

Брошенный нож прервал жест колдуна, лезвие попало ему прямо в руку. Нгаигарон оглянулся на аристократа, бросившего нож, затем вынул оружие и отшвырнул в сторону. Нож пронесся по залу и безошибочно угодил аристократу прямо в лоб.

— Твои не победят! — прошипел Нгаигарон Теммару и тут же был отброшен дикой, сокрушающей толпой.

Соня, оказавшаяся в самом центре схватки, увидела Теммара, извивавшегося в путах на дыбе и быстро пробилась сквозь толпу к нему. Один из

силачей Нгаигарона, подняв топор, двинулся на нее. Соня едва избежала сокрушительного удара, вовремя упав на мраморные плиты пола. Подавшись назад, она взмахнула мечом и распорола наемнику живот. Тот с ревом осел, разбрызгивая внутренности, а Соня опять рванулась к Теммара.

— Не двигайся!

Ее клинок мелькнул раз, потом второй, потом еще два раза. Четвертый удар разорвал последние пуги Теммара, и он упал, корчась от боли в уставших от напряжения мускулах. Соня схватила его за руку и потянула за собой. Воины Теммара расчищали проход, оттаскивая раненых и убитых к стенам, и через этот проход, сквозь крики и потоки крови, Соня тащила Теммара, пока к нему возвращалась сила.

Вдоль стен располагался длинный ряд колонн. Соня протащила Теммара между двумя колоннами и укрыла за тяжелым столом.

— Ты в порядке? — спросила она, опустившись перед ним на колени.

— Просто... ослаб — и удивлен!

Она поднялась, выскочила из-за стола, схватила одного из погибших воинов Теммара и подтащила его за колонны.

— Переодевайся! Скорее! У него крепкие доспехи!

Теммар надел штаны, сапоги, кольчугу, подпоясался и повесил на пояс меч.

— Я готов, — вскричал он, поднимаясь.— Скорее в бой!

Выкрикивая дикие боевые кличи, они, размахивая мечами, ввязались в драку.

* * *

Идзура бежала без оглядки, пока не споткнулась; тогда она скинула позолоченные сандалии, поднялась и снова побежала. Верхние коридоры уже полностью опустели. Снизу до нее доносились лязг оружия и испуганные крики.

Она должна пробраться в свою комнату, забрать вещи и заставить слуг помочь ей скрыться из дворца и из города!

— Энади! — закричала она, добежав до двери своей комнаты.— Энади! Черт возьми, где ты пропадаешь, когда...

— Идзура!

Она застыла, как вкопанная, и оглянулась.

Голос женский, но очень странный, нет, все-таки — не женский!

— Я знаю, кто ты, Идзура! Помоги мне получить украденный скипетр Искатла, чтобы я смогла уничтожить моего отца, Нгаигарона!

Идзура, охваченная ужасом, попятилась, вертя головой, стараясь найти говорившую.

— Идзура! Победи собственное зло! Нгаигарон защитил скипетр с помощью магической силы! Скажи мне, где он?

— Кто ты? Кто ты? — закричала Идзура, продолжая отступать по коридору.

Вместо ответа из смежного коридора выползла тень — огромная, чернее самой темноты. Идзура попятилась быстрее.

— Идзура, я пришла к тебе в змеином обличье, чтобы доказать, что я именно та, за которую себя выдаю — его дочь...

И она появилась из тени, из-за угла коридора, скользя и извиваясь.

— Боги! — вскричала Идзура.

Она упала, но тут же быстро вскочила и со всех ног понеслась по коридору.

— Идзура! — шипела ей вслед гигантская змея, сверкая желтыми глазами в неярком свете коридора. — Идзура! Я Сионира — дочь Нгаигарона! Это не мое настоящее обличье! Не убегай! Скажи мне, где найти скипетр!

— Нгаигарон! На помощь!

Огромная змея наползала на нее, шурша пластинками живота по каменным плитам и царапая чешуей столы и подставки для оружия.

— Идзура — остановись! Я изменюсь...

Идзура помчалась в комнаты, пробежала по анфиладе, спасаясь от гигантской змеи. Женщина без оглядки неслась вперед, пока не увидела открытые ставни. Тогда она решила выпрыгнуть из окна — у нее обязательно появятся крылья!..

— Идзура!

Обезумевшая женщина оглянулась в последний раз: прямо на нее неслась говорящая змея с желтыми глазами!

— Идзура! Я меняюсь! Скажи мне, где скипетр!

— Нгаигарон! Помоги мне твоей птичей магией — я должна взлететь! Помоги мне!

Она прыгнула в открытое окно — и не взлетела.

Идзура падала все ниже и ниже, выкрикивая имя Нгаигарона.

Над остроконечной крышей балкона возвышался раструб водосточной трубы, украшенный многочисленными металлическими фестонами.

Сионира, уже принявшая человеческий облик, в безмолвном разочаровании выглянула из окна. Тело Идзуры безжизненно свисало с острых выступов, заливая кровью балкон. Ведьма, не умеющая летать, оказалась таким же человеком, как и все остальные — из плоти и крови.

Сионира в гневе отвернулась — и вдруг увидала неподалеку от себя молодого, стройного человека в темной мантии, который стоял, сверкая такими же, как у нее, желтыми глазами.

— Я Элат, колдун, — промолвил он, приближаясь. — Я все видел и слышал. Не волнуйся...

— Волноваться? — холодно оборвала его Сионира. — Да я могла бы уничтожить тебя на месте, хоть ты и колдун!

— Не сомневаюсь, ведь я в этих делах новичок! Но, тем не менее, я одарен двойным зрением и знаю, что ты помогаешь таким же, как я. Я почувствовала, что ты пришла во дворец, и хотел разыскать тебя, зная, что с моими скромными талантами я вряд ли смогу пригодиться в бою с Нгаигароном!

— Если ты все слышал, — сказала Сионира, — ты понял, что я ищу скипетр Икскатла, который Нгаигарон украл из храма Ситры!

— Он находится в его комнате за книжной полкой возле окна. Как-то раз он показывал его

мне и моим собратьям по колдовскому искусству. Но тебе не стоит входить туда, потому что в его отсутствие комната охраняется такими демонами, что даже ты не захотела бы, чтобы они материализовались!

— Даже я? — переспросила Сионира.— Так ты знаешь, кто я такая?

Элат нервно слготнул.

— Я слышал, ты называлась Сионирой, прежде чем эта женщина бросилась в окно. Более того, я знаю, кто ты — и я польщен, потому что никогда не мечтал встретить женщину-змею! И, должен добавить, такую красавицу!

— Ты восхищаешься моим искусством? — Сионира высокомерно тряхнула головой.— Ведь если тебе так много известно, ты должен знать, что это мое обличье такая же иллюзия, как обличье змеи, хотя поддерживать его несколько легче. Никто не видел и не увидит, какая я в действительности!

— Боюсь, мы, люди, можем сказать о себе тоже самое,— усмехнулся Элат.— Но мы теряем время! В зале продолжается бой. Я чувствую, ты пришла одна...

— Ты меня недооцениваешь, человек с двойным зрением! Я привела с собой огромное войско! Сейчас в городе, мои бойцы в темноте убивают наемников Нгаигарона!

— Войско?

— Войско моих преданных слуг!

— Вот как! — понимающе кивнул Элат.— Но теперь, Сионира, если хочешь помочь Теммару и

разделаться со своим врагом, ты должна поторопиться!

Но Сионира уже мчалась по коридору, к лестнице, ведущей в холл банкетного зала, где сейчас находился Нгаигарон.

* * *

Высоко в горном лагере, под луной и звездами, сгорая от нетерпения, сидели вокруг бивачных огней воины Теммара.

— Они ушли очень давно,— произнес старший.— Надо скакать в Рибет за подкреплением, как нам приказал Теммар!

Выбрали трех человек; двоих молодых и сильных и третьего, бывшего пастуха, хорошо знающего горные тропы.

— Если через два дня вы не вернетесь,— сказал им сотник,— мы двинемся на город.

— Не надо,— возразил проводник.— Мы справимся быстрее. Ждите нашего возвращения!

И все трое выехали в ночь — в опасную горную ночь, испытывая некоторое чувство вины, словно они покидали своего господина.

* * *

Когда нож полоснул ей по руке, Соня отчаянно вскрикнула; изогнувшись с проворством пантеры, она так быстро всадила кинжал в грудь противника, что он не успел увернуться. Наемник зашатался и, обливаясь кровью, рухнул вниз, увлекая за собой двух других. Началась настоящая свалка!

Воины Теммара вместе с освобожденными узниками, аристократами и их слугами, дав волю давно сдерживаемому гневу, теснили деморализованных наемников Нгаигарона, уничтожая их одного за другим.

Теммар бросился в схватку с неукротимой ненавистью и жаждой мести, которую так давно хранил в своей душе. Рубя мечом и ревя в безумной ярости, он сеял вокруг себя гибель. В водовороте смерти он неистово лил кровь врагов, но и сам был мишенью для нападений. Он орудовал своим изрубленным мечом, высекая искры огня при ударах о стальные доспехи. Под его ударами крошились кости; вокруг него брызгали мозги, и поверженные враги с криками падали в лужи крови. Громоподобные звуки битвы казались ему музыкой, дикой симфонией кровавого насилия и мести.

Рыжая Соня в пылу битвы выкрикивала какие-то боевые кличи и со смертоносной яростью рубила мечом. Вокруг нее с именами своего правителя и родного города на устах свирепо бились жители Тальмеша, круша своих врагов...

Когда в минуту просветления Теммар обнаружил, что в главную дверь зала ворвались резервные черные отряды Нгаигарона, значительно превосходящие его собственные силы, ярость его мгновенно охладела. Он заметил, что находится далеко от центра битвы, всего в нескольких ступеньках от возвышения. Подняв взгляд и отряхнув с лица пот, Теммар увидел пристально глядящие на него желтые глаза.

— Проклятый колдун!

Подняв меч, он бросился на Нгаигарона — и на первой же каменной ступеньке натолкнулся на невидимый щит. Отброшенный назад, почти потеряв равновесие, он удержался и быстро развернулся, услышав за спиной шаги.

Теммар вовремя пригнулся, и лезвие пропело над самой его головой. Он разъяренно накинулся на противника и вонзил меч ему в живот; длинное лезвие прошло под грудной клеткой и вышло наружу. Потом он снова быстро повернулся к возвышению и взмахнул мечом.

Жалящая волшебная сила подтолкнула его руку, она задрожала и чуть не выпустила меч.

— А теперь настал ваш черед, мои помощники! — произнес Нгаигарон, засмеявшись.

Он распростер мантию, как крылья, и его окружили шестеро колдунов, придавая ему силы и оставляя пространство только для того, чтобы Нгаигарон мог видеть своего врага. В воздухе возникло ужасное напряжение, как перед ударом молнии. Теммар нахмурился и напрягся, готовясь снова двинуться вперед, но, увидев, как гримаса страха внезапно исказила лицо Нгаигарона, остановился.

Страх — но не перед Теммаром!

Когда в зал вползла тень, люди, закричав, побежали прочь, охваченные внезапным ужасом. Казалось, в комнату ворвалась гроза; колонны задрожали, колдовской ветер раздувал гобелены — и, наконец, раздалось громкое шипение, словно волна пара натолкнулась на айсберг.

— Сионира! — закричал Нгаигарон.

Огромная змея скользнула в комнату и, громко скрежеща чешуей, поползла к возвышению.

Теммар, вспомнив ночь на горе, резко отскочил, спрятался за колонной и стал наблюдать. Огромный хвост Сиониры резко ударился о другую колонну, а она ползла по залу, продолжая громко шипеть.

Соня, находившаяся в другом конце зала, глазами нашла Теммара и устремилась к нему. Он бегло взглянул на нее, не переставая наблюдать за змеей.

— Это не Сионира! — хрипло произнес он.— Эта та змея, что была на горе...

— Сионира! — с тяжелым вздохом произнесла Соня.

— О, Боги, нет!

— Сионира! — настойчиво повторила Соня, кивком головы отбрасывая со лба потные волосы.

Но, не успела Сионира далеко проползти по каменному полу, как Нгаигарон поднял руки к потолку, закричал что-то нечленораздельное и снова опустил их. Его руки, вытянутые вдоль туловища, сверкали.

Змея, не успев доползти до возвышения, зашипела и, как сумасшедшая, начала извиваться. Ее голова откинулась назад в приступе нескрываемой боли. Между чешуйками появилась кровь и заструилась, как темный пар. Нгаигарон разразился злорадным смехом. Соня и Теммар вздрогнули при виде дымящейся крови; хотя они оба

знали, что эта жуткая битва не более чем иллюзия, зрелище потрясало. Все казалось таким реальным!

Сионира продолжала сражение. Она выбрасывала голову вперед, обжигая отца зловещими огнями своих желтых глаз. Внезапно один из молодых колдунов, уничтоженный ее волей, с пронзительным криком упал на охваченное пламенем возвышение. Мгновение спустя он обратился грудой углей и пепла.

У Сиониры еще было достаточно сил, чтобы противостоять Нгаигарону. Она снова начала извиваться и попыталась отползти подальше от отца. Но ее хвост и кольца тяжело упали на каменный пол, а из-под чешуек по-прежнему сочилась кровь и поднимался розовый дым.

— Сионира! — вскрикнула Соня.

Она выбежала из-за колонны и протянула руку к змее. Чешуйки были горячие — очень горячие — и Соня со стоном отдернула руку. Ладонь порозовела от ожога.

Сионира обратила к Соне тускнеющие глаза. Внезапно, увидев оружие у Сони на поясе, она зашипела:

— ...кинж-ж-жал...

— Сионира, что...

— Прочь! — загремел Нгаигарон, протягивая руку, но его колдовской жест был блокирован Сионирой, которая, склонившись, прикрыла Соню.

— ...у тебя на поясе... Нгаигарон... кинжал... метни его...

Соня мгновенно отреагировала: она ринулась вперед, выхватила из-за пояса старинный кинжал с нефритовой рукояткой, нырнула на пол и перекувырнулась через голову. На своих боках она почувствовала волну колдовского тепла. Не подалеку от возвышения она плавно встала на ноги, присела и вскинула руку. Нгаигарон увидел блеск металла и неистово замахал руками.

— Умри, колдун!

Диковинный древний кинжал молниеносно сверкнул в Сониной руке, и удар был столь же точным, как и все ее удары. Лезвие вонзилось Нгаигарону глубоко в живот, до самой рукояти, и на ней появилась кровь.

Сторонники Нгаигарона заорали от ужаса, а люди Теммара радостно закричали. Колдун упал на возвышение, вцепившись в двух своих адептов.

И снова в зале поднялся шум, снова началась игра клинков...

Соня бросилась за своим мечом, схватила его и вскричала:

— Все, кто предан Теммару — за мной!

Истекающие кровью, усталые воины ринулись к выходу. Толпа в зале заметно поредела.

Выбившаяся из сил Сионира начала терять свое змеиное обличье. Кровь перестала течь и больше не дымилась. Теммар помог Соне оттащить ее к двери.

Жрица-змея полностью приняла человеческое обличье, но Теммар заметил, что ее женский облик тоже начал несколько изменяться.

— Скорее! — крикнула Соня последним группам мятежников, продолжавших отбиваться от наемников Нгаигарона.

Один из горожан, вскрикнув, упал, пронзенный копьем. Соня уже была в дверях, когда на нее налетел один из приспешников Нгаигарона; она выскочила вперед, одним взмахом меча отсекла руку преследователя, захлопнула дверь и заперла ее тяжелым железным засовом. На дверь обрушился шквал сокрушительных ударов.

Воины быстро заперли ее еще на два засова и начали подтаскивать к двери мебель и мраморные статуи.

— Где... мы? — удивленно спросила Соня.

— В основании башни, — ответил Кирос. — В ней три этажа. Здесь это единственный вход.

Соня заметила рядом с ним юную служанку Энади с ножом за поясом. Она схватила его за руку, словно прося о защите, и Кирос удивленно взглянул на нее.

— Митра! — воскликнул он. — Я же, кажется, велел тебе бежать!

— А я и прибежала, — сказала она. — Я прибежала сюда!

* * *

Кровь почти полностью покрывала пол зала, кругом лежали груды трупов. Повсюду валялись обломки мебели, мраморные стены и гобелены были испещрены кровавыми пятнами.

Возле возвышения лежал мертвый колдун. Это был Менк, самый молодой.

А на самом возвышении, задыхаясь, сидел Нгаигарон, над которым склонились пятеро колдунов. Он корчился от боли в животе; из раны сочилась кровь, но ее было не так много, как бывает при подобных ранениях.

Колдуны убрали кресла, положили его на спину и разорвали одежду, чтобы осмотреть рану.

— Нгаигарон! — один из колдунов, Аспр, склонился над ним. — Нгаигарон — как тяжело ты ранен?

— Не смертельно, — проворчал Нгаигарон. — Меня ничто не может убить...

— Но мы должны залечить твою рану, — сказал Аспр. — Тос — промой ее вином и водой. Принесите какие-нибудь тряпки, чтобы перевязать ее!

— Она заживет, — тяжело вздохнул Нгаигарон, — еще до наступления ночи. Только дайте мне отдохнуть. Что за кинжал меня ударили? Это не обычное оружие!

Ему показали, и он снова застонал.

— Старинный, старинный, — пробормотал он, закрыв глаза. — Древнее самого человечества. Однако его волшебная сила сослужит мне хорошую службу — я чувствую, его нашли где-то в подземельях... там, где должен быть путь в Мир Мрака!

* * *

Из зала битва переместилась в одну из башен дворца.

Теммар был окончательно изможден; пытки колдуна подорвали силы, а кровавый бой вымо-

тал до предела. Поэтому Соня, — одна из немногих, кто не получил серьезных ран, — приняла на себя командование. Она быстро приказала своим людям надежно загородить все входы в башню.

Затем она позвала Кироса, Энади и еще нескольких людей Теммара, чтобы точно определить, в каком именно месте дворца они находятся, и решить, как дальше сражаться с Нгаигароном. Посовещавшись, Соня поднялась на третий этаж башни и подошла к постели, на которой отдыхала Сионира. К своему удовольствию, она обнаружила, что та быстро поправляется. Змеинная жрица сидела на постели в полном сознании, ни в коей мере не утратив своего человеческого облика.

Соня созвала остальных жителей Тальмеша в цокольном этаже.

— Мы уничтожим их, заманивая сюда маленькими группами, — сказала она им, — по два, три, пять или шесть человек! Заманим их понемногу в башню и перебьем! Есть у кого-нибудь лучшие предложения?

Лучших предложений не последовало.

Воины, посланные наверх, вернулись и доложили, что все входы загорожены; Соня отправила для более надежной охраны по два человека к каждой двери. Затем они с Сионирой и остальными вернулись к обсуждению ситуации.

* * *

Нгаигарон — слишком ослабевший, чтобы передвигаться, отдал распоряжение своим отрядам,

и те стали готовиться к обороне.. Они поставили надежную охрану перед входом в аудиенц-зал и расставили людей на каждом из трех этажей, чтобы усилить там охрану входов в башню.

— Они у нас в ловушке, — рычал колдун. — Но они не дремлют, так что будьте осторожны! Я сейчас не в лучшей форме; моя дочь тоже, но она скоро поправится! Будьте осторожны — и начинайте штурм этой двери!

Его люди, используя таран, выбили тяжелую, окованную железом дверь, и толпой ворвались в башню. Перед ними зияла темная пустота — ни света, ни движения...

Вдруг из первых рядов раздались пронзительные крики, и люди подались назад к своим товарищам, тщетно пытаясь поразить мечами гигантскую змею, ползущую на них из темноты.

В своем замешательстве они почти не оказали сопротивления граду кинжалов, посыпавшихся на них из темноты вслед за атакой Сиониры. Семеро из них были убиты, двенадцать тяжело ранены, а остальные отступили в аудиенц-зал.

Соня, Сионира, Кирос и остальные снова укрылись в темноте, быстро привязали прочные кожаные ремни, заготовленные заранее, к нескольким тяжелым деревянным столам, подтянули их наверх, а ремни закрепили за порог.

— Хватайте их скорее! — неистовствовал Нгаигарон. — Один из вас, мои помощники, пусть идет с ними!

— Тос, ступай ты! — кивнул Аспр одному из колдунов.

Молодой колдун возглавил группу наемников. Они осторожно подошли к выбитой двери и заглянули в нее. Никого! Ни змей, ни воинов...

— Берегись! — крикнул вдруг Тос.

Но было уже поздно: один из людей Нгаигарона, переступив порог, наткнулся на преграду, и с потолка на них упали тяжелые столы, а затем посыпался град ножей и копей. Еще тринадцать человек Нгаигарона нашли здесь свою смерть, в том числе и молодой колдун Тос.

Люди в задних рядах с криком отступили, перегруппировались и решили атаковать противника. Они рванулись в темноту, подгоняемые страхом перед Нгаигароном. Но на этом этаже башни смерть больше не подстерегала их...

Приободрившись, они в полу暗раке начали подниматься на второй этаж по длинной витой лестнице.

Двенадцать идущих впереди не дошли до второго этажа, потому что древние ступени, кое-как выдержавшие вес защитников башни, обрушились у них под ногами. Люди с криками попадали вниз, и еще дюжина оказалась похороненной под камнями. Соня и ее отряд, спрятавшись на верхних этажах, слышали грохот и крики умирающих. Они долго вслушивались, но в наступившей тишине не было слышно ни шороха.

* * *

— Мой господин, город кишит змеями!

Нгаигарон, по-прежнему сидя на возвышении в окружении своих помощников-колдунов, суро-

во смотрел на дарфарского купца, который привнес эту весть.

— Я ничуть не удивлен,— пробормотал он, наконец.— Иди и скажи нашим людям, чтобы закрыли все вход; все, кто еще не во дворце, должен рискнуть и найти укрытие! И убивайте всех гадов, которые уже осмелились прорваться во дворец!

— Все сделано, Нгаигарон! Но... еще кое-что...

Колдун еще более сурово посмотрел на заколебавшегося купца.

— Говори же! В чем дело?

— Идзура погибла, мой господин. Мы нашли ее над одним из нижних балконов. Должно быть, она спрыгнула или упала из окна.

Нгаигарон остался равнодушным к этому известию. Идзура уже давно сослужила ему свою службу и больше не интересовала его.

— Перенесите меня в мои покои,— приказал он Аспру и остальным молодым колдунам.— Там я обрету силу и быстрее поправлюсь.

День клонился к концу, и вечер постепенно вступал в свои права; во дворце все стихло. Нгаигарон лежал в своей спальне и восстанавливал силы, черпая энергию из волшебной ауры Аспры и его сподвижников, дежуривших у постели. По всей длине коридора была выставлена усиленная охрана. Колдун предавался раздумьям и вертел в руках старинный кинжал, брошенный в него Соней.

— Вероятно, Судьба, в конце концов, повернулась ко мне,— бормотал он.— Путь, который я

искол, нашли другие, путь во Тьму. Этот кинжал был Печатью, и он соответствовал Двери; выздоровев, я пойду к храму Грифа и возложу его на алтарь Урму, чтобы он указал, где находятся врата, которые этот кинжал когда-то запирал. О, эта рана отныне кажется мне ничтожной ценой, потому что кинжал, который ее нанес, приведет меня к Тем, кто сможет дать мне силы окунуться в мир Кромешной Тьмы и править им с помощью моего скипетра!

Он захохотал. Аспр и молодые колдуны невольно содрогнулись.

* * *

— Сионира. Сионира...

Женщина-змея встала со своего ложа, внезапно услышав за спиной голос колдуна Элата. Она не удивилась, потому что все люди-змеи умели общаться таким способом, как и многие маги.

— Я восстанавливаю силы, человек с двойным зрением,— сказала она в пустоту.— Зачем ты меня беспокоишь?

— Я в комнате немного севернее твоей,— услышала она,— и прямо над покоями Нгаигарона!.. Он там с колдунами!

— Осторожно! — прошипела Сионира.— Они тебя почувствуют...

— Нет! Я посылаю мои мысли через зеркало! Приложи свое зеркало к северной стене, и мы сможем увидеть друг друга!

Сионира схватила серебряное зеркало и поставила его на маленький столик. Мгновение спустя

она неясно увидела в нем лицо Элата. Когда он снова заговорил, она по движению его губ прочла:

— Послушай, Сионира: сейчас, когда Нгаигарон со своими помощниками находятся у себя в спальне, она больше не охраняется демонами. Я сказал тебе, где спрятан жезл Икскатля. Теперь самое время отпра- виться за ним, пока Нгаигарон еще не отправился от раны.

— Ты предлагаешь мне помочь? — спросила женщина-змея.

— Я могу быть твоими ушами, но на большее моей волшебной силы не хватит! Ты должна, если можешь, пустить в ход глаза и руки.

— Обязательно! Жди меня! Я скоро появ- люсь,— кивнула Сионира.

Она вышла из комнаты и спустилась на втор- ой этаж башни. Соня и многочисленные воины, собравшиеся там, были рады увидеть, что она снова приняла человеческий облик.

— Я почувствовала снизу запах смерти,— ска- зала она.

— Ты правильно почувствовала,— ответила Соня, указав мечом вниз.— Пока ты отдохнешь, они атаковали нас еще два раза. Многие наемни- ки Нгаигарона остались навеки в нижней комна- те. Он дважды подумает прежде, чем снова нападать на нас!

— Но можно не сомневаться, они нападут,— проворчал кто-то из воинов.

Сионира подошла к двери, ведущей к обва- лившейся лестнице, и открыла ее. Взяв факел,

она заглянула в пропасть, где внизу лежали покалеченные тела.

— Если я хочу уничтожить отца, часть из них мне пригодится,— спокойно сообщила она Соне. Если твои люди не выдерживают колдовства, им лучше удалиться в верхние комнаты!

Многие воины так и поступили, но Соня с несколькими людьми осталась, с любопытством ожидая, что будет дальше.

Взяv факел, Сионира раскинула руки, подняла их над разбитыми ступеньками и уставилась на развалины желтыми глазами; потом, балансируя на непрочных плитах лестничной площадки, начала петь. Соня содрогнулась, догадавшись, что шипящие слоги принадлежат древнему языку змей, живших на этой земле гораздо раньше человека.

Затем снизу, из пропасти, послышались звуки, словно там что-то булькало, разрывалось и дер-галось.

Соня и ее люди содрогнулись: перед поющей Сионирой из темноты поднималась тонкая паутина из алых нитей — переплетенных волшебной силой пульсирующих и блестящих ручейков кро-ви. Самое ужасающее впечатление производили человеческие глазные яблоки, прицепившиеся к нитям то там, то здесь и поворачивающиеся в разные стороны на тоненьких красных стебель-ках, словно что-то высматривая в полумраке.

Один из воинов, зажав рот, весь белый, побеж- жал наверх. В этот момент Соня обрадовалась, что Теммар лежит на своем ложе в верхней

комнате башни. Это зрелице окончательно доконало бы его!

Сионира повернулась и взглянула на любопытных. Кровавая паутина колыхалась и сияла за ее спиной, как нимб. Увидев глаза, полные страха и сомнения, она сказала Соне:

— Сейчас я удаюсь наверх, чтобы совершить последний акт колдовства. Нгаигарон еще слаб, и ему можно противостоять; но для этого я должна завладеть скипетром Икскатла. Мой помощник... — Она показала в сторону усыпанной глазными яблоками паутины, шевелящейся в полумраке у нее за спиной,— добудет его, и тогда нас ждет победа! Мое войско змей и ящериц сейчас в городе, и приближаются еще дополнительные силы. Твои мечи славно поработали, теперь очередь за мной — и, если я буду успешно действовать против Нгаигарона, его пособники отпадут от него, как листья с мертвого дерева!

С этими словами она повернулась и пошла к лестнице, ведущей вверх.

Соня, вспомнив, крикнула ей вслед:

— А как же Идзура? И молодые колдуны? Их магия...

— Идзура мертва,— ответила Сионира, не оборачиваясь.— Молодые чародеи не очень сильны в колдовстве и, вмешавшись, они погибнут. Но я должна торопиться, пока Нгаигарон не восстановил силы!

Она побежала по лестнице, а Соня с остальными прижались к стене, чтобы не попасть в красную паутину, плывущую за ней по воздуху.

* * *

Ясная лунная ночь, небо усыпано яркими звездами, и легкий прохладный ветерок колышет ветви деревьев.

В башне голодные раненые воины доедали запасы своей скучной провизии.

Сионира, оставшись в одиночестве, сплетала из кровяной паутины нечто похожее на ствол молодого деревца, от которого в разные стороны отходили тонкие веточки — щупальца, с разведенными на них глазными яблоками.

Этот живой, пульсирующий ствол, светящийся и упругий, она поднесла к окну, и он, извиваясь, выполз наружу и, направляемый волей Сиониры, двинулся к окну спальни Нгаигарона. А в это время жрица слушала ушами Элата все, что происходило в спальне мага.

— Он почувствовал нас, колдун?

— Нет, женщина-змея! Нгаигарон еще слаб; он не замечает твоего приближения!

— Тогда молчи! Говори только, если тебе понадобится сообщить что-то срочное!

Зловещий шепот в ночи.

Магический ручей — фосфоресцирующая человеческая кровь, свившаяся в магический ствол, потек по стенам замка в поисках темного колдуна... посланный его дочерью, его врагом.

Лучи восходящей луны блестели на чешуе многочисленных рептилий, скользивших по обезлюдевшим улицам города, и на перьях бесчисленных темных птиц, что попрятались под карнизами крыш, словно ожидая какой-то команды.

Сионира медленно направляла движение своего создания, контролируя натренированным сознанием змеи, как он сползает по кирпичной стене дворца... в окно комнаты Нгаигарона.

Первым его увидел Аспр, он стоял у постели Нгаигарона лицом к окну. Колдун ничего не сказал, а только смотрел, точно завороженный, вдруг почувствовав себя роковым сеятелем преступлений и разрушения, пришедшем в этот город со своими товарищами накануне его уничтожения. Рядом с ним находился Сус, а по другую сторону постели Ахм и Пирам.

Пирам вторым заметил тонкое алое щупальце.

— Аспр!

— Вижу...

Нгаигарон сел на постели; его глаза расширились от страха и гнева.

— Остановите! Остановите его!

Щупальце алоей змейкой медленно заползло в комнату, блестя при тусклом свете масляной лампы, и все глаза были прикованы к нему. Оно извивалось, ища объект нападения...

Пирам вышел вперед, поднял руку и принял чертить в воздухе ритуальные круги и квадраты, затем вынул из-за пояса серебряный нож. Подойдя к ползущей по полу кровавой змейке, он занес оружие, опустил его — и мгновенно вскрикнул. Вокруг него взорвалось красное облако, окутавшее его своим сиянием.

Пирам упал на пол, схватившись за горло. Красное облако подхватило нож. Розовое сияние

вокруг тела Пирама стало гаснуть, и осталось только вокруг его горла. Живот у него раздулся, грудь расширилась до сверхъестественных размеров, пока наконец он не затих, задохнувшись.

— Глупец! — орал Нгаигарон, тщетно пытаясь подняться с постели.— Она пришла за скипетром! Останови ее!

Аспр по-прежнему не двигался; он смотрел то на Ахма, то на Суса. Они уже с двух сторон двигались по направлению к алоей змейке, вынимая на ходу кинжалы.

Ахм прошел только полкомнаты, когда змейка обхватила нож, и, поднявшись, метнула его.

Прежде чем молодой колдун смог отскочить, нож по самую рукоятку врезался ему в лоб. Дернувшись, он мгновенно рухнул на пол.

Сус, подозревая, что силы Сиониры, должно быть, на исходе, прыгнул вперед и с проклятиями на устах взмахнул ножом. Кровавая змейка подалась в воздухе назад, но не очень быстро, и нож успел отрубить одно из алаих глазных яблок. Оно отлетело и попало прямо в открытый, кричащий рот Суса.

Сус в ужасе отступил, почувствовав, как глаз у него в горле раздувается до невероятных размеров, перекрывая воздух. Он запаниковал и бросился к стене, затем ринулся вперед в последней попытке разрубить проклятую змейку.

Она отшатнулась, оставив в воздухе чуть заметный розовый туман.

Обезумевший Сус откинул голову и засунул пальцы в распухшее горло, пытаясь вытащить

глазное яблоко, и упал вперед, истекая кровью. Его кровь быстро поднималась розовым туманом, как кровь Пирама и Ахма, вытекающая из их тел и сливающаяся с красной змейкой, которая продолжала расти, удлиняясь и приближаясь к низенькой книжной полке возле окна.

— Остановите ее! — задыхался Нгаигарон, отчаянно пытаясь подняться.

Но Аспр лишь пробормотал:

— Сам останови! Ты взял жизни всех моих друзей и не дал ничего взамен! Ты слишком слаб, чтобы бороться со мной и убить меня! Жаль, что я раньше не почувствовал окутавшую тебя тень смерти. А теперь я ухожу! Буду молить богов простить мои прегрешения и вызову твой образ в чаше с вином, чтобы с радостью увидеть, когда ты отправишься в преисподнюю!

С этими словами он повернулся и направился к двери.

— Будь ты проклят! — заревел вслед ему Нгаигарон.

Когда кровавый помощник Сиониры сбил с полок книги и свитки, вырвал сзади деревянные доски и обнаружил потайной шкаф, маг возопил:

— Стой! Стой!

Вконец ослабевший, он попытался колдовством остановить Аспра, но ему удалось лишь вырвать щеколду двери, закрывшейся за молодым колдуном.

С огромным трудом встав с постели, Нгаигарон тут же упал на пол и сморщился от боли: рана снова открылась, и кровь залила пол.

Но, когда из укромного местечка за книжным шкафом щупальце Сиониры извлекло зеленый скипетр Икскатла, Нгаигарон гневно закричал.

Невероятным усилием воли, истекая кровью, маг встал на ноги, проклиная Сиониру. Но скипетр только сверкнул в щупальце; и, пока он двигался к окну, возвращаясь к своей законной владелице, Нгаигарон почувствовал его силу и понял, что не сможет справиться с врагом.

Он неистово сорвал с груди птицу и, выкрикнув какое-то заклинание, бросил ее в красную змейку.

Птица мгновенно ожила, но не увеличилась в размерах.

Она быстро сделала круг над скипетром и несколько раз попробовала подлететь к нему, но всякий раз кровавое щупальце замахивалось на птицу, как змея, готовящаяся нанести удар.

Птица с криком отлетала назад, хлопая крыльями.

Когда красная змейка скрылась в окне, Нгаигарон заревел и, шатаясь, пошел вслед за ней. Выглянув из окна, он увидел, как скипетр, удерживаемый маленькой змейкой исчезает в башне.

— Урму! — пронзительно закричал он.— Урму! На помощь! На помощь!

Он поймал свою птицу, выбросил ее в окно и проследил, как она расправила крылья.

Птица бешено закаркала, спустилась к земле, а потом, описывая круги, высоко поднялась, набирая силу, и с громким криком полетела к башне.

— Сионира! — Соня стучала в дверь. — Впусти меня! — Немного подождав, она снова постучала. — Впусти меня, Сионира!

Изнутри раздался слабый стон, и Соня подергала за ручку двери. Дверь не пошевелилась. Она дернула сильнее, щеколда подалась, и дверь открылась.

— Сионира!

Та медленно оседала перед окном, у нее подкашивались ноги, но она крепко держала толстый розовый шнур, тянувшийся из окна.

Соня кинулась к окну. Она почувствовала тепло и энергию, исходящие от шнура, и не прикоснулась к нему. Снаружи, совсем рядом, на шнуре висел скипетр.

— Держи его, Сионира! — пронзительно закричала Соня. — Он почти у меня в руках! Держи его!

Она бросилась на подоконник, схватилась за него одной рукой и, высунувшись как можно дальше, потянулась к скипетру.

— Держи, Сионира! Не отпускай его!

Ответом ей послужил крик — ястребиный крик с неба: птица Нгаигарона, свирепая и мрачная, становилась все больше и больше. Расправив в воздухе свои огромные крылья, она летела прямо на Соню.

— Сионира, держи его крепче!

Но розовый шнур, словно исчерпав все свои силы, начал медленно растворяться в воздухе, и Сионира со стоном упала назад.

Соня изо всех сил рванулась к скипетру. Пальцы ее сомкнулись — и она подхватила его!

Вдруг она почувствовала, что соскальзывает с подоконника.

— Сионира!

Из груди Сиониры вырвался дикий, нечеловеческий крик, услышав который Соня на мгновение ощутила чувство полета, но только на одно мгновение! Этого было достаточно, чтобы одной рукой крепко сжать скипетр, а другой ухватиться за оконную раму. Птица уже кричала совсем близко, и Соня, быстро подтянувшись, влезла в окно.

Сионира лежала на полу, и Соня заметила, что она постепенно теряет человеческий облик. Кирос, Энади и все остальные стояли в дверях, не решаясь войти в комнату. Повернувшись к окну, Соня увидела, что птица Нгаигарона летит прямо на нее.

— Демон! — закричала Соня, подняв скипетр, словно меч, и отступила от окна.

Птица влетела в комнату, как ядро катапульты. Соня прицелилась в голову отвратительного создания, взмахнула скипетром и нанесла удар. Птица снова закричала, и взорвалась зелеными огнями. Крича и хлопая крыльями, она начала метаться по комнате в ореоле зеленого пламени, пока наконец черной обугленной головешкой не упала в угол.

Из глубины дворца раздался безумный, мучительный вопль — это кричал Нгаигарон. А потом...

— Ссс... онн...

Это прошипела неистово извивающаяся Сионира. Соня бросилась к ней, опустилась на колени и вложила скипетр в ее ишущую руку.

И Сионира, овладев жезлом Икскатла, вспыхнула зеленым светом и снова начала преображаться.

Глава седьмая

ысяча проклятий на ваши головы! Поднимите же меня, глупцы! — задыхаясь, кричал Нгаигарон своим охранникам. — Скорее несите меня в храм! Я должен вызвать Урму... возложить кинжал Древних на алтарь, чтобы он мог указать мне путь к Ним!

Колдуна понесли по коридорам, к южному входу дворца. Нгаигарон злобно бормотал:

— Ты был прав, Аспр, колдун-предатель; я отправлюсь в преисподнюю, но не так, как ты имел в виду, а живым! А оттуда я вернусь во главе легионов, чьей силой покорю весь мир!

* * *

Дворец атаковали новые волны повстанцев, вооруженных мечами, ножами, дубинками, булыжниками, вилами, мотыгами — всем, что сумели найти.

Из окон домов жители Тальмеша видели волну змей, нападавших на своих врагов. Улицы

города были усыпаны сотнями черных трупов, раздувшихся от яда. Но постепенно рентиции начали исчезать в сточных трубах, и горожане повеселились, поверив, что сами боги сотворили чудо и защитили их.

Слухи о битве во дворце и о спасении Теммара воодушевили их, и тальмешцы атаковали редеющие остатки разношерстного войска Нгаигарона. По улицам города пронеслась еще одна волна кровопролития и ярости.

Нгаигарона тайком, под усиленной охраной, на носилках вынесли из дворца и понесли через плотную толпу наемников, ожесточенно пробившихся к выходу из города.

Путь был нелегким; им приходилось останавливаться, чтобы отражать атаки мятежников, защищая закрытые носилки Нгаигарона от праведного гнева горожан. Но, по мере того как восходила луна, колдун набирался сил, и его многочисленное пернатое войско огромными стаями стало подниматься в воздух и кружить над городом, атакуя сверху и воинов, и мирных жителей.

В воздухе снова зазвучали воинственные крики. Когда птицы вступили в бой, наемники Нгаигарона воспрянули духом. Жители Тальмеша на время отступили под натиском яростных пернатых стай, но вскоре они, подготовившись, снова пошли на штурм. Из жилых домов двинулись люди, вооруженные сетями и факелами. Всякий раз, когда зловещие птицы Нгаигарона подлетали к атакующим, жители Тальмеша набрасывали на них сети или поджигали горящими факелами,

и те с дикими криками снова взлетали в воздух, оставляя после себя черный дым, языки пламени и обгоревшие перья.

— В храм! — вскричал Нгаигарон. — Скорее! Я должен возвратить к Урму — он обновит мои силы!

— Мы на полпути к храму, господин, — ответил один из его людей.

Продолжая свое шествие по городу, они оставляли за собой следы крови и смерти на мощенных улицах города — города, который они на время завоевали и который теперь в ярости восстал против них.

* * *

— Мои люди! — воскликнул Теммар, выглянув в открытое окно комнаты в башне и увидев на улицах многочисленные горящие факелы. — Они восстали — и победили!

Соня посмотрела на него.

— Да, — сказала она, — похоже, что так!

— Люди Нгаигарона бегут! Мы должны догнать и добить их!

— Время для этого настало! — согласилась Соня. — Но сначала мы должны позаботиться об Сионире. Это она изменила ход событий в нашу пользу!

Сионира, измученная своим колдовством, по-прежнему лежала на полу, окутанная зеленым сиянием.

Соня ничего не понимала. Женщину, которую она знала как Сиониру, еще можно было узнать, но лишь с большим трудом. В ее скользком,

покрытом гладкой чешуей теле и конечностях было что-то от рептилии: блестящие голубые полоски от головы до хвоста, чуть заметные желтоватые крапинки по всему телу. Но вместе с тем фигура у нее была человеческая, почти женская, да и черты лица ни человеческие, ни змеиные. Соня думала, почему она не испытывает ужаса от столь необычного зрелища?

— Но ведь — она красива! — тихо и удивленно произнес Теммар.

— Да, она прекрасна,— произнес голос у них за спиной.— Но она сомневалась, что люди найдут ее красивой — да, вероятно, немногие считают ее таковой!

Они повернулись и увидели Элата, вошедшего в комнату бесшумно, как тень.

— Ты что-нибудь понимаешь, колдун? — поинтересовалась Соня.

Элат кивнул.

— Это ее истинный облик. Она не хотела, чтобы люди видели ее такой, ибо ей подобные всегда прятались от людей и питали к ним глубокое недоверие — я бы сказал, не без причины!

Но в этот момент женщина-змея тихо открыла глаза — большие зеленые глаза с вертикальными щелочками зрачков — и снова начала преображаться, колыхаясь, сверкая и меняя свою форму. В следующее мгновение она снова стала Сионирой, прекрасной темноволосой женщиной, которую они знали, женщиной с желтыми глазами и плавными жестами, выдававшими ее змеиную сущность.

Она села с видом человека, полного сил и здоровья.

— Теперь я в порядке,— сказала она в ответ на Сонин вопросительный взгляд.— Благодарю тебя, Рыжая Соня — и тебя тоже, Элат...

— Это я должна благодарить тебя, Сионира,— взразила Соня.— Если бы не ты, я бы погибла...

Жрица оборвала ее коротким кивком.

— Вы оба помогли мне. Добрый урок на будущее!.. — Она покачала головой и встала.— Да, кстати, как мой отец?

Ей ответил Теммар.

— Мы не знаем. Мои люди на улицах и, похоже, громят войско Нгаигарона. Но о судьбе колдуна нам ничего неизвестно.

— Мы должны добраться до храма,— сказала Сионира.— Храма Урму. Ты не веришь мне, Теммар? Урму — божество моего отца. Твои люди давно покинули храм Грифа, но Нгаигарон хотел его восстановить; я уверена, он сейчас направляется туда, чтобы вернуть себе власть!

— Да,— подтвердил Элат,— и чтобы попросить Урму помочь ему набрать легионы Тьмы!

— Тогда в путь! — воскликнул Теммар.

— Ты в порядке? — спросила его Соня.

— Да, клянусь Митрой! И я нужен моему народу!

— А ты, Сионира?

— В полном порядке,— успокоила Соню женщина-змея.— Сила скрипетра исцелила меня, и колдовство Нгаигарона почти рассеялось! Идемте!

* * *

Люди Нгаигарона прорывались к лестнице храма, отбиваясь от преследовавших их воинов. Оказавшись внутри, они захлопнули тяжелые двери, и шестеро жителей Тальмеша лишились рук и ног, пытаясь помешать им.

Внутри храма было тихо и темно. Воздух был отравлен смрадом разлагающихся трупов, которые Нгаигарон приказал сложить здесь, готовясь принести жертву богу-стервятнику. Но теперь праздненству не суждено было состояться. Стены храма дрожали от мощного напора толпы, хотя сквозь толстые каменные плиты не проникали никакие звуки.

Нгаигарон слез с носилок, и медленно, превозмогая боль, пошел к алтарю, в западной стороне которого на высоком постаменте стояло огромное старое изваяние Урму, Темной Птицы.

— Урму... ферор исму бетму ара арера итба дубуту ойей...

Казалось, статуя колебалась при слабом свете факелов, в поднимающихся волнах трупного запаха. Нгаигарон чувствовал, как силы возвращаются к нему. Однако стены и колонны стали чуть заметно подрагивать.

Среди наемников Нгаигарона послышались ропот и ругательства: люди не хотели оставаться в этом зловонном храме, но и не испытывали желания идти на верную смерть, которая поджидала их на улицах. Единственную надежду они возлагали на своего господина, который должен был добиться у Урму возвращения былого могу-

щества и снова сделаться всесильным властелином.

Наконец, Нгаигарон приблизился к залитому кровью алтарю и положил на него кинжал с причудливо вырезанной рукояткой. Оружие почти сразу же засияло тусклым бледноватым светом.

— Наполни меня твоей силой, о Урму! — монотонно молился колдун. — Приведи меня к Двери, с которой была сорвана эта Печать, чтобы я мог послужить тебе, собрав темные легионы и покорив все земли мира! Веди меня, о Птица Смерти, и я по всей земле построю храмы в твою честь, и все человечество на веки вечные будет в твоей власти...

Его молитву прервал пронзительный хриплый крик одного из наемников.

Мечи были мгновенно выхвачены из ножен, копья взметнулись вверх.

Нгаигарон в гневе обернулся и посмотрел в сторону входа... Из трещин в полу, из дренажных отверстий с шипением выползали змеи. Переплетаясь друг с другом, они двигались извивающимся ковром, сверкая желтыми глазами, разинув пасти. Шипящая волна рептилий проплыvalа мимо наемников, нанося им удары и поражая ядовитыми клыками.

— Сионира! — крикнул Нгаигарон. — Скипетр у нее! — Он повернулся к статуе. — Урму! Ферор исму бетму ара арера!

Вдруг перед ним покачнулась и обвалилась колонна, подняв огромное удушающее облако

пыли. Из-за нее, через образовавшийся в полу провал в храм вползла еще одна волна рептилий.

Статуя Урму дрогнула и закачалась.

— Урму! Темный Властелин Смерти! Твоя сила велика и безгранична!

Люди у него за спиной орали, как сумасшедшие, и, повернувшись, он увидел, как они стремительно несутся по змеиному ковру в огромном облаке поднимавшейся пыли.

— Урму-у-у! — взревел Нгаигарон.

Северная стена храма пошатнулась и наполовину обрушилась; из развалин выползло новое полчище змей, ящериц, тысяч и тысяч рептилий, пахнущих сырой землей, болотами и сточными водами — подданные змеиных богов Ситры и Икскатла.

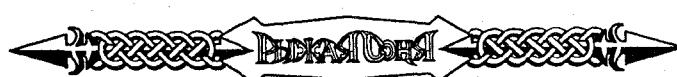
— Урму!

Кинжал на алтаре теперь ярко блестел. Крыша храма закачалась, и с нее начали обрушиваться каменные плиты. Лампы и факелы сорвались и упали, разбрызгивая масло и огонь в бесконечные реки извивавшихся рептилий. Но они продвигались вперед, и Нгаигарон видел их повсюду. Подняв руки, он кричал, изрыгал проклятия и пел мрачные заклинания — но змеиное полчище все увеличивалось.

— Урму! Убей мою dochь и ее приспешников! *Ордара энто эмпори!* Убей!

Бесконечное змеиное войско наступало, переползая по трупам, упавшим камням, обвалившимся стенам и колоннам.

— Урму!..

Волна змей подползла к нему и стала засасывать, как болотная трясина.

Нгаигарон, крича и размахивая руками, чувствовал, как змеи, извиваясь, забираются на него, кусают, заползают в свежую рану и опоясывают горло. Раскатистый гром разрушения положил конец храму Урму, Птицы Смерти, — и свет померк!

Над грудой камней и морем извивавшихся рептилий, многие из которых также оказались раздавлены, осталась торчать рука Нгаигарона.

Медный колокол упал и ударился о камень, возвестив своим низким и глухим похоронным звоном конец темного колдуна.

* * *

Горы трупов заполняли улицы, по мостовым текли реки крови. Кругом пылали дома; черные облака дыма и пепла обволакивали крыши, деревья, фонтаны...

А из Тальмеша доносились ликующие голоса, сливающиеся в бесконечный громкий рев:

— Теммар! Теммар! Теммар!

Правитель Тальмеша вышел из дворца. В северном свете наступающего утра он смотрел на свой горящий город, на груды трупов, на ликующие толпы, — и понимал, чего стоило его людям потерять и снова завоевать Тальмеш. Теммар преклонил колена на окровавленном каменном полу и, не в силах сдержаться, зарыдал...

Поднявшись через некоторое время, он увидел рядом с собой колдуна Элата, глаза которого

сверкали чуть заметным желтым блеском. Неподалеку стояли Соня с Сионирой.

— Теммар,— обратился к нему Элат,— теперь мы должны поспешить в храм стервятника!

— Почему? — спросила Соня.— Думаешь, Нгаигарон все еще жив?

— Когда имеешь дело с таким могущественным колдуном, ни в чем нельзя быть уверенными!

Теммар нахмурился.

— Но мои люди сказали, что в этом разрушенном храме никто не мог оставаться в живых!

— Вероятно. Но мы все равно должны найти кинжал, который он унес с собой, и вернуть его на место. Древние не так часто ворочаются во сне, но если это случится... Тебе лучше запечатать Врата под твоим городом!

Теммару от этих слов стало немного не по себе, но он приказал двадцати своим охранникам сопровождать их. Соне тоже не доставило удовольствия упоминание о таинственных Вратах.

Когда они подошли к храму, уже занималась заря. Тусклый свет, пробивавшийся сквозь огненно-красные облака пожарища, высветил лишь груду серых руин на месте поверженного храма.

— Все кончено,— сказала Сионира.— Я не чувствую его! Он погребен под развалинами!

Аллея к бывшему храму кишила скоплениями змей и ящериц. Многие из них были покалечены, и их кровь заливалась камни мостовой.

— Я должна идти к ним,— продолжила Сионира,— вознести молитву Ситре и излечить скипетром богини всех ее подданных!

— Мы должны отстроить святилище заново,— неуверенно произнес Теммар,— перестроить,лагаю, теперь уже как храм Ситры!

— Нет,— Соня покачала головой.— Не строй ничего на этом месте, Теммар!

В этот момент земля затряслась, раскололась, и куски каменных стен старинного храма исчезли в образовавшейся трещине.

— Ты права,— согласился Теммар.— Надеюсь, земля развернется и поглотит его!

— Так и будет! — подтвердил Элат.

Соня заметила, что таинственный свет в его глазах засиял сильнее.

— Что подсказывает тебе твое двойное зрение, колдун?

— Я чувствую потаенные пещеры там, под храмом,— ответил он.— Вероятно, там есть еще одни запечатанные врата. Никто в Тальмеше не должен подходить к этому месту еще долго после того, как Теммар восстановит город!

— А... Нгаигарон? — спросила Соня.

— Он мертв, Сионира права. Ирония судьбы! Боги, должно быть, сейчас смеются,— ведь я ясно вижу, что под самым храмом проходит древний тоннель, один из тех, которые Нгаигарон искал. И недалек тот день, когда его тело провалится в пещеру и будет вечно лежать под раздробленными камнями недалеко от Врат, которые он так мечтал найти!

— Да, но как же насчет других Врат? — поинтересовался Теммар.— Тех, которые, как ты утверждаешь, находятся под дворцом? Не остались

ли они открытыми, если с них сняли печать? Не стоит ли покопаться в этих развалинах, чтобы отыскать кинжал?

Его речь была прервана появлением Сиониры, и он с удивлением увидел, что она не одна: за нею, как пес, шел большой, пятнистый варан.

Вдруг Элат воскликнул:

— Смотри, Теммар! Все решилось без нас...

Но Соня и принц уже все увидели, и оба вздохнули с облегчением: в мощных челюстях варан нес кинжал Древних — Печать, которая навсегда преградит путь во врата Тьмы.

Эпилог

а следующий вечер, когда Теммар со своими людьми начали восстанавливать город, из Рибета прибыл Сентарион с подкреплением. Он пришел во главе четырех крупных подразделений, опоздав принять участие в битве, положившей конец ужасному владычеству Нгаигарона, но вовремя, чтобы помочь Тальмешам разбирать развалины.

Теммар объявил праздник. В течение двух ночей не гасли факелы, звенели песни, и люди танцевали до упада.

Чудом спасшись от владычества тьмы, они словно праздновали свое второе рождение. Прознося речи, Теммар не в силах был сдержать рыдания. Сентарион поклялся помочь Тальмешу всем, чем только может.

О прошедших ужасных событиях предпочитали не говорить — ведь они были еще настолько свежи в памяти собравшихся, что разговоры о них никому не доставили бы облегчения.

Аспр, объявившийся после смерти Нгаигарона, сидел за столом Теммара и молился о том, чтобы в будущем каждый, кому вздумается искать путь в Потусторонний Мир, помнил, что произошло в Тальмеше. Молодой маг не скрывал своей скорби о погибших друзьях, которым не хватило сил и мудрости успешно противостоять чарам Нгаигарона. Он был счастлив, увидев живого и невредимого Элата, и оба с радостью приветствовали друг друга.

Сиониры не было. Вознеся молитвы Ситре, она со своими помощниками-рептилиями удалилась прочь. А Теммару так хотелось отблагодарить ее!

Но Соня сказала ему за праздничным столом:

— Ей это не нужно, Теммар! Поверь мне. Она вознаграждена уже тем, что отомстила и исполнила свой долг. Вероятно, мы больше никогда ее не увидим; но, если ты когда-нибудь отправишься в путешествие, не забывай возносить благодарственные молитвы в каждом храме Ситры!

— А как мне отблагодарить тебя, Соня? Ведь если бы не ты... — с улыбкой произнес Теммар.

— Ты меня уже достаточно отблагодарил, когда спас мне жизнь в горах, — ответила она.

— И тотчас же подверг тебя такой опасности, в которой ты, боюсь, никогда не бывала! Скажи, пожалуйста, что я могу сделать, чтобы отплатить тебе? Подарить тебе свежую лошадь? Новые доспехи? Мешок золота? Десять мешков золота?

Она чуть-чуть подумала, и ее губы медленно расплылись в улыбке.

— Что ж, повелитель... если ты меня принуждаешь... да, все это мне пригодится...

Теммар громко засмеялся и с шумом поставил свой бокал с вином.

— Твое, все твое! — взревел он, обняв ее за плечи и притянув к себе в неудержимом порыве благодарности. — Все твое, Соня. И мой второй трон, если ты хочешь!

Улыбка сошла с ее губ.

— Боюсь, трон не для меня, Теммар!

— Если бы ты вышла за меня и осталась...

— Прошу тебя... мне это льстит, правда, но не настаивай! Ты был рожден для трона; я же, боюсь, — лишь для бесконечных странствий и поединков с колдунами!

— Я уважаю тебя за это, — кивнул Теммар.

— И если моя ненадежная тропа когда-нибудь снова приведет меня сюда...

— Да, — предвосхитил ее слова Теммар. — Обязательно! Ты обязательно вернешься — вернешься, когда город будет восстановлен!

— Непременно, — пообещала Соня. — Если до этого не ослабею и одряхлею!

— Ты ослабеешь и одряхлеешь? — возразил Теммар. — Никогда!

Соня потянулась за кубком.

— Никогда... — она покачала кубком, запрокинула голову и залпом осушила его.

* * *

Рыжая Соня покинула Тальмеш на новом жеребце, в новой сверкающей кольчуге, посве-

жевшая, с двумя мешками золота на поясе, еще восемью в седельном мешке и с достаточным количеством провизии, чтобы благополучно преодолеть горы. Вместе с ней отправился и Аспр, которому не терпелось вернуться в родные края.

Они тронулись в путь на рассвете, а к полуночи уже были у подножья гор; там они остановились на берегу реки и поели. Соня застрелила из лука небольшого фазана, так что их скромный обед был украшен мясом, а также собранными Аспром ягодами и кореньями.

— Не обижайся на мой вопрос,— обратилась Соня к Аспру, пока они ели,— но разве ты не мог бы добыть дичь с помощью колдовства?

Во время пути они говорили немного.

— Я больше не намерен пользоваться магией,— спокойно ответил Аспр..

Соня задумалась.

— Понятно. Из-за Нгаигарона, ты хочешь сказать.

— Да, из-за Нгаигарона. Из-за всего случившегося.— Он дожевал фазана и сказал, глядя на угольки костра:— Я проиграл свою жизнь. Нгаигарон был сильнее меня, а он тоже проиграл. В юности передо мной стоял выбор из двух путей; я выбрал более короткий, более быстрый. Мой выбор оказался неправильным!

— Я однажды тоже выбрала свой путь,— задумчиво произнесла Соня.— Иногда мне казалось, что это был неверный путь; но позже я во всем этом увидела смысл. Переплетение судеб не всегда ясно.

— Может быть, Соня, ты заставила себя в это поверить? Может, это еще ни о чем не говорит.

— И, может быть, ты никогда охотно не пользовался своим колдовством, Аспр!

— Да нет, вполне охотно! — В сумеречном свете бивачного костра колдун посмотрел на свои ладони.— Я думал, колдовство может помочь человеку бороться против ужасной боли, на которую его обрекли боги, отомстить за чудовищные злодеяния, или...— он заколебался.— Или даже дать возможность в один прекрасный день сбросить богов и уничтожить созданный ими уродливый мир!

— Твой друг Элат,— сказала Соня,— однажды сказал, что колдовство может быть и добрым, и злым, в зависимости от того, кто им пользуется. Было время, когда я этому не верила, но сейчас...

— Может быть, это и правда, Соня, потому что Элат, полагаю, мудрее меня. Но ты, Рыжая Соня — я чувствую в тебе волшебную силу, какое бы предубеждение ты против этого ни имела!

— Предубеждение? Я боролась против колдовства, когда оно пыталось причинить мне вред, но... Впрочем, что говорить об этом. По-настоящему, я всегда полагалась лишь на свой меч!

Аспр кашлянул и встал, отряхивая крошки с бороды и мантии.

— Я больше не буду тебя ни о чем расспрашивать, Рыжая Соня. Здесь, думаю, наши дороги разойдутся!

— Ни в коем случае! Мы оба должны перейти через горы...— запротестовала Соня.

— До гор еще далеко. Как я уже говорил, я давно выбрал короткий путь.

Он больше не произнес ни слова, и Соня не стала продолжать разговор. Аспр завязал свой седельный мешок и оседлал коня.

— Солнце зашло,— заметил наконец Аспр.— Нам обоим пора в дорогу. Иди длинным путем, Рыжая Соня, и пусть силы не покидают тебя!

С этими словами он уехал, а Соня еще долго смотрела ему вслед. Затем тронулась в путь. Ей не терпелось как можно скорее вернуться в Логово.

Что она скажет им? Воительница пока не знала. Урму, крылатый бог-падальщик, наверняка не станет союзником Волчицы в грядущих битвах. Что до змеиного бога Сиониры... Пожалуй, Белая Рука могла бы отправить своих посланцев в обитель жрицы. Кто знает?

Лишь в одном Соня была уверена твердо: она ни словом ни обмолвится Разаре о подземельях Тальмеша. Слишком опасное место — а Волчица наверняка пожелает узнать о нем побольше. Ни к чему... Нет, решительно, это ни к чему!

* * *

За эту ночь она прошла часть горного склона и хорошо выспалась возле небольшого костра. Утром Соня вымылась в пруду и позавтракала ягодами, кореньями, хлебом и свежей водой.

Солнце только что осветило верхушки деревьев, когда Сонин жеребец чего-то испугался, заржал и встал на дыбы.

— Тихо... успокойся! В чем дело?

Змея... Соня широко улыбнулась. Она посмотрела на змею, вспомнила Сиониру и насмешливо поздоровалась с той.

— Ползи своей дорогой, красотка! Я не собираюсь с тобой ссориться — после того, что совершила ты и твои сестры!

Но змея по-прежнему поползла за конем. Соня поняла, что это неспроста, и решила последовать за нею. Как только она подумала об этом, змея скрылась в кустах.

Соня пришпорила коня и поскакала вслед за ней. Животное боялось, и Соне пришлось успокаивать его ласковыми словами. Змея пробиралась по лесу, время от времени останавливаясь и оглядываясь на Соню.

Воительница следовала за ней на почтительном расстоянии, пока солнце не осветило деревья ярким светом. Сквозь лес, огибая скалы, змея беспрерывно вела ее вперед.

Наконец рептилия скрылась за нагромождением камней, и Соня обогнула их. За камнями, на земле сидел Аспр, и его глаза слабо блестели в лесной тени.

Соня приблизилась; когда ее конь отказался идти дальше, она спешлась, привязала его к деревцу и подошла к колдуну.

— Я провел здесь большую часть ночи,— сказал он,— ожидая тебя и размышляя; я даже подружился с некоторыми друзьями Сиониры и они помогли мне отыскать твой след! Я должен поблагодарить тебя, Рыжая Соня!

— Но — за что?

— Я говорил тебе, что проиграл мою жизнь, что у меня была возможность выбора, и мой выбор оказался неправильным. Тогда, давным-давно, я выбрал короткий путь — и теперь меняю свое решение, потому что вы с Элатом убедили меня, что я должен жить дальше и идти навстречу моей судьбе! Прими мою благодарность, воительница, за то, что передала мне его слова. Он мудрый человек, и это ему бы, а не мне быть предводителем нашего отряда! Может быть, набравшись ума, я еще когда-нибудь увижуся с ним, но не сейчас...

— Когда мы расстались вчера вечером, — начала Соня, — ты хотел...

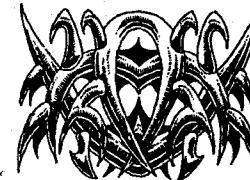
— Покончить с собой, — кивнул колдун, — и тем самым искупить мои преступления, мою глупость. Но твои слова подействовали на меня и заставили понять, что искупление не дается так легко. Я буду странствовать, набираться мудрости — и, вероятно, смогу облегчить чью-нибудь боль, противостоять злу, а иногда даже воле богов, если это окажется в моих силах. Так что моя короткая дорога может оказаться довольно длинной...

— Надеюсь, ты с честью пройдешь ее! — улыбнулась воительница. — Желаю удачи!

— Всего тебе доброго, Рыжая Соня!

Она вскочила на коня и повернула обратно к своей горной тропе.

трелой влетев в ворота Логова, гонец бросил поводья подбежавшему слуге, спрыгнул на землю, промчался по парадной лестнице, перепрыгивая через несколько ступенек, ворвался в покой владычицы и, как на стену, натолкнулся на холодный взгляд Разары, неподвижно сидевшей на троне Белой Волчицы. Только теперь он запоздало вспомнил о том, что прежде стоило отдохнуть, затем велеть доложить о себе и лишь потом, получив разрешение, войти. И уж во всяком случае не мешало хотя бы смахнуть дорожную пыль с сапог, прежде чем предстать перед владычицей Логова. Гонец опустился на одно колено и преклонил голову, надеясь, что она простит его промах.

Некрасивое лицо Разары не выражало ничего, и только тонкие губы едва заметно дрогнули в улыбке: старая женщина с первого взгляда поняла, что творится у него на душе, равно как и то, что досадная оплошность вызвана излишним

рвением, а стало быть, и порицания не заслуживает.

— Встань, друг мой.— Обычно резкий голос владычицы прозвучал почти мягко, быть может, потому, что говорила она тихо, едва ли не шепотом.— Наказание полагается лишь за недостаток усердия, но никак не за избыток его. Встань и расскажи, что заставило тебя так торопиться.

— Мы нашли! — вскочив на ноги, выкрикнул гонец.

Он приблизился к трону и, достав из висевшего на поясе металлического футляра свиток, протянул его владычице.

Разара сорвала алую восковую печать и быстро пробежала глазами длинное, излишне, пожалуй, многословное послание Руфина, руководившего поисками.

За долгую жизнь она прочла множество бумаг и давно научилась, пропуская пышные словеса, улавливать самую суть.

— Руфин пишет, что вы наконец-то обнаружили вход в подземелья. К сожалению, как всегда, слишком бестолково. Расскажи-ка мне подробнее. Он умудрился не сказать главного: на чем основана ваша уверенность. Не в первый раз уже наш следопыт торопится с выводами.

“Впрочем,— подумала она,— стигийца тоже можно понять: у него связаны руки. Я сама велела останавливать всякие работы, если они наткнутся хоть на мало-мальски интересную находку. А ему, понятно, не терпится доложить, что поиски увенчались успехом.”

Гонец покачал головой и заговорил тихо и спокойно, стараясь подражать владычице. Коротко изложив все, что ему было известно, он поклонился:

— Можешь не сомневаться, ошибки нет. Судя по всему, мы наткнулись на ход, тщательно спрятанный в потолочном перекрытии.

При последних словах веки владычицы чуть заметно дрогнули, но ни звука не слетело с ее тонких плотно сжатых губ. Чуть приподняв брови, она посмотрела на гонца, и ей невольно передалось его волнение. Неужели... Нет, торопиться не стоит. Разара скромно улыбнулась:

— Ты, вероятно, провел в седле не один день и заслужил отдых. К тому же скоро ночь...

— Но если...— собрался возразить гонец, однако владычица жестом остановила его.

— Если мы нашли то, что так долго ищем, тем более не следует торопиться. Отдыхай,— повторила она мягко, но гонец сразу понял: спорить с ней бесполезно. Он вновь согнулся в поклоне и, пятаясь, удалился.

Разара откинулась на спинку трона и, закрыв глаза, глубоко задумалась. Она не могла не признаться себе, что против воли на нее сильно подействовал этот короткий разговор. Второй год они ломают головы над картами, которые Север добыл с таким трудом. Правда, один лист пропал, и, как всегда в таких случаях, в Похиоле заявили, что не хватает самого важного из описаний — плана Алтаря и пути, ведущего к нему. Разара, хоть и не отстаивала свою точку зрения,

была с этим не согласна. Сам план Алтarya, по ее мнению, ничего не значил, да и дорога к нему, обозначенная на картах, скорее всего, давно не существует. Четыре тысячелетия минуло с тех пор, как пали под натиском варваров Пурпурные Башни Пифона, и лишь Великой Волчице известно, как с тех пор изменились его подземелья...

Она была полностью согласна с Севером, что самая важная бумага — план подвала, да и то лишь потому, что позволяет определиться на местности. А вот когда они пробьются внутрь, тогда и настанет черед думать о дальнейшем. Пропавший же лист... Судя по той связи, что столь явственно прорисовалась между йезмитами из замка в ущелье Духов и Янайдаром, искать его следует у подданных Уру. А еще лучше — у него самого!

Однако даже с возвращенными документами на руках люди Руфина продолжали топтаться на месте. За два прошедших года они не добились почти ничего.

Им требовалось отыскать развалины дворца Магов, и это оказалось совсем не просто. В лесу было полным-полно холмов и холмиков самых причудливых форм, в недрах которых под толщей земли скрывались развалины Пифона — целого города, а не только обиталища ахеронских некромантов.

Не один десяток раз Руфину казалось, что он наконец нашел то, что им нужно. Он приказывал начать раскопки и на самом деле находил древние развалины, да только не те...

Ближе к концу лета немедийские власти каким-то образом пронюхали, что подозрительные люди в лесах у северных пределов государства занимаются чем-то совершенно непонятным, и Руфину пришлось объясняться с посланниками из Нумалии. Хорошо, что стигиец довольно быстро сообразил, как можно задурить им голову.

Он ловко придумал вполне правдоподобную историю о том, что он и его люди — охотники, которые решили здесь поселиться. Якобы про слышав о том, что некогда в этих местах стоял город, они теперь ищут, не осталось ли где-нибудь камней, из которых можно сложить несколько домов.

Землю-то они, конечно, оплатят, но денег у них так мало, что строиться будет совершенно не на что. Потому-то кирпич или хорошо сохранившиеся плиты стали бы неоценимым подспорьем. К сожалению, все уже либо расташено, либо использовать никак нельзя. Однако они не теряют надежды и, как только найдут что-нибудь подходящее, сразу обратятся к властям и подпишут все необходимые бумаги.

Такое объяснение, похоже, вполне удовлетворило проверяющих. Во всяком случае, расстались обе стороны мирно. Люди Нумалии пожелали "охотникам" удачи, но, правда, потребовали забросать землей уродливые дыры в холмах, чем люди стигийца и занимались остаток лета и всю осень. Такая задержка вызвала ярость Лухи — главы Ордена Белой Руки, но поделать она ничего не могла: лишний шум вокруг поисков

подземелий Пифона в Похиоле был никому не нужен.

Памятуя об уроках прошлого, нынешнее лето начали с составления планов, чтобы по форме и расположению холмов попытаться хотя бы приблизительно определить нужное место. Однако и здесь они терпели неудачу за неудачей до тех пор, пока возвратившийся из поездки Север не объяснил, что, если взглянуть с высоты, даже покрытые землей развалины должны подсказать, как располагались здания города. Три дня Шалло с утра до вечера облетала холмы, пока по ее рассказам не удалось составить более-менее достоверный рисунок, зато первый же раскоп оказался удачным. «И опять Вожак решил задачу, перед которой оказались бессильны все остальные!» — подумала Разара, и слегка удивилась тому, что успехи молодого удачливого воина пробуждают в ней гордость за него, словно он был ее сыном.

Старая женщина вздохнула и, открыв глаза, обвела комнату долгим взглядом. Однако сейчас она не видела ничего, ибо по-прежнему была погружена в свои мысли, полностью находясь в пленах самых радужных мечтаний. Ей было неведомо, что надеется отыскать в подземельях Лухи.

Она знала лишь о троне Крови и мечтала восстановить с его помощью былого могущества Ордена. Если то, что говорят о древней реликвии, правда, то все их опыты с изменением животных, а теперь и людей — всего лишь жалкая возня! Достаточно лишь приносить щедрые

жертвы трону, чтобы войны стали победоносными, а колдуны Ордена обрели безграничную власть над миром!

Продвигающиеся на юг войска начнут в избытке поставлять рабов для новых жертвоприношений, и границы владений Ордена будут расширяться все больше и больше. Скоро, очень скоро Гиперборея станет владычицей мира!

«Впрочем, — остановила она сама себя, — до этого еще нужно дожить...»

Именно сейчас, когда удача наконец-то улыбнулась им, необходима особая осмотрительность во всем. Так, уезжая седмицу назад, говорил Вожак, и она вполне с ним согласна.

* * *

Два коня неспешной рысью скакали на восток. Дорога змеей извивалась вдоль русла неширокой реки, с тихим журчанием бежавшей прочь от заходящего светила. Близилась ночь, и закатное солнце окрасило покрытые снегом далекие вершины гор на севере в сочные алые тона.

— Посмотри, какое небо! — мечтательно заметила Соня, тряхнув головой, отчего ее роскошные, цвета старой меди, волосы разметались по точеным плечам. — Густая лазурь и алые облака — красота-то какая!

Она обернулась к спутнику. Тот кивнул и улыбнулся в ответ. Сам он, однако, подумал о том, что никогда не любил кровавых закатов, предвещавших беду. Правда, недобрые знамения зачастую ничего не значили, да и никакой угрозы

он не чувствовал, и все-таки расслабляться не стоило:

— Перестань! — угадав его мысли, воскликнула девушка, досадуя на излишнюю рассудительность своего друга. — Подумай просто о том, что это красиво, — посоветовала она и вновь мечтательно посмотрела в небо.

Север ничего не ответил, хоть и на самом деле отогнал мысли о зловещих знамениях. Но и красота небес его нисколько не волновала — он любовался возлюбленной и вновь и вновь с испущенным восторгом думал о том, какое это счастье, что он встретил эту необыкновенную женщину, сильную, ловкую, смелую и такую нежную...

Посыпавшееся над головой хлопанье крыльев отвлекло Вожака от приятных мыслей. Его лицо обдало потоком прохладного воздуха, и Шалло спланировала всаднику на плечо.

— Нашли, — коротко каркнула она. — Гонец у Р-розар-ры!

— Ну наконец-то, — насмешливо отозвалась девушка. — Весь лес исковыряли — ни одной целой кочки не осталось.

Север сдержанно улыбнулся и подумал о том, что вот, похоже, и подошел конец его пребыванию в Логове. Давно он мечтал об этом дне, а теперь, как ни странно, почувствовал невольную грусть.

Все-таки сколько лет он провел здесь, успел сжиться с людьми. С некоторыми даже позволил себе сблизиться больше, чем рассчитывал. И те-

перь радость возвращения на родину омрачит горечь разлуки с друзьями. Он посмотрел на Соню, и она, почувствовав на себе его взгляд, обернулась.

— Ты говорил... — начала девушка, да так и не закончила мысль и замолчала, и некоторое время к журчанию воды примешивался лишь глухой перестук копыт по утоптанному песку.

— Мое предложение остается в силе, — после паузы напомнил Север и, словно спохватившись, что говорит не то, что нужно, поспешил добавил: — Поедем со мной... — попросил он мягко и умолк, поняв вдруг, что, быть может, впервые в жизни не в силах подыскать нужных слов.

Они долго ехали молча по вечернему лесу. Соня уже не любовалась закатом. Она думала лишь о том, что настал наконец день, о котором она так долго мечтала. На этот раз уже Север угадал ее мысли.

— Еще есть время, — просто сказал он. — Не стоит торопиться, подумай хорошенько.

И она подумала. Подумала о том, что если согласится на это предложение, то будет вынуждена отказаться от всего, к чему она привыкла, а если не примет его, то потеряет самого дорогого человека. Что и говорить, выбор непростой. Девушка натянула поводья и подождала, пока вороной Севера не поравняется с ее гнедым:

— Ну что ты молчишь?

— Топчу ногами нежную мечту, пока она не завела меня слишком далеко, — невесело отшутился он.

— А может, ты останешься со мной? — вдруг спросила девушка, и мысль сгоряча показалась ей настолько удачной, что невольно заставила сердце забиться сильнее.

Она с надеждой посмотрела на Севера, но тот только печально качнул головой.

— Ты же знаешь, что это невозможно,— с мягкой укоризной ответил он, и Соня тут же пожалела, что причинила ему боль, поставив перед выбором, в котором он не волен.— Я ведь в Логове только ради подземелий. Итак задержался здесь слишком долго,— добавил он.

Соня неожиданно разозлилась. А почему, собственно, он не может остаться с ней? Если любит! Сердцем она понимала, что не права, но ничего с собой поделать не могла. Она успокаивала себя как могла, но раздражение не проходило.

“А что ты знаешь о нем, да об Ак Сале, который так и не сумела отыскать ни на одной карте? — задала она себе вопрос.— Стоило бы порасспросить его... Но нет, не сейчас.” Соня почувствовала, что если откроет сейчас рот, то наговорит дерзостей, а ссоры она не желала, понимая, что горячится напрасно.

Остаток пути до ворот Логова проехали молча. Неизвестно, о чем думал Север, скорее всего, о том же самом. Очнулись оба, лишь когда копыта коней зацокали по выщербленным плитам плаца. Ни тот, ни другой даже не заметили, как ночь спустилась на мир, и оба так и не вспомнили о зловещем закате.

* * *

Соня долго не могла заснуть. Просто лежала с закрытыми глазами и размышляла о том, почему же ей так не хочется покидать Логово. Ведь когда Север впервые предложил ей отправиться с ним на Ак Сал, она едва не запрыгала от счастья. В самом деле, уехать с любимым на его родину, где он, судя по всему, занимает высокое положение — это ли не завидная доля? Пусть даже там его ждет множество трудностей, о которых она представления не имеет. Вместе они преодолеют все! К тому же она не сомневалась, что ее навязчивые мечты о бессмертии вполне могут сбыться именно на родном острове Севера. Так что же заставляет ее без конца обдумывать одно и то же?

Она не могла не понимать: что-то держит ее здесь. Но что? Логово? Ну нет, что угодно, но только не это! Конечно, ей было интересно выполнять вместе с Вожаком самые трудные и опасные задания. Соня набиралась здесь ума, силы, ловкости, а каждая, даже маленькая, победа придавала уверенности в себе и тешила самолюбие. Правда, прожив тут два года, девушка теперь прекрасно осознавала, что и ее, и Севера мать-настоятельница просто умело использует в своих целях. Так что само Логово отнюдь не было для нее местом, по которому она стала бы скучать. Ей слишком многое не нравилось тут, чтобы она хотела встретить в Логове старость.

Другое дело — люди, с которыми она общалась последнее время. Вот с Ганой, например,

Соня успела сродниться настолько, что относилась к девушке как к сестре. Впрочем, ее она заберет с собой в любом случае. Так что же тогда? Неужели она настолько привыкла к размеренной жизни, которой кто-то управляет, что ее страшит неизвестность и неопределенность? Ведь, стоит ей навсегда покинуть Логово, как начнется совсем иная жизнь, а какая именно, Соня и представить не могла. Ну что за глупость? Прежде чем попасть сюда, она успела пережить и испытать столько, сколько иному долгожителю не выпадало на его долю. Что же в ней изменилось? Она задавала себе вопрос за вопросом, но ни одного ответа найти не могла.

Север тоже не спал. Он рассеянно гладил волосы девушки, наслаждаясь их шелковистостью, и гадал, какое решение она примет. Он знал, что уговаривать Соню бесполезно. Во-первых, потому, что она должна сама для себя все решить, а во-вторых, потому, что до сих пор она во многом оставалась для него загадкой, и он боялся уговорами испортить все дело.

Однако Север был мудрее своей подруги и потому видел то, чего не замечала она. Он понимал, что, как бы тяжело ни складывалась ее жизнь прежде, да и теперь тоже, здесь ее родина, и от этого никуда не деться ни ей, ни ему. Если Соня поедет с ним, ей придется перетерпеть эту боль... Быть может, даже лучше, что вопрос об отъезде встал перед ней сейчас, задолго до того, как нужно будет сделать выбор. Время, как известно, лучшее лекарство.

Впрочем, с Соней трудно быть в чем-то уверенными. Несмотря на все его старания девушка почти не изменилась. Безусловно, она стала намного серьезней, сдержанней и уже не позволяет себе действовать так же необдуманно, как прежде. Он, по крайней мере, научил ее не поддаваться первому порыву и не решать ничего сгоряча. Но все это видел только он, Север. Для всех Соня осталась прежней взвалмойной, резкой и острой на язык гордячкой, с которой лучше всего поддерживать дружеские отношения и упаси боги хоть слово сказать поперек! В лучшем случае она посмеется над обидчиком, и хотя язык ее бывает страшней кинжала, скрестить мечи с прекрасной воительницей и вовсе отважится далеко не каждый.

* * *

Утро следующего дня выдалось на удивление прохладным, хотя солнце светило вовсю и обещало жаркий день.

Кроме Сони и Севера Разара позвала в свои покой лишь Халиму. Как только Вожак с Телохранителем вошли в комнату, владычица тут же сообщила им об известии, которое накануне доставил гонец.

— Итак, мы сдвинулись с мертвой точки. Это первая ощутимая победа за долгое время,— без лишних предисловий объявила она,— хотя впереди еще немало работы и долгожданный поход состоится не скоро. Тем не менее сегодня же я пошлю в Похиолу гонца, чтобы не позже чем через седмицу приступить к делу.

Она окинула вопросительным взглядом своих собеседников. С тех пор как Север с Соней вернули похищенные йезмитами планы, владычица ни по одному важному вопросу никогда не принимала окончательного решения, предварительно не посоветовавшись с ними и со своей первой помощницей, Пифией. Она словно испрашивала их согласия и, хотя формально только интересовалась мнением своих молодых друзей, нередко, сообразуясь с ним, меняла свое решение. "Вот уж если кто и изменился,— подумал Север,— так это Разара." Впрочем, не один Вожак заметил, что среди обитателей Логова владычица выделила небольшой круг людей, которых она вдруг признала равными себе. Это выглядело тем более удивительным, что прежде она просто не переносила, когда кто-то противоречил ей даже по самому ничтожному поводу.

Услышав, что владычица хочет отчитаться перед Лухи, Север подумал, что не стоит торопиться. Однако сказать об этом не успел: Халима опередила его.

— Я бы лучше повременила,— сдержано заметила Пифия,— отчитаться мы всегда успеем.

Разара вопросительно посмотрела на Севера с Соней, и девушка ограничилась утвердительным кивком, в то время как Вожак счел возможным добавить:

— Я считаю, что в этом деле вообще торопиться не стоит. После прошлогодних неприятностей с немедийскими властями нужно в первую очередь позаботиться о том, чтобы получить полное

право ковыряться в этой земле. Надо выкупить выбранный участок и забыть на время о подземельях, тем более что осень ожидается ранняя, мы все равно опоздали со строительными работами. Что же касается Похиолы, то тут я полностью согласен с Халимой: Лухи ждет победного рапорта и не следует волновать ее раньше времени.

— Значит, оставить все как есть?

— Именно,— кивнул Север.

— Что ж, так и сделаем,— кивнула владычица.— Хотя... Жалко терять понапрасну столько времени.

На этом короткое обсуждение закончилось, и молодые люди покинули покой владычицы. Вожак пропустил вперед обеих девушек, внешне оставаясь совершенно невозмутимым и со скрытой усмешкой наблюдая за тем, как они приоравливаются друг к другу, чтобы, с одной стороны, соперница не истолковала заминку как нерешительность, а с другой — явно не желая сталкиваться в дверях. Как ни странно, но обе девушки научились держать себя в руках настолько, что ни разу не повздорили, хотя ненавидеть друг друга меньше, Север не сомневался в этом, не стали.

— Ну и куда мы теперь? — поинтересовалась Соня, когда гирканка скрылась за поворотом коридора.

— Зайдем-ка к Гуднару. Я оставил ему кое-какие рисунки. Надеюсь, он сделал то, что от него требовалось.

— А что от него требовалось?

— Потерпи немного — увидишь, — спокойно ответил он, не обращая внимания на то, что она явно обиделась, как ребенок, желание которого не исполнили мгновенно.

Они прошли по коридору и спустились в кузницу. Здесь теперь стоял непрекращающийся звон молотов: народу в Логове прибавилось и забот у Гуднара стало намного больше. Хотя оружие в основном покупали готовое, но постоянно требовалось что-то сделать то одному, то другому.

И кузнец безотказно то подковывал коней, то изготавливал оснастку, которой никто не производил, потому что нуждался в ней только один человек, то подгонял для кого-нибудь оружие или амуницию.

В мастерской царил мягкий полумрак, так что девушка не сразу разглядела кузнеца, а то, что он прекрасно видел вошедших, поняла по мгновенно наступившей в кузнице тишине. Едва завидев Вожака, мастер бросил раскаленную заготовку в бадью с водой, которая тут же извергла в ответ облако шипящего пара. Резко пахнуло раскаленным металлом, и запах этот показался девушке не то чтобы приятным, но странно возбуждающим. Обмыв от пота лицо и руки в той же бадье, кузнец согнал ладонями воду с тела и, широко улыбнувшись, шагнул навстречу гостям:

— А я все гадаю, когда Вожак пожалует за своим заказом!

— Так ты все сделал?

— А как же?! — добродушно ухмыльнулся бородач, обнажив в широкой улыбке крепкие белые зубы. — Мальчишки совсем одолели, — шутливо пожаловался он, — покажи да покажи, что за странный самострел заказал себе Вожак.

— Да не себе, а ей вот... — кивнул Север на спутницу.

— Что же ты сразу не сказал? — искренне огорчился мастер. — Знай я, что заказ для Королевы Логова, расстарался бы вензелями поковку украсить...

— И что же за самострел ты мне заказал? — улыбнулась девушка, чувствуя, что от давшего дурного настроения не осталось и следа.

Как и все женщины, Соня обожала украшения, но в отличие от прочих красавиц ее интересовали не только красивые побрюкушки.

Ничуть не меньше нравилось ей и хорошее оружие. И по мере того как медленно, не торопясь, старый кузнец отпирал заветный сундук и доставал завернутую в несколько слоев полотна вещь, сердце ее билось все сильнее и сильнее. Ей хотелось крикнуть: быстрей! Но она сдержалась и, не проронив ни слова, смотрела, как мозолистые, привыкшие к горячему металлу руки кузнеца бережно разворачивают холстину, освобождая пресловутый самострел. Соня посмотрела на него и ахнула — какая красота!

— И ты сам это сделал? — прошептала она, беря в руки оружие.

По бокам боковую станину украшали накладные пластины черненого серебра с тонким чекан-

ным узором. Удобный приклад переливался перламутровой инкрустацией с изображением орла. Маленький лук с изящными рогами казался легким, предназначенным специально для женщины, но, едва взглянув на него, воительница поняла, что впечатление это обманчиво. Его стальное вороненое тело наверняка способно накапливать немалую силу.

— Ну, не совсем,— несколько смущившись, ответил мастер.— Вожак дал мне арбалет. Я лишь немного доделал его по рисункам. Теперь это не совсем обычное оружие.— Он с уважением посмотрел на Севера.— По крайней мере, прежде я ничего подобного не видел.

Соня уже внимательнее взглянула на оружие и не увидела положенной "серезному" арбалету маленькой лебедки, а характерный для легких самострелов заряжающий рычаг располагался почему-то не сверху, а с правой стороны ложа. Он мягко выгибался наружу и заканчивался удобной рукоятью, выдвинутой на ладонь перед луком.

— И как с этим обращаться? — нетерпеливо спросила девушка, посмотрев на мастера.

Тот, в свою очередь, обернулся к Северу и, увидев его утвердительный кивок, бережно принял из рук Сони самострел.

— Оружие переделано специально для стрельбы метательными иглами, которые более чем вдвое короче арбалетного болта,— начал говорить Север.

— И зачем это? — нетерпеливо переспросила девушка.

— Арбалет — медленное оружие, но сильное,— пояснил Вожак.— Лук же, наоборот — быстрое, но относительно слабое. Этот арбалет несмотря на почти игрушечные размеры был почти как тяжелый, а после переделки может стрелять едва ли не быстрее лука. Правда, лишь по семь выстрелов подряд...

Соня перевела недоверчивый взгляд с Севера на Гуднара, и тот с улыбкой поднял перед собой оружие, явно гордясь своей работой.

— Все дело в механизме перезарядки,— пояснил он, беря со стола набор метательных игл, бок о бок скрепленных в ряд причудливо изогнутой скобой. Кузнец повертел ее в руке и привычным жестом загнал обойму в узкий приемник посредине ложа.— Вот так,— удовлетворенно кивнул он, наслаждаясь мягким звуком, с которым пачка игл встала на место.— Теперь рычаг.— Гуднар слегка наклонил оружие, чтобы девушка смогла все хорошенько рассмотреть.— Он сильно изогнут, и сделано это для того, чтобы увеличить ход рычага и уменьшить усилие при заряжании. Сперва ты тянешь рычаг на себя и тем самым натягиваешь тетиву.— Он легко, без всякого видимого усилия, потянул рукоять к себе.— Потом отпускаешь, и под действием пружины он возвращается на место. Одновременно иглы внутри обоймы сдвигаются, а верхняя встает на место.— Кузнец отпустил рукоять, и та быстро и плавно вернулась в исходное состояние. Верхняя игла встала напротив тетивы.— Ну вот. Можно стрелять,— закончил он объяснения, развернулся и,

почти не целясь, выстрелил в заднюю стену кузницы.

С резким щелчком игла пробила висевший на стене стальной лист и вонзилась в сосновую плаху.

— С двадцати шагов пробивает панцирь аквилонского рыцаря, — заметил Север, принимая из рук Гуднара оружие. — Теперь смотри.

Он вскинул арбалет к плечу, и рука его размежено заходила, взводя рычаг и тут же спуская тетиву. Пять раз успело отстучать сердце Сони, и шесть дребезжащих ударов возвестили о том, что оставшиеся иглы вонзились рядом с первой, посланной кузнецом. Что и говорить — впечатляющие.

— Попробуй.

Север протянул девушке арбалет, а Гуднар — новую обойму. Соня ощущала в руках его приятную тяжесть, но теперь уже отнеслась к нему иначе, потому что воочию убедилась, на что способно это игрушечное на вид оружие. Обойма неожиданно легко, словно сама, встала на место, а скоба, удерживавшая вместе предыдущую семерку игл, с жалобным звяканьем вывалилась на пол. Соня потянула за рычаг, чувствуя, как плавно нарастает усилие. Ей подумалось, что все не так просто, но, к собственному удивлению, девушка обнаружила, что никаких подвохов тут нет. Она недоуменно посмотрела на Севера.

— Форма рычага и форма лука, — коротко пояснил он. — По правде говоря, я и сам не ожидал, что получится так удачно.

Она кивнула и резко отпустила рычаг. Так же быстро, почти мгновенно, как и в руках Севера, он вернулся в исходное положение, а перед тетивой словно ниоткуда возникла игла — короткое жало, от которого не могла защитить даже сталь.

Легко вскинув оружие к плечу, девушка выстрелила. Струна тетивы тонко зазвенела, и в тот же миг стрела со звяканьем ударила в стальной щиток, легко «прокусив» его. Девушка даже не заметила, как рука сама собой потянулась к рычагу, изготавливая оружие ко второму выстрелу. Она лишь с удовлетворением отметила, что усилие и правда оказалось невелико — прицел практически не сбился. Но к этому можно привыкнуть.

Рука заходила вперед-назад, посылая в мишень иглу за иглой, пока запас их не иссяк. Времени на стрельбу у нее ушло несколько больше, чем у Вожака, но Соня давно уже смирилась с тем, что не в силах соперничать с ним. К тому же это лишь первая попытка. Зато воительница с удовлетворением отметила, что с помощью лука повторить это не сумела бы, не говоря уже о силе выстрела. Теперь ей не придется выискивать в доспехах противника уязвимое место.

— Здорово! — подытожила она, одарив мужчин благородной улыбкой.

— К сожалению, — заметил мастер, — скоб не так много. Я понимаю, что в бою не до этого, но я посоветовал бы тебе по возможности подбирать использованные и вновь набивать их иглами.

— Кстати,— вмешался Север,— оружие можно заряжать и без скобы, вкладывая иглы по одной в приемник.

— Спасибо тебе! — Девушка шагнула к кузнеццу и неожиданно чмокнула его в щеку.

— Что ты, милая,— растрогался Гуднар.— Мне всегда приятно услужить тебе. Кстати, что с рисунками? — обернувшись к Вожаку, спросил он.— Вернуть их тебе?

— Какой смысл? Оставь у себя.

Он посмотрел на Соню. Та кивнула, соглашаясь, улыбнулась, и он понял, что свою благодарность она выразит ему позже.

— Гане не помешал бы такой самострел,— заметила девушка.— Бедняжка никак не может справиться с луком.— Она вопросительно посмотрела на мастера, и тот с готовностью кивнул, но тут же иронично хмыкнул.— Ты что это? — насторожилась Соня.

— Хорошая у тебя подруга... Красавица. Но со странностями,— заметил он и, видя недоумение на лицах друзей, пояснил: — Никогда не видел такой чистюли. Иногда мне просто кажется, что она задалась целью смыть с себя кожу!

Соня и Север расхохотались, а кузнец несколько опешил: он никак не ожидал такого веселья. Однако ни тот, ни другой не пожелали объяснять, в чем тут дело.

Когда они покинули кузницу, перевалило за полдень. После жаркой полутишины, царившей в мастерской, солнце ослепило их, зато прохладный ветерок показался даром богов. Из лесной

чаши, начинавшейся прямо за стенами Логова, доносился звонкий стук дятла. Среди листвы деревьев парка с веселым щебетанием сновали мелкие пичужки, деловито выискивая гусениц и личинок.

— Хорошо-то как! — блаженно потянувшись, сказала Соня.— Ты чего ухмыляешься? — заметив ехидную улыбку Вожака, тут же нахмурилась она.

— Ты права — хорошо,— согласился Север.— Но долго ли ты можешь прожить вот так, наслаждаясь тишиной и красотой? — ответил он, гадая про себя, как она отреагирует на его слова.

В прежние времена ему не избежать бы резкой отповеди. Соня, однако, лишь рассмеялась, звонко и заразительно.

Не сговариваясь оба остановились, и Север заглянул в огромные глаза девушки. Сейчас, при свете яркого солнца, они казались мягко-серыми, с едва заметным темным ободком и в то же время прозрачными и бездонными, как озерная вода.

И лишь этим летом он впервые с изумлением заметил, что подобно озерной глади они способны отражать ее настроение, становясь то зеленоватыми, то небесно-голубыми, то почти черными, как штурмовое небо.

Север не удержался и прижал девушку к себе. Она почувствовала, как подкашиваются ноги, а мир начинает плавно раскачиваться перед глазами.

— Нет...— прошептала девушка, неохотно отстраняясь от него.— Не сейчас, милый.

Халима стояла в глубине комнаты, так, что снаружи никто не смог бы ее увидеть, и наблюдала за ними, испытывая душевные муки, сравнимые разве что с изощренной пыткой искушенного в своем ремесле заплечных дел мастера. Ах, если бы она могла вернуть то время, когда эта рыжая дрянь не была еще даже послушницей! Чтобы подавить готовый сорваться с губ яростный рык, она изо всех сил стиснула кулаки, да так, что ногти впились в ладони, а прокрутившие на них капельки крови потекли по пальцам, рубиновыми каплями падая на ковер. Но Пифия даже не почувствовала боли. Лишь ненависть еще сильнее сжала сердце.

Словно почувствовав ее тяжелую волну, Соня вздрогнула и, прия в себя, настороженно обернулась, пытаясь понять, что же произошло.

— Пойдем отсюда,— прошептала она, так и не разобравшись в ощущениях.

Гана, тщательно прицелившись, отпустила тетиву, но стрела пролетела в паре локтей справа от мишени.

— Стр-рела гнутая,— сообщила Шалло, расположившаяся на правом плече мраморной статуи на краю плаца.

Гайрам, который наблюдал за упражнениями в стрельбе, недовольно покачал головой, но промолчал. Девушка же, явно слышавшая, что сказала ворона, стиснула зубы и, делая вид, что не обращает внимания на столпившихся чуть в сто-

роне зевак, достала новую стрелу. Не удержавшись и мельком взглянув на нее — варуг и впрямь гнутая? — наложила на тетиву и подготовилась к следующему выстрелу. Однако он оказался ничуть не лучше первого.

— Тетива ворсистая,— опередив подругу, пропищала Задира, устроившаяся на левом плече той же скульптуры.

Гана крепче стиснула зубы.

Третий день, как она занимается стрельбой, и всякий раз повторяется одно и то же: проклятая заостренная палка летит куда угодно, только не в мишень, а толпа зевак, стоящих поодаль, полушипотом обсуждает каждый ее выстрел, в то время как две болтуны то же самое делают вслух.

Девушка чувствовала, что еще немного — и она взорвется, и изо всех сил старалась держать себя в руках. Она подняла лук, но тут же вновь опустила его — нет, так дальше не пойдет.

Нужно успокоиться. Гана обернулась к Гайраму, взглядом спрашивая его, что она делает не так. Тот привычно пожал плечами, видимо, устав уже повторять одно и то же.

— С такой, как у тебя, грудью много не настреляешь,— все-таки повторил он.— Надеюсь, теперь ты мне веришь?

— А как же Соня? — хмуро, исподлобья посмотрев на него, спросила девушка.

— Ха! — коротко кашлянула Шалло и умолкла, посчитав, что иных объяснений не требуется.

— Соня...— хмыкнул Гайрам.— Это же Соня!

— Пр-правильно! — каркнула ворона и покосилась на туранца одним глазом, ожидая, что он на это скажет.

Он осуждающе взглянул на птицу, но та сделала вид, что ничего не заметила.

— Не стоит ломать голову над тем, почему у тебя не получается то, что легко выходит у Телохранителя,— наставительно молвил мастер.

— Оставайся собой... На вот!

Он протянул девушке кожаный лиф, позволявший стянуть правую грудь так, чтобы она не мешала при стрельбе. Гана надела обновку и недовольно пошевелила плечами.

— Я чувствую себя в нем полной дурой! — нахмурилась она.

— А что лучше — лысый или дур-рак? — тут же поинтересовалась Шалло, явно намекая на бритый череп туранца и повторяя слова Ганы.

Прибыльные тихонько захихикали.

— Конечно, дурак,— пропищала Задира.— Не так заметно.

— Пока рот закрыт! — рявкнул через плечо Гайрам, и толпа громко захахотала, в то время как Шалло умолкла, явно не ожидая такой отповеди.

Наконец наблюдатели угомонились, и Гана вновь подняла лук. Ее правая рука медленно пошла к плечу. Как ни странно, но с новым приспособлением она и впрямь почувствовала себя увереннее. Девушка дала себе слово, что теперь точно не промажет. Наконец она замерла, в последний раз припоминая все, что говорил ей

наставник о том, как следует целиться и как дышать. Все замерли, и в этот миг дятел застучал по сосне. Девушка вздрогнула, настрой пропал, и она глухо зарычала от ярости.

— И как он не сдохнет?.. Не понимаю! — коротко взмахнула крыльями Шалло.

— Не обращай внимания,— посоветовал Гане туранец.— Ты должна научиться не видеть ничего, кроме цели, и не слышать ничего, кроме голосов друзей, шума ветра и стука собственного сердца. Представь, что вместо мишени видишь этого мерзкого дятла, и все пойдет как надо.

Гана кивнула и вновь прицелилась. Все замерли. Пальцы девушки начали разжиматься, и в тот же миг ветер принес на плац отголосок волчьего воя. Рука лучницы дрогнула, и стрела вновь ушла в сторону.

— Все! Все стр-релы гнутые! — мгновенно вмешалась ворона.

— Тетива разлохматилась! — упрямно стояла на своем Задира.

— А ну-ка заткнитесь! Обе! — гаркнул на них туранец.

Молодые зеваки уже изнемогали со смеху.

Издалека вновь донесся волчий вой.

— Что-то р-рано Вулоф голос подал,— как ни в чем не бывало опять заговорила Шалло.

— Это не Вулоф! — тут же включилась в спор Задира.— Это Вамматар передразнивает Вулофа!

— Нет, это Вулоф пер-редразнивает Вамматар-ра! — вновь возразила Шалло, чем вызвала новый взрыв хохота зевак.

Толпа постепенно увеличивалась. Уже и Булио стоял вместе со всеми и беззвучно смеялся, упервшись толстыми руцищами в крутящиеся бока. Удивительно ли, что никто не заметил, как к зевакам присоединились еще двое? Некоторое время Соня с Севером молча наблюдали за происходящим, хотя воительница сразу поняла, что без ее поддержки подруге не обойтись. Несмотря на несколько грубоватые манеры и умение постоять за себя, когда дело доходит до драки, Гана оставалась на удивление беспомощной. Обитатели Логова с первого взгляда распознали этот недостаток и при всяком удобном случае бесстыже пользовались маленькой слабостью новой подруги.

В основном, быть может, оттого, что новенькая так и не стала Прибылой, а осталась в Логове на непонятных, но особых правах подруги Сони, которой покровительствовал сам Вожак.

— Тренируетесь? — спросила Соня, выступая вперед.

— Стр-рэлы больно гнутые! — тут же оживилась Шалло.

— А тетива линяет! — запрыгала Задира.

— Я сейчас вас обеих освежую! — замахнулась на них окончательно потерявшая терпение Гана. — Брысь отсюда, мелочь!

Ворона тут же легко вспорхнула с насиженного места, а молодая крыса, которая не могла последовать ее примеру, сиганула на землю и, визжа и высоко подпрыгивая на раскаленном песке, поскакала прочь, мимо зрителей. На краю

плаца зверек замер на миг, выискивая взглядом, куда бы спрятаться.

— Брысь отсюда, а то угодишь на жаркое! — замахнулся на нее половником Булио и захотел, довольный своей остротой.

Задира пронзительно пискнула, словно уже почувствовала под собой жар раскаленной сковороды и запах пригоревшего масла, подскочила на локоть в высоту и, бросившись к Соне, в один миг вскарабкалась ей на плечо.

— Ты видела?! Видела, как они со мной? — заверещала она прямо в ухо хозяйке. — А все потому, что я мала ростом! А вот упрыг улетел! — гневно произнесла она и уставилась черными бусинками глаз на Шалло, которая устроилась на ветке ближайшего дерева.

— Все потому что у тебя длинный язык, — спокойно возразил Север, и крыса умолкла.

Соня уже не впервые замечала, что ни Шалло, ни Задира не позволяют себе спорить с Вожаком, безропотно принимая от него все, чего не потерпели бы ни от кого другого.

Точно так же случилось и на сей раз.

Едва Север вмешался, как все пришло в норму и даже толпа начала понемногу расходиться: все поняли, что развлеченье закончилось, большинство вспомнило о своих делах и том, сколько потеряли напрасно времени.

Наконец остались только Гана с Соней и Север с Гайрамом.

— Ничего-то у меня не получается, — вздохнула Гана и, невесело улыбнувшись, добавила:

Стрелы гнутые, тетива мохнатая, грудь неприлично большая...

Гайрам хмыкнул и задумчиво пожевал щеку, а Шалло, видя, что гроза миновала, быстренько перепорхнула на правое плечо Вожака и, склонившись к самому его уху, доверительно каркнула:

— Пор-ра бы девчонке пер-рестать ныть!

— А тебе пора бы отдохнуть от болтовни.— Он озабоченно посмотрел на ворону и крысу.— Пожале, вы никак не прислушиваетесь ни к моим советам, ни к моим просьбам, а продолжаете делать все, что вам заблагорассудится. Если так пойдет и дальше, мы поссоримся.

Он умолк. Трое людей с трудом сдерживали улыбки. Задира потупилась и изо всех сил пытаясь выглядеть виноватой, угрюмо шевеля длинными черными усами. Шалло беспокойно переступила с лапы на лапу. Сочтя паузу достаточной, Север погладил обеих. Ворона при этом мечтательно закатила глаза, уши Задиры затрепетали от восторга, а длинные усы вздыбились.

— Попробуй это.— Соня сдернула с плеча арбалет и, достав из поясной сумки обойму, быстрым движением вогнала ее на место.— Вот смотри.— Она вскинула оружие к плечу и, быстро прицелившись, нажала на спуск. Игла почти до половины вошла в центр мишени и задрожала. Девушка быстро перезарядила самострел и протянула его подруге.— Попробуй.

Гана осторожно взяла оружие и, старательно повторяя движения Сони, прицелилась. Сухо

прошуршал спуск, и с тем же высоким звуком вторая игла вонзилась в мишень рядом с первой.

— Здорово,— прошептала девушка. Глаза ее радостно загорелись.— Можно еще? — чуть ли не заикаясь от волнения, попросила она.

— Да, конечно! — рассмеялась Соня.

Гана передернула рычаг и выстрелила.

И вновь игла поразила цель.

— Здорово! — воскликнула она.

— Все это хорошо,— заговорил наконец и Гайрам.— Только лук все равно надежнее.

— Не забывай, что ты мужчина,— возразил Север.— Даже Соне, которая блестяще владеет луком, очень сложно поразить латника. А если она не сумеет попасть в уязвимое место, то и невозможно! Панцирь ей не пробить! А на тугой лук ей просто не хватит сил... Зато это оружие все меняет.

Туранец нахмурился:

— Наверное, для нее это выход.— Он кивнул на Гану.— Только все равно мне не по нраву все эти штучки. Арбалет хорош для того, кто умеет пользоваться луком.

— Ну, положим, могучим воином ей все равно не стать — не ее это дело,— резонно заметил Вожак.— Но раз она желает остаться с нами, ей поневоле придется научиться делать все, что полагается уметь рядовому бойцу. Полуторным мечом она уже владеет, и совсем неплохо.

— Это потому, что он мало чем отличается от метлы,— запальчиво воскликнула девушка и тут же умолкла, поняв, что ляпнула что-то не то.

Зато Шалло встрепенулась, но мгновенно скользила под совершенно недвусмысленным взглядом Вожака.

— Я попрошу Гуднара сделать тебе такой же самострел, только немного послабее, — сказал Север. — С таким луком, как у Сони, придется подождать.

* * *

Утреннее, еще не жаркое солнце пробивалось сквозь густую, раскрашенную яркими красками осени листву, живописно разбрасывая по земле желтые и оранжевые пятна. Всадники пустились в путь спозаранку с таким расчетом, чтобы к обеду прибыть на место, и теперь приближались к цели.

Впереди, в просвете между стволами, показалась неширокая тихая, но глубокая речка, и когда они поняли, что забрали слишком далеко на запад, поехали вдоль ее берега, высматривая брод. Место оказалось неожиданно низким, и копыта коней с тихим чавканьем уходили глубоко в высокую сочную траву. Вскоре, однако, берега стали повыше, а земля — посушее. Встречавшиеся до сих пор крошечные полянки уступили место обширным лугам, в то время как лес, наоборот, разился на отдельные рощи, среди которых попадались и ельники, и березняки. Наконец, миновав третий или четвертый луг, Север натянул поводья, останавливая коня, и, осмотревшись, удовлетворенно кивнул:

— Здесь.

— Я уж хотела попенять тебе, что не взял с собой Шалло. Думала, что мы запутали.

— Да и я, признаюсь, тоже, — согласился Вожак, разворачивая коня к реке.

В этом месте безымянная речка разливалась, замедляя и без того небыстрый бег и превращаясь чуть ли не в озеро со спокойной водой. Север бывал здесь не раз и теперь уверенно направлял коня поперек русла, так что, очутившись на противоположном берегу, люди даже ног не замочили.

Когда всадники выехали на поляну перед домом, Хэлдир грелся на солнышке, и Соня ни на миг не усомнилась в том, что он ждал их. Не дожидаясь, когда Вожак спрыгнет с коня и поможет сойти своей спутнице, старец налил вина в три кубка и вновь замер, с мягкой улыбкой поглядывая на гостей.

Соня опустилась на скамью и с благодарностью приняла из его рук напиток — хотя жара и не доняла их, но после долгой скачки жажда давала о себе знать. Север присоединился к ним только после того, как расседлал коней и, напоив их, отпустил пастись. Лишь тогда он позволил себе утолить жажду. За все это время никто не проронил ни слова, и девушка отметила, что сегодняшняя встреча началась не совсем обычно.

Какое-то необъяснимое напряжение, казалось, повисло в воздухе, и красавица неуютно поежилась.

— Греешься? — спросила она просто для того, чтобы нарушить молчание.

— Что еще остается старику?
— Ну, ну... Ты же маг. Неужели не можешь что-нибудь придумать?

— Яд в вине и погребальный костер,— мрачно пошутил старец и, усмехнувшись, отхлебнул из кубка.

— Ну, ну...— повторила девушка, подумав, что лучше бы ей было вовсе не открывать рот.— Больно уж это... Не стоит печалиться о прошлом,— посоветовала она, решив, что старика гнетут воспоминания.

— Нет, дочка,— мягко возразил маг.— Мой воспоминания — это моя жизнь... Размышляя о темных страницах, можно порадоваться, что они уже в прошлом. Светлые же позволяют вновь пережить их во всей яркости и красоте. Без них я, наверное, и жить бы не смог...

Он улыбнулся девушке, и оба вновь умолкли, но у Сони пропало желание лезть с расспросами: она почувствовала вдруг, что почти ничего еще не знает об этом мире. Наконец Север присоединился к ним.

— Нашли,— коротко сообщил он, осушив кубок.

— Наконец-то! — ухмыльнулся старец.

— Я-то думала, ты удивишься! — вздохнула девушка.

— Какое там! — отмахнулся Хэлдир.— Мы рассчитывали, что они справятся с этим еще прошлым лето, а на деле Северу пришлось подсказать им, где искать. И это плохо,— заключил он.

Вожак в ответ равнодушно пожал плечами, словно устал от давнего спора. Девушка поняла, что по-прежнему они не рассказывают ей много-го, хотя она во всем участвует. Старая история... Впрочем, она сознательно не насидала на Севера ни с расспросами о подземельях, ни с просьбами рассказать о его таинственной родине.

Но Соня и не подозревала, что не знает много-го о том, в чем сама участвует. Два проле-тевших года они просто любили друг друга, а к заданиям Разары относились не как к работе, а как к возможности уединиться вне стен Логова. По крайней мере, так думала она.

Зато теперь, похоже, прежней беззаботной жизни пришел конец. А раз так, то она желает знать все!

— Но ведь все обошлось,— возразил Вожак.— Конечно, удачно получилось, что удалось сделать вид, будто заслуга принадлежит Шалло.

— Так вы знали, где искать? — спросила девушка, хотя и сама понимала, что могла бы уже не спрашивать.

— Да,— тем не менее кивнул Хэлдир и, ото-двинув кувшин с вином на край стола, расстелил перед ней рисунок.

Одного беглого взгляда хватило девушке, чтобы понять: это план дворца с многочисленными строениями, парком, фонтанами, скульптурными группами и отдельными статуями, обширного и явно роскошного. Однако, приглядевшись, она увидела то, чего не заметила сразу. Самое боль-шое из зданий удивительно походило на дворец

Магов, каким его нарисовал Север, якобы пользуясь рассказами Шалло.

— Как ты это достал? — поинтересовалась девушка, продолжая всматриваться в пергамент явно стигийского происхождения.

— Украд, как обычно делаешь ты, — с усмешкой заметил Север.

— Как нехорошо! — презрительно фыркнула девушка.

— Наш друг несколько сгущает краски, — усмехнулся Хэлдир. — Я купил этот лист. Другое дело, что Хранитель, продавший его мне, не имел на это права... Зато я давно смог найти неприметные места, где удобно проникнуть в подземелья и о которых в Похиоле наверняка даже не подозревают. В их руках ведь только план дворца Магов.

— Но что это дало?

Север невозмутимо попивал вино и в разговор не вмешивался. Хэлдир же удовлетворенно кивнул. Похоже, от его воспоминаний о мрачных страницах собственной жизни не осталось и следа. Он вновь стал прежним — мудрым, добрым и слегка насмешливым.

— Очень много! — воскликнул старец. — Посмотри! — Он придавил край листа кувшином и, придерживая противоположную сторону левой рукой, провел ногтем указательного пальца по едва заметной синей линии. — Это подземный ход, ведущий из подземелий дворца. Заканчивается он вот в этом флигеле. — Он посмотрел на девушку. — Пять лет назад я купил два участка

в этом лесу. На одном из них построили эту хижину. Угадай, на каком?

— На том, где прежде располагался флигель.

— Верно, — кивнул маг. — Но самое главное — на планах, что привезли вы с Севером, этого хода нет, — многозначительно добавил он. — А значит, ни Разара, ни Лухи ничего не заподозрят. Тем более что эта хижина не единственная в лесу и ничем не отличается от прочих, ведь немало людей бьет здесь зимой пушного зверя.

— Думаю, все-таки отличается, — возразила Соня.

— Только об этом никто не знает, — улыбнулся старец. — Кстати, ход прекрасно сохранился, и я прошел по нему до вмуренной в стену подвала двери. Правда, открыть ее пока не рискнул. С той стороны полно живности. Я не знаю, кто это — люди или звери, насколько они велики и чего от них ждать.

— Вероятно, ничего хорошего, — впервые с начала беседы заговорил Север.

— Постарайся не забыть об этом, когда спустишься вниз, — кивнул Хэлдир. — И попытайся убедить Разару, чтобы не делала опрометчивых шагов. В особенности теперь, когда они нашли то, что так долго искали.

— Уже, — кивнул Вожак. И увидев во взгляде старшего товарища немой вопрос, добавил: — Попытки пробиться внутрь откладываются до тех пор, пока участок земли не перейдет в собственность людей Логова. До весны.

— Что ж, хорошо.

— А второй участок? — вмешалась Соня. — Он-то зачем понадобился?

— Ну — Хэлдир помялся. — Мы ведь не знали наверняка, сохранился ли вход. Так что попросту решили подстраховаться.

— Я не о том спрашиваю, — отмахнулась она. — Где это место?

— Вот. — Стариk ткнул пальцем в круглое строение. — Это башня Звездочетов. Говорят, находясь в ней, даже днем колдуны могли видеть звездное небо. Они то ли проводили в башне какие-то измерения, то ли высматривали знаменния. Теперь это не важно. Главное, что и на это место жрицы Ордена претендовать не станут, ведь на планах показано, что башня изолирована от прочих помещений.

— А на самом деле это не так, — понимающе кивнула девушка.

— На самом деле — не знаю, — неожиданно признался Хэлдир и тут же добавил: — Я ведь говорил, что это запасной вариант. К тому же, когда покупались участки, мы не знали, сообщаются ли подвалы башни с подземельями. Это сейчас, получив планы, мы поняли, что вроде бы нет. Да теперь это уже и не важно.

— Не важно, так не важно, — согласилась Соня. — Но зачем ждать? Не проще ли прямо сейчас открыть дверь, о которой ты только что говорил? К чему тянуть время?

— Иногда потянуть время не так плохо, — возразил Север. — Мы ведь не сможем сделать свое дело тайно, а если в Похиоле пронюхают,

что кто-то пытается их опередить, то все может закончиться скверно.

Тут Соня вовремя вспомнила, что ничего не знает о цели предстоящего спуска.

— Ну так как? — неожиданно заявила девушка. — Быть может, пора рассказать мне, что вам понадобилось в этих подземельях?

— Не так это просто, — покачал головой Вожак.

— А ты постараися, милый, — проникновенно прошептала красавица.

— Если я скажу, что сам не знаю, что ищу, тебя вряд ли это удовлетворит.

— Я даже не поверю тебе, — сказала она еще тише, но посмотрела так, что оба мужчины мгновенно поняли: шутить по этому поводу их прекрасная собеседница не настроена.

— А между тем по-другому ответить весьма трудно. — Север нахмурился. — Все опирается на неясные ощущения и выстроенные на их основе размытые предположения.

— А ты постараися. Ты ведь хочешь, чтобы я поверила в то, во что веришь ты сам? — стояла на своем девушка.

— В том-то все и дело, — поморщился Север, — что я и себе-то многое объяснить не могу.

— Все началось с Книг Пророчеств, — пришел ему на помощь Хэлдир.

— С книг?

— Именно, — кивнул он. — Писать их умеют только старшие в каждом из четырех родов властителей нашего мира, но самих книг много —

каждый член семьи имеет свою. Ребенку она служит сперва любимой игрушкой, а затем учебником. По ней мы постигаем искусство письма, а позже учимся проникать в мир духов. Сейчас это так, но я помню времена, когда все было совсем иначе. Каждый, кто обладал книгой, считал ее святыней и верил, что на ее страницах прописана вся его жизнь, хотя для непосвященного она выглядит всего лишь сборником странных стихов... Даже не стихов — полубезумных пророчеств.

— Что-то я не слишком понимаю, о чём идет речь...

— Все просто. Книгой Пророчеств нужно научиться пользоваться. Чем дольше она находится у человека, тем полнее способна ответить на поставленные им вопросы, но их надо уметь задавать. Так вот, если ты перелистывая страницы, ставишь осмысленный вопрос, то получаешь на него разумный ответ. Если же нет, то на страницах появляются случайные пророчества, но касаются они, как правило, самого важного: будущего, опасностей, возможностей как для отдельного человека, так и для всей его семьи, а еще чаще — для страны в целом. Однако понять, о чём говорит пророчество, зачастую оказывается настолько сложно, что книга в конце концов превратилась из святыни в почитаемую, но все-таки игрушку. Никто уже не видел смысла этих строк.

— Кроме вас двоих? Я так понимаю? — ехидно заметила Соня.

— Ну, если хочешь... — улыбнулся в ответ старец. — Так вот, началось все с того, что я наткнулся на одно искаженное пророчество.

— То есть?

Соня перевела вопросительный взгляд с хранившего молчание Севера на Хэлдира.

— А вот послушай, — начал старец, и на миг умолк, прежде чем продолжить, а собравшись с мыслями, повторил: — Слушай:

Стальная дверь обита златом,
И будет отпerta она
Лишь той,
Чья правит длань булатом,
Чья злоприметна голова...

— Ха-ха-ха! — Соня не выдержала и расхохоталась, но, быть может, только потому, что оба ее собеседника сохраняли невозмутимость, смогла успокоиться довольно скоро. — Уж не хочешь ли ты сказать, что это про меня? — спросила она, окидывая мужчин насмешливым взглядом.

— Может, про тебя, а может быть, и нет, хотя совпадение и правда редкостное и, вполне может статься, не напрасно бросилось тебе в глаза. Но я продолжу, если ты позволишь. — Он вопросительно посмотрел на девушку, и она махнула рукой: мол, валяй! — Слушай вторую строфи:

Там Ключ Миров,
Там Древо Власти,
Там битв отбиты имена —
Они пророчат нам несчастья,
Они суют...

Он замолчал, и Соня нетерпеливо передернула плечиком:

— Так что же они нам суют?

— В том-то и дело... Я нисколько не сомневаюсь в том, что в дни молодости читал это пророчество, но полностью!

— А теперь?

Вместо ответа старец протянул ей книжицу в зеленоватом кожаном переплете с тисненым орлом на обложке. Безобразное пятно расплылось по странице, уничтожив окончание пятой строки.

— Аккуратнее нужно обращаться с реликвиями, — фыркнула девушка.

— Аккуратность здесь не при чем. У всех, к кому я обращался, Книга испорчена на этой странице. У Севера она обгорела, у других оказалась замазана тушью, краской, соусом, оборвана или текст затерт. Короче говоря, начиная с третьего слова последней строки прочесть ничего нельзя.

— Но если ты читал пророчество прежде, что мешает тебе восстановить его по памяти теперь?

— резонно поинтересовалась Соня.

— Правильный вопрос, — кивнул Хэлдир. — Но как раз здесь и кроется вторая странность. Сколько я ни старался, ничего не получалось. Точнее, получалось как у скверного поэта — либо рифма, либо смысл, но ни то и другое одновременно. И всегда я знал, что это не правильно. Людей, которые читали полное пророчество, осталось не так много, но и с ними приключилась

та же история. Словно кто-то заставил всех забыть о чем-то важном. Ну, как тебе?

Он вопросительно посмотрел на девушку, и та пожала плечами:

— В жизни всякое случается...

— Хорошо, — кивнул Хэлдир. — Дальше — больше. Я попытался отыскать какие-то документы, относящиеся к тому времени, когда пророчество существовало в книге в первоначальном варианте. Я надеялся найти неизвестные записи, которые пролили бы свет на некие мелочи, оставленные другими без внимания, которые позволили бы мне понять, что к чему. Я не нашел ничего... Документов, относящихся к периоду расцвета Ахерона, и Пифона в частности, которым я особенно интересовался, мне удалось отыскать в тысячу раз больше, хотя их и сохранилось совсем немного.

— Что ты хочешь сказать?

— Я хочу сказать, что у себя на родине я не нашел вообще ничего!

— Но как же так...

— Хотелось бы и мне знать. Однако ясно одно: никто их не крал и не уничтожал. То есть не рвал страниц, не жег в огне... Не знаю, что еще можно сделать с книгой... И если старики вроде меня еще чувствуют тревогу, да и то далеко не все, то те, кто помоложе, просто отмахиваются.

— Но как же так?

— Магия, — коротко ответил старец. — И мне становится страшно, когда я думаю, что это может означать. Особенно если помнить азбучную

истину: магия властвует над судьбами людей, но там, где речь идет о тысячах, она бессильна! Так вот, когда я пытаюсь представить могущество того, кто составил заклинание такой силы, что оно имеет власть над десятками, даже сотнями тысяч, мне становится страшно.

— Но зачем кому-то понадобилось портить страницы, вместо того чтобы уничтожить пророчество целиком, а еще лучше — всю книгу?

— Это только кажется, что так проще, — возразил Хэлдир. — Хотя, согласен, ты рассуждаешь вполне разумно. Но магия Книги очень сильна. Кстати, я не сомневаюсь, что если не саму книгу, то пророчество пытались уничтожить наверняка, да только ничего из этого не получилось, но след остался, хотя и след говорит о многом.

— И о чём же?

— Например о том, что кого-то интересовала лишь определенная часть текста. И о том, что этот кто-то обладает огромной силой. Заметь: во всех книгах исчезла лишь одна строка. Тебя это не наводит ни на какие мысли? — спросил он.

— Наводит, — кивнула девушка. — Но я поняла, что у вас там, на Ак Сале, все несколько иначе.

— Верно, — кивнул старец. — Большинство считает мой страх старческой причудой. И это тоже тревожит. Нас всего четверо, старых магов, осознающих, что положение серьезное. И то, что все мы не молоды, так же играет на руку недоверчивым. Получается что-то вроде заговора стариков, которым никто не верит.

— Но Север вроде бы далеко не старик, — заметила она, с улыбкой посмотрев на возлюбленного.

— Говоря о четырех стариках, я имел в виду магов, которые чувствуют, — пояснил Хэлдир. — Остальные могут только верить или нет. Большинство не верит, но, к счастью, есть и такие, как Север, хотя и их не много. И я думаю, это тоже неспроста.

— То есть?

— Если маг не распознает направленного на него чужого влияния, то несомненно, что действующий значительно сильнее его. Однако совсем не обязательно становиться магом, чтобы иметь гигантскую силу духа. — При этих словах Север скептически покачал головой, а заметившая это Соня улыбнулась ему нежно и восхищенно, но почти сразу посерезнела. — Именно эта сила позволяет ему сохранить, если хочешь, свободу рассудка и трезво воспринимать чужие мысли. Верить мне.

— Ну хорошо, — сказала после паузы Соня. — Из твоих слов я поняла, что вы там у себя жили, жили и вдруг несколько самых сильных магов заподозрили, что находятся под чьим-то влиянием, и осознали непонятную, но несомненно нахисшую над всеми угрозу, а еще несколько сильных духом поверили им?

Она вопросительно посмотрела на Хэлдира, и тот кивнул:

— Все верно. Самый сильный страх — страх неизвестности. Истина избитая, но от этого не

ставшая неправдой. Так вот, мы хотим все-таки узнать, о чем идет речь.

— Образно говоря,— вмешался Север,— мы пытаемся увидеть лицо врага.

— А ты уверен, что враг этот на самом деле есть? Быть может, все, что происходит, объясняется какими-то иными причинами?

— Уверен,— кивнул Вожак.— И сейчас, после лет, прожитых в Хайбории, даже больше, чем прежде. Я опять упомяну о пророчестве, хотя не хочу, чтобы у тебя создалось впечатление, будто все замыкается только на нем. Просто с него все началось.

— Вспомни начало второго четверостишья,— поддержал его Хэлдир: — Там Ключ Миров, Там Древо Власти, Там битв отбиты имена...

— Так вот, никто понятия не имеет о том, что такое Ключ Миров и что за Древо Власти. Хотя, согласись, написавший эти строки наверняка подразумевал, что тот, кто прочтет пророчество, сумеет правильно понять его смысл.

— Что же касается битв,— вновь заговорил Север,— то мы надеемся, что речь идет не только о грядущих сражениях, но и о прошедших тоже. Однако в любом случае важность этих трех строк неоценима. Тут я полностью согласен с Хэлдиром.

— И все-таки, по вашим же словам, это лишь рассуждения, основанные на ощущениях. Ничего реального,— заметила девушка.

— Реальное началось после того, как мы начали искать Ключ и Древо. Пока поиски ограни-

чивались Ак Салом, ничего не происходило,— сказал Север.— Если не считать того, что над нами посмеивались, кто тайно, а кто и открыто. Зато когда мы перебрались сюда, все изменилось. Не сразу, но примерно через год, уже обосновавшись в Логове, я начал ощущать непонятную тревогу. Тебе ведь знакомо это ощущение? — спросил он, и Соня кивнула.— Причем лишь вне его стен. Мне пришло в голову, что колдуны присматриваются ко мне, но я все-таки попросил Хэлдира разобраться с этим.

— И хорошо, что попросил,— заговорил старец.— Я очень быстро выяснил, что кто-то следит за ним.

— Кто-то? — удивилась девушка.

— Именно так,— кивнул Хэлдир.— Я ведь использовал свои способы, и преследователь Севера неизменно выглядел для меня сгустком тьмы.— Соня вздрогнула, и, заметив это, старец вновь кивнул: — Именно. Но тогда я не увидел в этом ничего странного. Если кто-то пользуется магической защитой, то может выглядеть как угодно. Единственное, что меня насторожило, так это непонятное упорство, с которым велась слежка. Однако очень скоро скрытое наблюдение сменилось нападениями.

Соня посерезнела, тут же припомнив собственные трудности, и тотчас в ее памяти всплыли строки пророчества о воительнице. Лишь амулеты Хэлдира позволили им оставаться невидимыми для таинственного противника, но лишь до тех пор, пока Север не рискнул снять свой,

что едва не стоило ему жизни. Зато они узнали своего врага.

— Кто он такой, этот Странник? — спросила девушка.

— Не знаю. — Хэлдир досадливо поморщился. — Я же говорил: я его вижу как темное пятно.

— Значит, вы заглянули врагу в лицо, но оно оказалось совершенно незнакомым.

— Я бы сказал иначе. Лицо недруга скрыто маской, — поправил ее Север. — И выводы, к которым я пришел, не радуют. Похоже, кто-то ведет против моего народа войну, но так тонко, что никто ничего о ней не знает и, даже узнав, отказывается верить в это.

— Звучит зловеще, — призналась воительница, — да только я все равно не понимаю...

— А между тем все достаточно просто, если предположить, что некто копит силы, готовясь к неожиданному нападению, и не желает, чтобы об этом стало известно раньше времени, — объяснил Божак.

— И вы надеетесь найти в подземелье ответы на все свои вопросы?

— Ну уж на все... — проворчал Хэлдир. — Хоть что-нибудь бы прояснить...

— Видишь ли, — добавил Север, — существуют смутные намеки на то, что предки наши — выходцы из Хайбории. А вернее сказать, из Турции, как она тогда называлась. Да и преследование таинственного Странника явно говорит о том, что мы на верном пути. Иначе зачем ему суетиться? Но подземелья, существовавшие под

Пифоном, наверняка хранят и другие тайны. Что ты скажешь, например, о таких строчках: "...С ним щит, священной вязью рун хранящий воина от ран..."

Соня покачала плечами:

— Да любой щит хранит воина от ран.

— Э-э, нет! — усмехнулся Север. — Обычный щит просто заслоняет тело воина. Этот же в силу наложенных на него заклинаний непробиваем. И вообще не стоит забывать, что под землю ушли вовсе не все колдуны Ахерона, а только высшая каста — Отверженные Гробом.

— Отверженные Гробом! — воскликнула девушка. — Сколько идиотского самомнения в этих двух словах!

— И все-таки они правдивы. Ведь известно, что даже те, кто считается бессмертными, смертны. Просто живут они неизмеримо дольше, чем простые люди. Но рано или поздно душа каждого живого существа обретает покой. Эти же согласились на вечное существование в этом мире в обмен на недоступное прежде могущество. Их не остановило даже то, что души их теперь обречены на вечную муку.

Соня покачала головой:

— К чему ты мне все это рассказываешь?

— Я хочу, чтобы ты поняла: магия — самое могучее оружие из того, что когда-либо оказывалось в руках человека. К постижению почти всех тайн чародеи двигались медленно и мучительно. Иногда несколько поколений ломало головы над поставленным вопросом, прежде чем кому-то

удавалось найти на него ответ. Секреты эти тщательно хранились, и многие предметы, обладавшие магическими свойствами, так и остались уникальными, потому что, расставаясь с жизнью, свои тайны маг уносил с собой в могилу. Так вот, в подземельях вполне может обнаружиться немало полезного и помимо того, что мы ищем.

Соня кивнула и задумалась, на этот раз ничего не сказав. Она понимала, что Хэлдир, бесспорно, прав в своих поступках. Если он ошибается, то многие и так считают его выжившим из ума стариканом, чокнувшимся на почве магии, а значит, дело закончится без каких бы то ни было неприятностей для его соплеменников. Зато если он прав... В любом случае очевидно одно: эти двое пытаются спасти свой народ... По собственному опыту она знала, что отнюдь не самое опасное дело, когда здоровенный бандит с искаченным яростью лицом и обезумевшими глазами мчится на тебя, размахивая над головой огромной дубиной. Гораздо страшнее, когда трусливый хитрец начинает пакостить исподтишка, оставаясь все время в тени.

Она невольно вспомнила Ханторзка, трусливого, не отличавшегося умом сластолюбца, который умудрился доставить ей гораздо больше неприятностей, чем в свое время прямолинейный и бесхитростный гигант Кучулуг. И еще она подумала о том, что случилось бы, окажись отец-настоятель посмелее, поумнее и побогаче...

В рассказ Хэлдира она поверила сразу и безоговорочно, хотя и задавала ему множество воп-

росов. Она вдруг поняла, что больше всего на свете хочет побывать на родине Севера. На таинственном Ак Сале, где происходят столь странные события, каким-то непонятным образом, похоже, коснувшись и ее. При этой мысли сердце девушки учащенно забилось, и она украдкой посмотрела на возлюбленного. Он о чём-то переговаривался со старцем, но, почувствовав на себе ее взгляд, обернулся, и Соня поспешила потупиться.

— Почему ты никогда не показывал мне свою Книгу Пророчеств? — вдруг спросила она.

— Я же тебе говорил, — оборвав свой разговор с Хэлдиром на полуслове, начал Север, — что у меня ее стянули... Ума не приложу — кто?

— Я постоянно удивляюсь тебе, — тряхнув медными кудрями, хмыкнула Соня. — Только чаще всего ты удивляешь меня своей чудовищной проницательностью, а иногда, вот как сейчас, например, своей младенческой наивностью.

Божак улыбнулся и развел руками, но старец в отличие от него всерьез заинтересовался словами девушки:

— Что ты имеешь в виду?

— Пифия стянула твою книжку, милый! Больше некому, — ласково, словно разговаривала с малым ребенком, пояснила Соня.

— Ну, не знаю... — возразил Север. — Я в этом совсем не уверен.

— Это потому, что ты чересчур порядочен, и это мешает тебе трезво смотреть на мир и правильно оценивать увиденное.

— И все равно не понимаю, о чем ты говоришь? — удивился Вожак. — Нет ведь никаких доказательств.

— Это потому, что ты не желаешь их видеть, как слепцы на твоей родине не видят надвигающейся беды, в которой ты не сомневаешься!

— Хорошо сказано, дочка! — рассмеялся Хэлдир. — Остается объяснить, что ты имеешь в виду.

— Эта девица, — Соня обернулась к старцу и теперь разговаривала только с ним, — мается недовлетворенной страстью к Северу. Наверняка в один из дней, когда он находился в отъезде, она приперлась к нему в комнату, уж не знаю, зачем, увидела кавардак на столе, надо сказать, он грешит таким недостатком, и ей неожиданно пришла в голову мысль позаимствовать что-то на память. Тут ей попалась на глаза книжица — лучше и не придумать! Почитывай стишкы и вспоминай любимого Севера. А может, она своим колдовским чутьем ощущила, что книжка не так проста... А может... — Соня задумалась, не зная, как получше выразить словами внезапно пришедшую в голову мысль. — Может, она и в комнату зашла из-за книги, хотя сама этого и не знала...

Север промолчал, лишь недоверчиво пожал плечами, в то время как Хэлдир задумчиво смотрел на Соню, теребя нижнюю губу.

— А ведь ты знаешь, — наконец заговорил старец, обращаясь к Северу, — мне кажется, что она права.

— Еще бы! — запальчиво выкрикнула девушка, радуясь неожиданной поддержке. — Она теперь узнает все ваши тайны!

Едва только она произнесла эти слова, как мужчины расхохотались, а Соня, надувшись, отвернулась.

— Ну, не сердись! — Север обнял ее за плечи и поцеловал в щеку. — Даже если ты права...

— Даже?! — воскликнула она, бросив на него возмущенный взгляд.

— Хорошо, — согласился он. — Ты права. — Девушка удовлетворенно кивнула, и Вожак продолжил. — Ничего она не узнает, кроме общих пророчеств, которые мало что ей скажут. А если и сообразит, как пользоваться книгой, то, быть может, и узнает что-то полезное, но только о себе.

— Интересно, а как она объяснит себе происхождение книги? — заметила Соня.

— Не имеет значения, — успокоил ее Хэлдир. — Такие вещи нередко попадают к тому, к кому должны попасть, но гораздо чаще — к совершенно случайным людям, чтобы с их помощью все-таки вернуться в нужные руки. Так что Север мог просто купить ее по случаю у одного из торговцев древностями.

— Ой ли? — недоверчиво протянула она.

— Точно, — заверил ее старец. — Меня другое тревожит, и хорошо, что вы заговорили о Халиме. — Он помолчал. — Помнишь свой рассказ о встрече со Странником во дворце Уру? — Соня кивнула, и Хэлдир продолжил. — Я не понимаю,

как мог забыть, что и Халима пыталаась примерно то же самое проделать с тобой!

— А ведь и верно,— прошептала девушка.— Но тогда получается, что они...

Она не закончила фразы, но все и так поняли, что воительница имеет в виду.

— Получается,— кивнул маг,— и ничего тут уже не поделаешь. И меня не столько тревожит, становится ли сильнее она, сколько то, что теперь о каждом вашем шаге известно Страннику. Ведь если он пытался и не сумел добраться до вас прежде, по одиночке, то, вполне возможно, теперь захочет свести счеты с обоими сразу. Не понимаю, почему он уже не сделал этого, особенно после того случая в Янайдаре.

— Быть может, что-то изменилось? — предположил Север.

— Что? Ты можешь сказать?

— По крайней мере, догадываюсь.

— Что же это?

— То самое происшествие в Янайдаре. Ты не задумываешься о том, что, быть может, и он интересуется древностями? Ведь он, видимо, постоянно поддерживал связь с Уру,— рассуждал Вожак.— Уру взаимодействовал с йезмитами. Пока планы находились в крепости ущелья Духов, мы мешали Страннику. Но когда нам удалось их выкрасть, убивать нас стало не просто бессмысленно, но и опасно: карты могли вообще потеряться!

— Может, ты и прав,— согласилась Соня.— В тот первый вечер, едва приехав, Странник тре-

бовал твоей казни, но на следующий день палец о палец не ударил, чтобы помешать нам бежать, хотя находился там же, на площади рядом с Уру.

— Просто побоялся снова с тобой связываться,— хмыкнул Север.

— Да ну тебя! — добродушно отмахнулась девушка.

— Плохо, что мы даже не догадываемся, кто этот Странник,— заметил Хэлдир,— но хорошо то, что знаем о его существовании. Конечно, не худо бы побольше выведать о его возможностях...

— Думаешь, мы с ним еще встретимся?

— Не сомневаюсь. Если до сих пор мы не ошибались в своих предсказаниях, то могу предположить, что он так же отправится в подземелье — вряд ли он доверится в этом деле Халиме.

Соня поежилась. Не от страха, нет. Но предстоящее путешествие и без того представлялось ей предприятием достаточно рискованным, а теперь оказывалось, что смотреть в оба придется не только вперед, но еще и каждый миг оглядываться, постоянно ожидая удара в спину...

— Теперь-то ты согласен со мной? — ни с того, ни с сего спросил вдруг Хэлдир своего молодого друга.

— О чём это вы? — насторожилась Соня.

— Он хочет идти с нами,— хмуро пояснил Север.

— За вами,— поправил его старец, подняв указательный палец.— Надеюсь, теперь-то ты понимаешь, что моя помощь окажется совсем не лишней?

— Я и прежде в этом не сомневался...— проворчал Вожак.— Только вот кто поможет тебе самому?

— За меня не беспокойся,— улыбнулся Хэлдир.— Я ведь маг, а хороший маг может, когда это необходимо, становиться невидимым для окружающих.

— Ты хочешь сказать...

Соня ошарашено посмотрела на старца, да так и не закончила фразы. Ей пришла в голову совершенно дикая мысль, что он может вот так просто взять и раствориться в теплом осеннем воздухе, а потом так же внезапно возникнуть в другом месте. Хэлдир, похоже, понял, о чем думает его гостья. Он улыбнулся и отрицательно покачал головой:

— Стать невидимым — совсем не означает сделаться прозрачным. Достаточно заставить окружающих не смотреть в свою сторону. Подумай, ты ведь и сама не единожды занималась именно этим например на охоте: пряталась в кустарнике, закрывавший тебя от дичи, старалась при этом не шуметь, учитывала направление ветра... Конечно, от человека спрятаться сложнее, особенно когда рядом нет укрытия, но для того ведь и существует магия...

— Слишком это опасно,— стоял на своем Север.

— Магия — всего лишь набор знаний, навыков и мудрости, проявляемых в определенной области,— пожав плечами, изрек маг таким тоном, словно не впервые уже повторял эту азбучную

истину.— А мудрость и состоит в умении верно оценить ситуацию и сделать правильный вывод — когда стоит действовать, а когда всякое действие бесполезно или даже вредно.

— Не знаю, не знаю...— не желал сдаваться Вожак.

— Послушай,— терпеливо продолжал убеждать его маг.— Ты воин, и тебе должно быть известно: чего ожидаешь, против того выстоишь. Зато боязнь неизвестного может отнять силу даже у самых храбрых и стойких! Ты знаешь — это не пустые слова. Занимайся своим делом, а мне предоставь позаботиться о Страннике и прочей колдовской дряни, что, быть может, попытается напасть на вас.

— Я думаю, позаботиться о прочей, как ты выразился, дряни — дело Халимы,— неожиданно заговорила Соня, и Север удивленно посмотрел на нее.— Стоило бы и этой белоручке хоть раз заняться чем-то полезным,— добавила она.— А если она и впрямь связана со Странником, а тот намерен поучаствовать в этом деле, пусть убедит его поработать на нас.

— Хорошо это у тебя получается,— заметил Вожак, посмотрев на свою подругу с невольным уважением.— Только вряд ли такое возможно.

— Ну, что касается Халимы,— поддержал девушку маг,— то, думаю, и впрямь стоит намекнуть Разаре, чтобы дала необходимые поручения своей помощнице. Раз уж она по доброй воле принимает в подготовке к предстоящему спуску такое деятельное участие, то пусть занимается

этим не ради удовольствия, а отвечает за что-то... К примеру, проследит, чтобы вниз не проник никто, кроме людей Логова.

Соня удовлетворенно кивнула, а Север неожиданно расхохотался, и девушка нахмурилась, не понимая причины его веселья.

— Представляю, как Пифия изумилась бы, узнай она, что предложение исходит от тебя! — отсмеявшись, заметил он. — Но ты права, — продолжил он уже серьезно. — Мне самому не нравилось, что она не обременена никакими обязанностями. Сил у нее хоть отбавляй, но, к сожалению, она направляет их не туда.

— Именно, — подтвердила Соня. — Она стремится вызнать все секреты, и я уверена, что ей ничего не стоит угробить всех нас, чтобы добиться своего.

— Мы помешаем ей, — пообещал Вожак. — Но в том, что касается Странника, я думаю, ты немного погорячилась. Не станет он стараться ради нас. Впрочем, мне кажется, что и в подземелье он не пойдет — зачем ему это? Проще подождать наверху и посмотреть, с чем мы вернемся.

— Тогда получается, если мы что-то найдем, он вполне может попытаться завладеть добычей, а заодно и расквитаться с нами?

— Именно по этой причине, — вновь заговорил старец, — мне никак нельзя оставаться в стороне.

Север недовольно поморщился, но возражать на этот раз не стал. Он прекрасно понимал, что

Хэлдир прав, но не мог заставить себя забыть об опасности, грозившей старику.

— Как ты собираешься противостоять тому, кто настолько силен, что творит с помощью магии, по твоим же словам, невозможное? — Вожак решил прибегнуть к последнему доводу.

— Не забывай, что Странник — вовсе не наш неведомый враг, а значит, и опасения твои несколько преувеличены, — усмехнулся на это маг.

— Правда, мы толком не знаем, на что он способен, но судя по тому, что он отступил от вас в Янайдаре, хотя Уру и не чинил ему препятствий, его силы не так уж и велики.

— Смотри не просчитайся. Он может оказаться одним из демонов, подпавших под власть нашего врага. А ты знаешь, что они коварны, злы и опасны.

— Ты прав, конечно. Готовиться следует к самому худшему. Обещаю поразмысльить об этом на досуге. А пока предлагаю прекратить этот бессмысленный спор. Я иду с вами и думаю, ты уже сам понял, что это необходимо. Давайте лучше поговорим о вас.

— Что ты имеешь в виду? — не поняла Соня.

— Мы ведь пришли из-за пророчества, и спуск в подземелье — последнее наше дело здесь. А жизнь учит тому, что слишком часто даже самые сильные из людей терпят неудачу, когда говорят: сделаю это в последний раз, и на покой.

— Это-то понятно, — поморщилась девушка. — Только я все равно не соображу, к чему ты клонишь.

— Кроме Странника от кого еще вы можете ожидать неприятностей? Например, я знаю, что Юрг погиб. А что, скажем, с Кучулугом?

— Он безопасен,— не задумываясь, ответил Север и тут же посмотрел на Соню, словно спрашивая, не поспешил ли с выводом. Но она кивнула, подтвердив его слова.— За последнее время он сильно изменился,— продолжил Вожак.— Разве что Халима попытается настроить его против Сони,— сказал он, но тут же сам отмел такое предположение.— Нет, не думаю. Гирканец, похоже, по настоящему влюблен в колдунью, но он не настолько глуп, чтобы позволить открыто командовать собой.

— Хорошо! — кивнул старец.— А что стало с Ханторэком? От вас я давно не слышал о нем. Не объявится ли он в самое неожиданное и неподходящее время?

— По правде говоря, я не знаю, что с ним,— смущенно признался Север, явно озадаченный вопросом о Глазе Логова, о котором и думать давно забыл.— После того как о его предательстве стало известно в Логове, он не возвращался. Признаться, меня это несколько удивляет: он, видимо, намного хитрее, чем мы думали.

— А может быть, он не только хитер, но и не так глуп, как казался?

— Думаю, теперь мы этого уже не узнаем,— ответил Север.— Но ты прав. Судя по тому, что мы до него так и не добрались, он довольно ловок. Неожиданно ловок,— подумав, добавил он.— Впрочем, ядовитые зубы мы ему вырвали,

так что он вряд ли сможет укусить, даже если захочет.

— Раненая змея опасна вдвое,— наставительно проговорил старец.— Вспомни,— обратился он к девушке,— что он рассказывал тебе о своих замыслах. И по твоей милости все рухнуло.

— Ну, тут он сам виноват.

— Вряд ли он согласен с тобой.

— Да не все ли равно? Мы ведь не знаем, ни где он, ни что с ним.

— Это плохо,— нахмурился Хэлдир.— Друзей не следует упускать из виду, а уж врагов и подавно. Ладно, пока забудем о Ханторэке,— недовольно проворчал он.— Все равно уже ничего не изменить. Кто у нас остается? Халима?

— Она не посмеет.

— Наоборот,— возразил стариk.— Она непременно попытается взять свое.

— Если она, действительно, сговорилась со Странником, значит, он пообещал ей нечто такое, чего она не могла получить в Логове. Подумай, поступится ли она возможным благополучием ради мести?

— Она могла попросить Странника и о другом,— заметила Соня.— Она наверняка понимает, что старухи, из которых состоит Малый Круг посвященных Ордена, просто не пустят ее туда до тех пор, пока она не превратится в такую же сморщенную жабу, как все они. А дожидаться, когда кто-нибудь из них умрет и освободит ей место, Халиме вряд ли хочется. И в этом я могу ее понять. Я бы, например, ни за что не согла-

силась сидеть в тихом болоте и наблюдать, как летит время, зная, что впереди десятки, а может, и сотни лет бессмысленного существования.

— И все-таки я уверен, что она не решится на отчаянный шаг. По крайней мере, пока вопрос с подземельями остается открытым — слишком явный интерес она проявляет к предстоящему походу.

— Ну что ж,— поды托жил Хэлдир.— Остановимся на этом, но я вас очень прошу: не расслабляйтесь.

— Постараемся,— поспешил успокоить его Вожак.— Чем ты займешься сейчас? — поинтересовался он.

— Хочу ненадолго вернуться на родину,— ответил старик и тут же счел нужным пояснить: — Не понравился мне наш сегодняшний разговор о Страннике. Нужно как-то обезопасить себя от него.

— Но как?

— Пока не знаю,— признался старец,— потому и ухожу. Думаю, стоит посоветоваться с друзьями.

— Смотри, как бы не стало известно ему!

— Не беспокойся.

Легкой рысью конь бежал по опавшей хвое, которая густым слоем покрывала землю. Иногда под копыто попадала сухая прошлогодняя шишка и с хрустом ломалась, сминаяемая тяжелой подковой. Вскоре впереди показалось заросшее

мхом и травой пепелище, на которое конь не обратил ни малейшего внимания. Всаднику же оно навеяло грустные воспоминания о славном прошлом. Именно здесь он несколько лет провел вдвоем с внучкой. Именно здесь он познакомился с рыжекудрой задирой, воинственной красавицей, еще не зная о том, что ей суждено стать верной спутницей Севера. И еще он подумал о том, что коварство ничтожного Ханторэка уничтожило это замечательное место. Человека во всех отношениях жалкого и, как они ошибочно считали, ни на что путное не годного.

Однако старик предпочел не останавливаться здесь и направил коня дальше. И всадник, и конь прекрасно знали этот край, а потому животное бездумно переступало копытами, а погруженный в размышления человек мерно покачивался в седле, и оба не смотрели по сторонам. Именно поэтому ни один из них не заметил затаившегося в ветвях существа...

Оно стояло на задних лапах и, пригнувшись, наблюдало, как медленно приближается всадник. Впрочем, так казалось только на первый взгляд. На самом же деле существо просто не могло выпрямиться из-за скрюченной в три погибели спины. Зато именно поэтому оно опиралось о землю руками, считая, впрочем, это очень удобным.

Подъехав совсем близко, шагов на десять, но так и не заметив незнакомца, конь начал взбираться в гору по едва заметной тропинке. Существо порадовалось, что ему удалось столь искусно

спрятаться, учтя все: и направление ветра, и падавший свет, так что даже прошедший совсем рядом конь не учゅял его. Хотя что с лошади взять — тупая тварь!

Само существо обладало разумом, но кем было на самом деле,— человеком или зверем — вряд ли кто сумел бы ответить. Словно некто решил превратить животное в человека, но, оставив дело на середине, бросил несчастного на произвол судьбы. А может быть, и наоборот, кому-то хотелось вернуть человека в звериное состояние, но умения или просто желания не хватило.

Наверное, само существо знало, что оно такое, но ему этих вопросов никто не задавал. Не в первый раз уже оно видело старика на коне и наблюдало за ним, глядя, как он то появляется, то исчезает, будто растворяясь в воздухе.

Несколько раз существо поднималось следом, но никаких признаков присутствия человека не обнаружило. Ни его самого, ни даже просто запаха, по которому можно выследить путника. И тогда существо рычало от злости и злилось на весь мир. Такая игра в прятки ему очень не нравилась. Однако оно знало и о том, что в мире кроме вещей, которые можно потрогать, понюхать и полизать, есть и такие, которые невозмож но ощутить никакими органами чувств. Те странные вещи создает магия. При мысли о ней существо начинало плеваться и злобно скалиться, потому что лично сталкивалось с этими страшными и непонятными силами. Потому что именно они сделали его таким.

Однако на сей раз существо заставило себя успокоиться. Ему показалось, что оно наконец-то сообразило, что делает старик, когда поднимается на плато, и сердце неведомого создания тревожно забилось в предвкушении скорой разгадки давно мучившей его тайны. Оно все-таки смогло разглядеть, что всадник старательно огибает снаружи, казалось бы, беспорядочно разбросанные на склоне камни. Быть может, это и не значило ничего, но чутье подсказывало, что это не так. О том, что сулит разгадка тайны, существо пока не задумывалось. Оно просто знало, что ему нужно разгадать эту тайну, и как можно скорее. Тем не менее существо дождалось, пока, достигнув вершины, старец опять не растворился в воздухе, и только тогда вышло из-под защиты густых ветвей.

Солнечный свет скользнул по уродливому телу и, словно не желая выставлять себя на показ, неизвестный шагнул в тень, хотя длинный, до пят, плащ скрывал его тело, а накинутый на голову капюшон — лицо. Существо настороженно осмотрелось и, убедившись, что все спокойно, зашагало вперед — сперва по примятой конскими копытами хвое, а затем — по не успевшей еще расправиться траве склона.

Существо хорошо запомнило путь, по которому шел конь. К тому же запах, на который оно прежде не обращало внимания, подтверждал, что оно идет правильно. А ведь обычно странное создание начинало искать след только на самом верху, когда неожиданно теряло всадника из

виду. И подгоняемое нетерпением, оно шло вперед странной походкой, словно при каждом шаге подбирало с земли по камню. Вот наконец и последний каменный столб. Поняв, что восхождение почти завершилось, существо невольно обернулось и увидело лес, затянутый странной, полупрозрачной дымкой, походившей на жаркое марево, что поднимается обычно над раскаленной пустыней.

“Ну и пусты!” — решило существо и зашагало дальше, даже не задумавшись о том, что если предположения его верны, то, быть может, дорогу назад отыскать окажется стократ сложнее.

Самым важным для существа было то, что она появлялась здесь, и неоднократно. А значит, если он затаится и все хорошенько продумает, то, вполне вероятно, не все еще потеряно...

Зима пролетела на удивление быстро. Дел хватало и у Вожака с его Телохранителем, и у Пифии, и у владычицы. Тем не менее все с нетерпением ждали весны. Едва снег сошел, землекопы расчистили место, а каменотесы начали рубить плиты перекрытия. Действовать приходилось осторожно, постоянно проверяя, в каком состоянии находится преграда, чтобы не расколоть гигантскую плиту, перекрывавшую доступ в подземелье. Однако опасения оказались напрасными. Примерно через седмицу работы, не прекращавшейся ни днем, ни ночью, долото одного из каменотесов провалилось в пробитое отвер-

стие. Все работы тотчас приостановили, а отверстие забили пробкой.

Гонец тут же помчался с донесением в Логово — Вестниц Разара почему-то в этом деле не использовала. И на следующее же утро Халима отправилась туда, но не одна, а в сопровождении сотни воинов, которым предстояло встать лагерем вокруг раскопа. Переход должен был занять две седмицы вместо пяти дней, за которые всадник преодолевал то же расстояние.

На вторые сутки Пифия не выдержала и отправилась верхом вперед, взяв с собой двух арбалетчиков, да и то лишь для того, чтобы избавить себя от забот, связанных с устройством ночлега и добычей пищи.

Пограничное Королевство миновали без приключений и на последнюю ночь остановились в первом же лесу на северных рубежах Немедии. Конечно, в тот день они вполне могли добраться и до лагеря, но в этом случае начало ночи пришлось бы провести в седлах, и Пифия предпочла отдохнуть, чтобы на место прибыть к полудню. Пока ее люди ставили для нее шатер и собирали хворост для костра, она пошла прогуляться. Подумать было о чем. В последнее время она очень тесно общалась с Тенью Темного Владышина, иногда по три, а то и четыре раза за седмицу встречаясь с ним. Не сказать, чтобы это было так необходимо, просто колдунья пыталась сблизиться с таинственным владыкой, и, надо сказать, не без успеха. Ее замысел оказался верным. В голосе Тени пропали покровительствен-

ные нотки, он стал менее высокомерен, и если их отношения и не стали дружескими, то лишь потому, что слишком мало времени прошло с первой встречи.

Сейчас Халима думала именно об этом. Как ни странно, всякий раз, когда ей приходилось заниматься чем-то связанным с подземельями, мысли ее замыкались на Темном Властелине, и наоборот — размышляя о нем, она тут же вспоминала о подземельях и древних предметах, спрятанных под развалинами разрушенного города. Но самой Пифии это вовсе не казалось странным. Ведь вспоминает же она о рыжей стерве, едва лишь завидев Севера, а стоит ей хоть услышать о Соне, как мгновенно она начинает думать о Вожаке.

Правда, мысли об искусной игре приходили ей в голову, но, как и всякий самоуверенный игрок, Халима считала, что именно она ведет партию, медленно, но верно устанавливая с Темным Властелином отношения на равных.

Она даже гордилась собой, особенно потому, что прекрасно понимала: до сих пор она не оплатила и сотой части того, что получила от Темного Властелина, вытребовав у Тени многочисленные умения и способности, которыми не обладала прежде. Она бесконечно требовала и тут же получала. Получала и требовала. И вновь получала.

Впрочем, в последнее время Тень все чаще напоминала ей, что умения и силы даются не просто так — дар придется отрабатывать. И все-таки Халима не сомневалась, что переигрывает

Темного Властелина. Именно эту приятную во всех отношениях мысль смаковала она, прогуливаясь по лесу. Она чувствовала прилив сил, как всегда перед интересным и желанным делом. Хорошее настроение — такая редкость в последнее время — не покидало ее уже второй день. Быть может, именно потому, что радость и беспечность часто сопровождают друг друга, она не сразу заметила среди молодых деревьев высокого незнакомца, облаченного в длинный серый плащ с капюшоном.

Лишь очутившись в двух шагах от чужака, Халима почувствовала чужое присутствие и от неожиданности остановилась. Как ни странно, хорошее настроение не покинуло ее. Она даже мысленно похвалила себя за то, что ее чутье нисколько не притупилось, а стало даже намного остree.

Она остановилась и с интересом посмотрела на незнакомца, но ничего особенного в нем не разглядела. Самый обычный темный плащ — такие вещи носят люди, которые не хотят, чтобы их разглядывали. А этот человек явно желал оставаться неприметным, он и поджидал Пифию, стоя в глубокой тени.

Халима остановилась и высокомерно спросила:

— Кто ты и что здесь делаешь?

В ожидании ответа Пифия пристально посмотрела на незнакомца, почему-то не сомневаясь, что это мужчина, и только тут сообразила, что не видит лица в темном провале капюшона,

как, впрочем, не может разглядеть ни его рук, ни ног. Она вздрогнула и повторила вопрос:

— Ты глухой? Я ведь тебя спросила, кто ты и что здесь делаешь.

Халима повысила голос, чтобы привлечь внимание своих людей, хотя и понимала, что тревогу бить еще рано — просто хотела показать незнакомцу, что она здесь не одна. Человек в сером плаще не проронил ни слова, и колдунья почувствовала, как заколотилось в груди сердце, как зарождается в душе тревога. Такого с ней давно не случалось.

И в то же время она ощущала волну раздражения — да кто он такой, в конце концов?! Злость оказалась сильнее волнений, и Пифия собралась уже наказать дерзкого, когда вдруг услышала низкий шепот, показавшийся ей неожиданно знакомым, хотя она и готова была поклясться, что такого голоса не слышала прежде никогда.

— Ты все так же несдержанна... — снисходительно заметил незнакомец, поднял наконец голову и посмотрел на молодую женщину, которая против воли застыла на месте, не в силах пошевелиться.

Капюшон был пуст! И только два черных глаза внимательно глядели на колдунью. Но они не излучали свет и не отражали его, а впитывали, поглощали! Поняв, кто перед ней, колдунья, преодолев оцепенение, в ужасе отрянула.

— Я вижу, ты меня узнала... Наконец-то! — заметил незнакомец, и в его тихом голосе, про-

звучавшем, как далекий камнепад, явно послышалась вполне человеческая ирония.

— Темный Властелин? — Побелевшие губы Пифии с трудом выговорили это имя. — Но ты... Ты говорил, что не можешь проникнуть в наш мир.

Она понимала, что должна сказать что-то другое, что нужно взять себя в руки, но ничего не могла с собой поделать.

— А меня и нет здесь! — хохотнул незнакомец, и рокочущий смех его прокатился по поляне.

Этот странный смех помог Халиме окончательно прийти в себя.

— Кого же я вижу перед собой? — сдержано спросила она, ругая себя за невольную слабость.

— Зови меня Странником, — представился человек в плаще. — Если хочешь, считай, что я тень Тени в вашем мире или одна из ипостасей Темного Властелина, который, как ты верно заметила, действительно не может проникнуть сюда.

— И все-таки, я не совсем понимаю, как тень может отбрасывать тень?

— Тогда тебе просто придется поверить мне на слово, что это возможно. Впрочем, быть может, ты и права, и Тень — связующая нить двух моих воплощений: физического на Ак Сале и ее магической копии здесь, в Хайбории. Впрочем, я здесь не затем, чтобы отвечать на твои вопросы. Ты покинула Логово, и, если я верно понимаю причину...

— Все правильно... — перебила его Халима, вполне уже овладев собой и горько сожалея о

том, что позволила себе поддаться невольной слабости.— Мы отыскали нужное место и даже сумели пробиться через преграждающий путь камень. Я еду для того, чтобы в последний раз проверить — то ли мы нашли или следует продолжить поиски.

— Можешь не беспокоиться,— убежденно вымолвил Странник.— Вы пробились именно в подвал дворца Магов. Как только я узнал, что ты начала время от времени покидать свое убежище в горах, тут же тронулся в путь, чтобы повидаться с тобой лично и еще раз все уточнить.

— Я помню,— кивнула Халима,— что трон Крови тебя не интересует.

— Его магия изначально порочна, ибо, защищая, убивает тех, кого защищает,— напомнил Странник.— Именно поэтому Ахерон пал, и, если в Гиперборее этого до сих пор не поняли, их ждет такая же участь.

— Но ведь и тебе что-то нужно в подземельях... — досадливо поморщилась колдунья.

На самом деле она и сама считала, что именно трон Крови — ключ к мировому господству. Разъяснения же Странника неприятно настораживали. Пренебрежительный отзыв о святыне ее раздражал.

— Верно, нужно,— кивнул Странник,— но не трон. Найдешь его, отдай своим слабоумным владычицам.— Он усмехнулся.— Прожитые годы обычно одаривают человека мудростью... Аухи, похоже, они даровали лишь старческое слабоумие.

— Так что же тебе нужно? — сухо повторила свой вопрос темноволосая красавица.

— Мне нужно, чтобы Север не получил того, что ищет!

На сей раз Странник высказался вполне определенно, и голос его прозвучал жестко и решительно.

“Ого! — подумала Халима.— Дело-то, похоже, принимает крутой оборот! Интересно, чем Север сумел так досадить таинственному Темному Владычины?”

— Что же он ищет? — стараясь не выдать свое волнение, поинтересовалась она.

— Я не могу сказать тебе об этом, пока мы здесь,— немного подумав, ответил Странник.— Вот когда ты станешь моей гостьей — другое дело,— со значением произнес он.

Сердце колдуньи вновь тревожно забилось — вот оно что! Она совершенно равнодушно относилась к знакам мужского внимания, которые изредка осмеливался оказывать ей то один, то другой из обитателей Логова. Она привыкла решать и выбирать сама, и никто, кроме Севера, еще никогда не отвергал ее.

— Как же я узнаю, что он нашел нужную тебе вещь? — спросила девушка.

— Ты и не узнаешь об этом.

— Тогда как...

— Ты должна позаботиться о том,— перебил ее Странник,— чтобы все связанное с магией попадало только в твои руки. А из них — только в мои.

При этих словах его глаза, похожие на два бездонных провала, впились в нее леденящим душу взглядом, и Халима поняла, что сделает это, чего бы то ей ни стоило. И тем не менее, поборов охвативший ее страх, она сочла возможным спросить:

— Но как я это сделаю?

— Ты должна будешь вытребовать у Разары право хранить у себя все найденное до возвращения.

— Но ведь я могу просто не увидеть, что кто-то утаил находку, — вполне справедливо заметила девушка. — Под силу ли одному уследить за всеми?

— Возьми, — ответил Странник, протягивая к ней руку. — Эта вещь позволит тебе почувствовать, когда рядом окажется наделенный магической силой предмет. — В протянутую ладонь девушки упала круглая бронзовая заколка, украшенная незатейливой резьбой. Выглядела она скромно, но отнюдь не безвкусно, и Халима удовлетворенно кивнула. — Так что гляди в оба. И помни: пусть лучше что-то исчезнет, нежели попадет не в те руки.

— Но как я смогу это сделать? Как только Разара узнает, что я передала ей не все, мне не сносить головы!

— Ты должна вернуться одна, — равнодушно пояснил Странник. — На обратном пути уничтожь тех, кто сумеет выжить... Мертвые тебя не выдадут. Два года я дарил тебе знания и силы — настало время платить!

— Но Север! — едва ли не простонала она.

— Я помню о нашем уговоре, — насмешливо заметил Странник. — Он твой, но вернуться не должен и он. Так что поторопись, если хочешь заполучить его!

— Ты вовремя вспомнил об уговоре, — собравшись, заметила Халима. — Помимо права на Вожака и силы, которую ты мне даровал, чтобы осуществить свои же замыслы, ты обещал перенести меня в свой мир. Как насчет этого?

— Я же сказал, что все помню! В подземельях ты найдешь Черного паука и сплетенную им из нитей сгустившейся тьмы паутину. Забери и то, и другое, но помни: взять паука в руки можно только после того, как он закатает себя в кокон. Паук — мое творение. Он помнит дорогу назад и приведет тебя ко мне.

— Но ты ведь сказал...

— Я ничего не забываю, но я ни словом не обмолвился о том, что из вашего мира нельзя попасть в наш! Это не одно и то же.

— Ничего не понимаю... — неожиданно призналась колдунья. Долгие луны она пыталась держаться с ним на равных, а теперь вдруг с удручающей ясностью поняла, что все это время занималась простым самообманом...

— Ты еще так молода, — тихо произнес он, — но уже сильна. Иногда мне даже кажется — слишком...

— Так ли это? — усомнилась Пифия.

Она вновь вспомнила позорное, как ей самой казалось, поражение от шадизарской девки, о

котором упорно, но тщетно старалась не вспоминать.

— Так, уж ты поверь мне.

— Но как же тогда она сумела?

— Она застала тебя врасплох. Это скверно, и в то же время принесло немалую пользу.

— Пользу?!

— Конечно,— кивнул Странник, умолчав о том, извлек ли он сам пользу из такого же поражения.— Если испытания не убивают, они делают нас сильнее. Это сказал не бог, но мудрец. Та, кого ты так ненавидишь, действительно оказалась сильнее, но пользы от вашего с ней столкновения ты получила больше, чем она.

— Я-то думала, что магия... — с горечью начала Халима, но Странник не позволил закончить ей мысль:

— Магия — всего лишь оружие, которым ты не сумела воспользоваться. Но ты победишь, если станешь действовать обдуманно. Постарайся, чтобы тот урок не пропал для тебя даром,— пророкотал он.

— Уж я постараюсь,— злобно ответила колдунья.— Иногда мне кажется, что я живу лишь мечтой загнать ей иголки под ногти!

— Это плохо,— изрек Странник.— Жажда мести заставляет деятельнее работать ум, но месть не должна овладевать нами безраздельно, иначе крах неизбежен. Возьми же себя в руки — время свершений близится, и ничто не в силах его остановить. Помни: твое пребывание здесь подходит к концу. Ты и твои враги спуститесь в

подземелья, но вернешься только ты. Вернешься затем, чтобы навсегда покинуть этот мир.

Слова прозвучали несколько напыщенно, но в голосе говорившего чувствовались сила и уверенность, и молодая колдунья медленно кивнула, одновременно кланяясь и показывая, что вполне согласна со всем сказанным, а когда подняла голову, то никого не увидела. Лишь примятая трава на том месте, где стоял Странник, свидетельствовала о том, что он не привиделся ей.

Оставшись в одиночестве, Халима некоторое время стояла на месте, осмысливая разговор. Встреча с тем, кто за последние два года так сильно изменил ее жизнь, была для нее полной неожиданностью. Теперь, когда прежние обещания пусть еще и не воплотились, но начали обретать черты реальности, она наконец всерьез задумалась о том, как дальше сложится ее жизнь. Ясно как день, что в Логове ее не ждет ничего, кроме пусть сытых, но скучных, однообразных будней. Еще три-четыре года назад она мечтала о грядущем величии, совершенно упуская из виду, что никто не допустит ее до власти до тех пор, пока она не превратится в сморщенную седую жабу, подстать остальным членам Малого Круга. А к чему ей тогда величие?! Она усмехнулась. Нет! Жизнь хороша, пока ты молод и полон сил! Какое счастье, что она поняла это вовремя.

За последние годы она открыла для себя несколько маленьких житейских правил, которые пришли ей по нраву. К примеру, порвав с Ханторэком, поняла, что делить постель стоит

только с тем, с кем можешь почувствовать свое тело. Правда, и Кучулуг, без сомнения, скорее, был могучим самцом, а не трепетным любовником, но Халима никогда не задумывалась над тем, что любовь — это нечто большее, чем просто плотские наслаждения. Так или иначе, но Пифия считала, что с личной жизнью у нее все в порядке, а чувству, которое она испытывала к Северу, прекрасная гирканка не находила названия, да и не очень-то его и искала. В конце концов, и Ханторэк когда-то пробуждал в ней некоторое сладостное томление. Вспомнив о Глазе Логова, Пифия усмехнулась: интересно, как он сейчас выглядит? Заклятие-то было не из слабых. Она расхохоталась и только тут вспомнила, что уже пора возвращаться.

Итак, Странник ясно дал ей понять, что Темный Властелин от слов своих отступать не намерен и того же ждет от нее. Жаль, конечно, что с Севером у нее так ничего и не получилось, но еще есть время, а то, что проклятая рыжая дрянь сдохнет вместе со своим возлюбленным, почти примирило Халиму с неизбежной смертью Вожака. О судьбе же Кучулуга она вообще ни разу не задумалась... Да и к чему? Скоро она покинет Хайборию, для нее начнутся совсем иные времена, особенно если она правильно поняла намек Странника.

* * *

До места Пифия добралась лишь к полудню следующего дня. Пожилой зингарец Кардо, кото-

рый возглавлял сначала поисковые, а после и все земляные работы, подбежал к ней и согнулся в почтительном поклоне:

— Как добралась, госпожа?

— Сносно,— капризно сморщилась она, бросила поводья подбежавшему воину и, опершись на руку зингарца, легко спрыгнула на землю.— Надеюсь, я приехала не зря?

— Ручаюсь, что нет, госпожа,— поспешил заверил ее мастер.— Это наверняка подземелье, хотя и не знаю, то ли, что мы ищем. И оно населено.

— Кем? — резко спросила колдунья. Чего-чего, а уж этого она никак не ожидала.

— Кто знает? — развел руками смуглый южанин.— Кто знает...

— Узнаем! — высокомерно кивнула красавица.— Веди меня.

Они взобрались на вершину пологого холма. Рабочие почтительно расступались перед ними и отвешивали гостью поклоны. Оказавшись наверху, Пифия прямиком отправилась к раскопу. На глубину десяти локтей пришлось выбрать всю землю, прежде чем удалось докопаться до гигантской гранитной плиты, служившей перекрытием.

Как и распорядился Север, землекопы выбрали землю ровно настолько, чтобы одна из плит обнажилась полностью. Такая предосторожность позволила им правильно выбрать место, чтобы пробить лаз. Проржавевшую стальную дверь, выглядевшую сейчас огромной ржавой болячкой, а

когда-то служившую входом, решили не трогать, прикинув, что проще и быстрее пробить новое отверстие.

Огромная яма почти в два человеческих роста глубиной имела длину не меньше двадцати локтей и ширину десять. Землю тщательно убрали, а дно вымели, так что темно-бордовая, усеянная черными точками плита целиком открывалась взгляду. Посередине виднелся пролом размером с обыкновенную дверь. На дно ямы вела крепкая лестница. Взявшись рукой за перила, Халима спустилась к пролому, за которым находился вход в неведомый мир.

Работали каменотесы аккуратно. Они прорубили канавку с ровной внешней и небрежной внутренней стороной, которая не имела никакого значения, ибо центральная часть плиты все равно должна была рухнуть вниз. "На головы хозяев!" — усмехнулась Халима и взглянула на место, где кому-то из каменотесов удалось пробиться насовсюз. Из небольшого отверстия торчал намертво вбитый каменный клин.

— Я прикажу протолкнуть его внутрь, — засуетился мастер, — чтобы ты могла определить, то ли это место.

— Ни к чему, — не оборачиваясь, ответила Халима. — Лучше вели принести мне что-нибудь, на чем я могла бы сидеть.

Услышав топот ног, она подумала, что, вероятно, не меньше половины эзеков бросились к шатрам, и невольно подняла голову. Все, кто находился в лагере, собирались наверху и теперь

стояли молча и смотрели на черноволосую красавицу.

— Просто не представляю, — заговорил зингарец, — как эти плиты сюда укладывали.

— Где сил человеческих не достает, там помогает магия, — надменно ответила колдунья, и Кардо, собиравшийся поболтать с именитой гостью, умолк: такой тон не располагал к приятной беседе.

Тем временем принесли скамью и, убедившись, что колдунье никто не нужен, зингарец удалился, подумав при этом, что лучше бы высокая гостья оказалась чуточку менее красивой, зато более приветливой.

Халима опустилась на скамью и, хотя не могла при посторонних принять свою излюбленную позу, от окружающего мира отрешилась без труда. Ее вовсе не смущали обращенные на нее взгляды людей, которых она и людьми-то не считала. Так... умеющие разговаривать животные... "Как те, что копошатся внизу", — подумала она через мгновение, с удивлением обнаружив, что по ту сторону гранитной плиты обитают многочисленные, пока еще неизвестные существа.

Колдунья попыталась сосредоточиться и определить, кто прячется там, в темноте, да так и не смогла. Ей казалось, что все пространство, насколько обширным оно бы ни было, заполнено созданиями, ни мгновения не сидящими на месте. Словно там плескалось бескрайнее море, которое наполняет не вода, а сплошная однородная

и, несомненно, живая масса. Это так изумило Пифию, что она встряхнула головой, прогоняя возникший образ, и вновь сосредоточилась, надеясь, что вторая попытка даст иные результаты. Однако все оказалось напрасным. Плескавшееся внизу живое море нисколько не изменилось.

Этого не может быть! Халима вздохнула, открыла глаза и, к счастью своему, вспомнила, что не зря дворец, на руинах которого они сейчас находятся, назывался прежде дворцом Магов. Наверняка в стенах его до сих пор сохранилась такая магическая сила, что сквозь ее завесу разглядеть что бы то ни было просто невозможно.

Солнце по-прежнему ярко светило, а люди, стоявшие наверху, все так же вопросительно смотрели на Пифию.

— Это то, что мы искали! — провозгласила Халима, вставая, и люди вздохнули с облегчением.

Все хорошо помнили долгие напрасные поиски и вполне естественно опасались, что их придется возобновить. Слова же гости означали, что тяжелая, однообразная работа закончена.

— Сколько понадобится времени, чтобы пробить оставшийся слой? — спросила Пифия у мастера.

— День, — не задумываясь, ответил тот.

— Хорошо, — кивнула колдунья. — Отряд прибудет не раньше чем через седмицу. Тогда и попробуем спуститься туда, а пока займитесь изготовлением лестниц, ну и... — Она задумалась на мгновение. — Что там еще может понадобить-

ся? Сам знаешь. Остальные могут отдохнуть. — Она направилась прочь, но тут же обернулась: — Да, прикажи поставить мой шатер... Но только не на солнцепеке.

Кардо согнулся в почтительном поклоне, всем своим видом показывая, что все понял как надо и госпожа может не волноваться.

* * *

Седмица минула совершенно незаметно. Кучулуг прибыл со своими людьми на день раньше, чем рассчитывала колдунья. Он также осмотрел гигантскую плиту и тоже подивился, какой силой обладали древние мастера.

Прибывшая вместе с ним сотня арбалетчиков мгновенно забыла о тяжелом переходе. Смешавшись с землекопами и каменотесами, они сгрудились наверху, негромко переговариваясь. Кто-то крикнул:

— Нечего ждать! Нужно пробиваться прямо сейчас!

И остальные одобрительно загудели.

Люди нетерпеливо обменивались мнениями. Они походили на искателей приключений, которые заполучили в свои руки древнюю карту и после долгого путешествия, бед и лишений наткнулись наконец на заброшенный храм, полный несметных богатств. И вот теперь не знают, что делать: и отдохнуть вроде хочется, и сокровища манят.

Кучулуг поднял руку, и все умолкли, ожидая, что он скажет.

— Прекратите шуметь,— произнес он неспешно и негромко.— Никто никуда не полезет до тех пор, пока все не отдохнут и не наберутся сил. Мне не нужны покойники. Мне нужны результаты.

Все сразу поняли, что спорить бессмысленно. За последний год Кучулуг стал намного более уважаемым человеком, чем когда-либо прежде. Он теперь руководил той частью жизни Логова, которая раньше находилась в ведении Севера. Никто, конечно, не лишал Вожака ни его прав, ни его обязанностей, но он и его Телохранитель появлялись в Логове все реже и оставались там совсем ненадолго.

Дел прибавилось у всех, а заданий, с которыми могли справиться лишь Соня с Севером, оказалось неожиданно много.

— Тондор! — чуть повысив голос, распорядился гирканец.— Отправь десяток лучников в лес. Все голодны, да и вином что-то запивать нужно,— усмехнувшись добавил он, давая понять, что не прочь отметить сей знаменательный день.

Ответом ему послужил одобрительный гул голосов, совершенно заглушивших команды десятника, который выкрикивал имена охотников.

— Зачем все эти вольности? — нахмурилась Халима. Она не любила такие сборища.

— Люди радуются,— ответил великан, привлекая ее к себе.— Разве тебе не приятно?

— Мне совсем не хочется сидеть с ними,— брезгливо поморщилась она.— Напиться они в состоянии и без меня.

Она посмотрела на него томным взглядом, и Кучулуг кивнул, с сожалением думая о том, сколько выпьют без него, но с радостью — о том, что получит взамен.

— Немного все-таки придется посидеть,— заметил он.

— Хорошо,— сдалась колдунья,— но не дольше чем до третьего кубка.

Кучулуг улыбнулся ей, похвалив себя за то, что не оставил в Логове походный кубок, вмешавший полную четверть, и отправился за луком и стрелами — как бы там ни было, а он любил охоту и не собирался упускать возможности немного развлечься.

* * *

Охотники возвращались попарно, неся на плечах кто косулю, кто оленя или олененка, а кто и кабана. Не всякого зверя человек мог принести в одиночку, и тогда приходилось срубать молодое деревце и, подвязав к нему за ноги добычу, тащить ее в лагерь вдвоем. Возвращавшихся охотников встречали восторженными криками и тут же подносили добытчикам по кубку крепкого вина.

Ношу мгновенно подхватывали и относили ее на край поляны, где уже вовсю кипела работа. Лучшие куски мяса вырезали на жаркое, остальное предстояло закоптить в наспех сооруженной, но вполне пригодной для дела коптильне.

Наконец появился и Кучулуг, который один тащил на спине огромного кабана. Посыпалась

уважительные возгласы ветеранов и гул одобрения новичков. Собравшиеся здесь мужчины знали толк не только в военном деле, но и в охоте, без которой в походе не проживешь, и поэтому каждый с первого взгляда оценил добычу гирканца по достоинству: зверь явно превосходил охотника весом, и тем не менее гигант шагал пружинистой походкой, словно возвращался налегке.

Он сбросил тушу на руки двум подскочившим воинам, и те, не рассчитав силы, повалились на землю, сбитые с ног неподъемной тяжестью. Все расхохотались, а Кучулуг принял из рук виночерпия чашу с вином и жадно приник к ней, при этом лицо его оставалось серьезным, хотя глаза смеялись.

— Ну и пополнение! — веселились старшие товарищи. — Как же вы в атаку пойдете, коли на ногах не держитесь?!

— Скверная привычка: чуть что — падать на спину, как продажная девка! — выкрикнул кто-то.

Сконфужено улыбаясь и бормоча под нос проклятья, Прибылые с трудом выбирались из-под тущи.

— Сами бы попробовали... — начал было один из них, но тут же умолк под градом посыпавшихся на него насмешек.

— Во времена Отбора такого бы не случилось, — заметил Тондор, качая седой головой.

Он смотрел на пару воинов постарше, решивших наконец прийти на помощь неудачникам,

но и вчетвером они смогли лишь волоком оттащить добычу к месту разделки. Сказал он это негромко, так что слышал его один Кучулуг. Гирканец вмиг посерезнел. Он хорошо помнил те времена, когда Прибылые назывались Потслушниками и попадали в стены Логова, только пройдя Смертельный Отбор.

Он и правда был смертельный, ибо выдерживали его единицы. Надо было обладать невероятной ловкостью, смекалкой и силой, чтобы преодолеть все препятствия и оставаться в живых. Но и тех, кто проходил испытания, впереди ждали лишь бесконечная муштра, жесткая дисциплина и суровые наказания за малейшую провинность. Все изменилось, когда в Логове появился Север, неожиданно быстро сумевший обойти его, Кучулуга, в борьбе за лидерство. Именно он изменил не только взаимоотношения и систему отбора, но и вообще всю внутреннюю жизнь Логова. Правда, и ему удалось сделать это не сразу, но все равно если бы не он, не видать бы новичкам сейчас такой свободы.

— Брось, старина, — так же негромко заметил Кучулуг. — Ты ведь не думаешь на самом деле так, как говоришь.

— Конечно, не думаю, — вздохнул тот, — но гонять сопляков все-таки следует побольше, а то их скоро ветром сдувать начнет.

— Так они ведь воры, а не воины, — резонно заметил гирканец. — Их дело — вскрыть замок, забрать вещь и незаметно скрыться. С врагами они должны не сражаться, а прятаться от них...

Даже за стволом молодой сосны, если иного выхода не будет.

— Трепло! — хмыкнул старик.— Раньше ты не был таким.

— Все мы меняемся,— равнодушно пожал плечами Кучулуг и направился на край поляны, где его добычу уже выпотрошили и теперь заканчивали свежевать.

Он жестом остановил разделящиков и, взяв из рук одного из них остро отточенный нож, отрезал изогнутый кабаний хвост у самого основания. Люди замерли, с удивлением глядя на него, а Кучулуг встремхнул завитый в спираль отросток и, любовно разгладив кисточку на его конце, заткнул его сзади за пояс так, что он оказался практически на "своем" месте.

— Наконец-то я чувствую себя в безопасности,— изрек он, окинув насмешливым взглядом притихших воинов.— Если его сородичи собирались отомстить за убийство вожака, то теперь наверняка примут меня за своего! — Он согнулся в пояснице и покрутил задом.

Его люди — простодушные воины, большинство которых составляли молодые парни — разразились громким хохотом, и лишь наблюдавшая за этой сценой Пифия брезгливо поморщилась, но гримасы ее не видел никто.

Вскоре дрова затрещали, и одуряющий аромат жаркого повис над лагерем. Даже Халима, почувствовала, как голод начинает вытеснять раздражение, но участвовать во всеобщем веселье по-прежнему не собиралась.

— Когда же мы спустимся? — спросил молодой воин, когда сто с лишним крепких мужчин расположились вокруг огромного костра и утолили первые жажду и голод.

— Кто знает? — задумчиво ответил Кучулуг, отрываясь от жаркого, и вытирая тыльной стороной ладони измазанные жирным соком губы.— Быть может, тебе известно больше? — повернулся он к Халиме.

Услышав обращенный к ней вопрос, колдунья оторвалась от еды. В отличие от окружающих она не вгрызалась в мясо, а использовала пару остро отточенных стилетов, удивительно ловко обращаясь с ними.

— Мне трудно ответить определенно,— негромко заговорила она, и все замолчали.— Подземелья населены настолько густо, что через толщу камня я даже не сумела "разглядеть" отдельные существа, зато волну недобрых чувств уловила.

— Волну недобрых чувств?.. — удивленно повторил вслед за ней Кучулуг, явно собираясь пошутить на сей счет, но, встретившись с возлюбленной взглядом, промолчал.

— Нас там ждут, — все так же негромко, но неожиданно жестко произнесла она.— И я хочу, чтобы все поняли это. Особенно те, кому вскоре предстоит спускаться.

Пифия обвела всех присутствующих ледяным взглядом прекрасных глаз, и каждый, на ком он останавливался, невольно чувствовал холодок неуверенности, против воли возникавший где-то

глубоко внутри. Веселье само собой утихло, а разговоры перешли в иное русло. Кто-то заговорил о страхе смерти — главной опасности, подстерегающей смельчаков в подземелье.

— У нас, в Гиркании, мальчиков, которым предстоит стать в будущем воинами, с детства учат презирать смерть... — Кучулуг замолчал, и все терпеливо ждали продолжения. — Конечно, в полной опасностей жизни воина всякое может случиться, но даже побежденный не должен выказывать страх...

— Не должен был, — с печальной улыбкой поправил его Тондор.

— Верно, — кивнул Кучулуг. — Времена нынче не те... И все-таки напрасно ты думаешь, что настоящие воины перевелись.

Некоторое время все молчали, словно каждый мысленно примеривал на себя блестящие доспехи бесстрашного воина, пока тот же человек, что первым упомянул о страхе, не заговорил снова:

— Ну а в других странах как?

— Еще дальше на востоке, в Вендии, а более того в Кхитae, мудрецы считают, что человек уже мертв, хотя и думает, что он жив. На самом же деле смерть всего лишь освобождает от бренной оболочки и знаменует истинное рождение.

— И там верят в эту ерунду? — спросил тот же голос.

— Верят, — пожал плечами Кучулуг. — Не все, но многие. Зато те из воинов, кому удалось проникнуться верой, уже не боятся погибнуть в бою.

— Не хотел бы я столкнуться с бандой таких уродов, — насмешливо заметил кто-то, и все рассмеялись.

— Это пострашнее, чем ты думаешь, — мрачно ответил гирканец, и все поняли, что ему-то довелось встречаться с восточными убийцами. А он, в свою очередь, догадался, что мысли его — ни для кого не секрет. — Я не боюсь смерти, но и умирать не хочу, особенно если защищать некого. Они же умирали легко, словно презирали жизнь, хотя все были искусными воинами. Так что даже и не знаю, так ли хороша армия, составленная из смельчаков, готовых запросто расстаться с жизнью...

— Ну а нам-то, простым смертным, как быть?

— Чего уж проще, — ухмыльнулся Кучулуг. — Съезди в Бельверус, да купи зелья у ведуньи. Говорят, немедийские колдуны готовят великолепные отвары из мухоморов, вороньего помета и еще какой-то дряни. Хлебнешь глоток перед дракой, глаза сами на лоб полезут, и вся нергала рать тебе не противник!

Воины расхохотались, по достоинству оценив шутку могучего гирканца, а Кучулуг, видимо, счтя, что пробыл среди них достаточно, поднялся и протянул руку Халиме.

* * *

Тревожный набат не умолкал, вселяя в душу беспокойство и неуверенность. Гирканцу показалось, что он узнает этот звук, звук большого колокола, что будит на утренней заре и бьет еще

дважды в сутки — в полдень и полночь. Только теперь эти болезненно отдающиеся в голове удары продолжались нескончаемо. Кучулугу снилось, что на Логово напали враги, а голова его и есть колокол, в который колотят, поднимая воинов по тревоге.

Когда эта мысль достигла сознания, гирканец завозился во сне, нашаривая рукой оружие, и начал просыпаться. Надоедливый звук не прекращался, но все богатство красок его исчезло: тревожная работа звонаря оказалась обычным трудом каменотесов, усердно пробивавших камень. Кучулуг тряхнул головой, прогоняя остатки сна, и сел на постели.

Халима поднялась раньше и ушла, но его будить не стала, дав возможность выспаться после изнурительной ночи. Воспоминания о ней заставили великана улыбнуться.

Он сладко потянулся и подумал, что когда-нибудь они плонут на Логово, на Гиперборею, на старых ведьм Ордена и уедут отсюда далеко-далеко... Никогда прежде такие мысли не являлись Кучулугу. Более того, скажи ему кто-то, что он станет мечтать о тихом семейном счастье, он раскроил бы болтуну череп! И все-таки это случилось...

Быстро одевшись и приведя себя в порядок, он вышел из шатра и направился к раскопу, на дне которого кипела упорная работа. Те, кто был сегодня свободен, столпились наверху, ожидая, когда вырубленная часть плиты рухнет внутрь подземелья. Чуть поодаль лежала длинная лест-

ница — никто ведь не знал, на какую глубину надо будет спускаться.

— Как движется работа? — поинтересовался гирканец, подходя к Кардо.

— Думаю, к вечеру управимся, — ответил тот, посмотрев на солнце.

— Факелы готовы?

— В избытке. — Мастер кивнул на гору, сильно смахивавшую на обыкновенную поленницу. — Спуск, я думаю, лучше отложить на утро.

— Там, — Кучулуг кивнул в сторону ямы, — день или ночь — совершенно не важно.

— И то верно, — согласился Кардо, удивляясь, как такая простая мысль не пришла ему в голову.

— Не мешало бы заготовить дров побольше, — заметил Кучулуг, — развести рядом с ямой костер и поставить здесь пост. Кто знает, когда мы надумаем вернуться. Я хочу, чтобы и ночью падающий сверху свет указывал выход на поверхность.

— Сделаем, — кивнул мастер.

— Куда это ты собрался? — услышал гирканец голос возлюбленной и обернулся.

— Вниз, конечно, — с улыбкой ответил он.

— Ты должен остаться здесь, — резко, словно отрубила, заявила колдунья. — Север в отъезде, и неизвестно — вернется ли... В таком случае ты заменишь его. Но если вы оба сгинете, Логово останется без Вожака.

— Но Халима... — начал было воин, но молодая женщина резким жестом оборвала его возражения.

— Я Пифия и, когда нет Белой Волчицы, глава Логова. И я говорю тебе: останешься здесь!

— Слушаюсь, моя госпожа,— ответил он, кланяясь, и только по игравшим на скулах желвакам окружающие могли судить о том, какой ценой дается ему покорность.

* * *

Полная луна взошла над миром, освещая землю столь ярко, что ночь казалась просто пасмурным днем. Раздались последние удары, и с грохотом, который показался людям просто оглушительным, гранитная плита рухнула вниз и ударила о каменный пол подземелья. На краткий миг всем почудилось, что они угодили в середину камнепада, но ощущение это сразу прошло. Мгновенно пришедший на смену грохоту хор визгливых воплей вызвал у людей дурноту, но главное — он не кончался, а наоборот, набирал силу. Все почти физически испытали боль истошно вопивших созданий, и когда даже самым смелым стало не по себе, крики начали стихать, так же быстро, как и нарастили.

Некоторое время люди стояли в растерянности. Никто не мог проронить ни звука. Из чернеющей глубины раскрывшегося зева изливалась волна вони, сопровождавшаяся облаком мельчайшей взвеси, цвета которой в серебряном лунном свете определить никто не сумел. В пламени факелов облако казалось черным, но, попав в огонь, оно неожиданно вспыхивало яркими кровавыми искрами.

Облако понемногу оседало, а люди ждали, удерживаемые на месте вполне естественным страхом, который тем не менее предпочитали называть осторожностью. Кучулуг первым спустился на дно ямы и заглянул в чернеющий прямоугольник.

— Ничего не вижу,— сообщил он стоявшим наверху.— Темно, как в заднице. Огня сюда! — зычно гаркнул он.

Если гирканец и испытывал робость или волнение наравне с остальными, то ему вполне удавалось скрыть свои чувства. Отдав приказ, он прислушался.

Из провала доносился непонятный хруст, смешанный с тихим скрежетом, но сообразить, что все это означает, Кучулуг не смог.

Наверху засуетились, и скоро несколько человек спустилось к нему, неся полные охапки самодельных факелов.

— Бросайте, но только в разные стороны! Я хочу увидеть, что там происходит! — сказал он и взял несколько связок из рук ближайшего воина.

Пламя охотно пожирало связки, исходившие смолистым ароматом, который на время заглушил даже поднимавшуюся из пролома вонь.

Гирканец размахнулся и швырнул подожженную связку вниз и наискось. С низким угрожающим воем огненные снаряды устремились в пролом, быстро очертив вокруг упавшей плиты светлый круг. Кучулуг изумленно присвистнул.

— Что там? — тут же спросила сверху Халима, впервые проявив к делу явный интерес.

— Высоко! — отыскав ее взглядом, ответил воин. — Локтей сорок, не меньше, — добавил он задумчиво и тут же крикнул: — Тондор! Путь твои люди соединят пару лестниц, иначе до пола не достать!

Он вновь посмотрел вниз. Вырубленная каменотесами плита валялась глубоко внизу и с высоты неприятно напоминала надгробие. Кучулуг не знал, пришло ли такое сравнение на ум тем, кто находился рядом, но поспешил заговорить, по опыту зная, что самообладание командира, как правило, вселяет уверенность и в его людей.

— Мертвое место! — крикнул он так, чтобы его слышали наверху, и тут же выругал себя за необдуманные слова. — Никого не видно! — поспешил добавил он и гаркнул: — Да принесут когда-нибудь лестницу или нет?!

Люди засуетились. Именно этого и добивался гирканец. Он принялся ждать, размышляя попутно над тем, кто мог издавать те кошмарные звуки. Судя по визгу, не одного и не двоих обитателей темного мира придавило рухнувшей плитой, но никаких останков вокруг нее он не видел, хотя его острому зрению любой мог позавидовать. Кучулуг вполне искренне пожалел, что не может спуститься туда с остальными, но ничего не мог поделать. Халима, конечно, права, иначе бы он сделал по-своему, не побоявшись ни ее гнева, ни гнева Белой Волчицы.

Люди затопали на краю ямы, расступаясь и пропуская вперед десяток воинов, тащивших связанную из двух лестницу. Когда конец ее лег

на край пролома, гирканец поднял руку, останавливая своих людей.

— Эй, Тондор! Твои люди готовы?! — крикнул он.

И вновь послышался топот множества ног. На дно начали спускаться воины в полном облачении и с запасом факелов, притороченных к поясам. По одному зажженному каждый держал в руке. Кучулуг обвел их внимательным взглядом и, не заметив страха ни на одном из обращенных к нему лиц, удовлетворенно кивнул.

— Идите — коротко велел он. — Пятеро пусть останутся внизу, у выхода. Остальные должны попытаться осмотреть зал и отыскать ход на нижние уровни. — Он говорил, хотя прекрасно помнил, что все это уже десятки раз повторялось и, наверное, сотни раз обсуждалось. И все-таки он считал нужным сказать все снова. — И помните: ваша задача — только осмотреться. Не вздумайте лезть дальше, даже если это покажется заманчивым. Мне ни к чему мертвые герои, которые к тому же ничего уже не смогут рассказать.

— Все сделаем как надо! — заверил его Тондор.

Кучулуг удовлетворенно кивнул. Если уж он сам не может руководить своими людьми, то, по крайней мере, никто не упрекнет его в беспечности.

— Давайте!

Он вновь махнул рукой, и конец лестницы пополз вниз. Медленно, рывками, по одному локтю за движение, он начал приближаться к пролому, и здесь его подхватили воины, которым

предстояло спуститься. По их нетерпеливым движениям Кучулуг понял: несмотря ни на что никто не испытывает страха. Более того — им не терпится начать спуск. Все-таки тайна, пусть даже мрачная, всегда необычайно притягательна.

— Мы готовы, господин, — напомнил о себе седой воин.

Гирканец ничего не ответил, лишь молча кивнул, и люди один за другим полезли вниз, пока все три десятка не скрылись из виду. Кучулуг подошел к краю пролома и заглянул в него. Его люди столпились на полу подвала и слепо озирались, пытаясь в обступившей их темноте высмотреть хоть что-то.

— Ну?! — нетерпеливо спросил гирканец.

— Ничего не видно! — ответили ему. — И не слышно! Такое впечатление, что все вокруг мертв!

— Ты не очень-то поддавайся впечатлениям! — крикнул Кучулуг, непонятно почему начиная злиться. — Кто-то ведь там визжал. Посмотри, на полу не видно придавленных?!

Он видел как седой десятник посмотрел себе под ноги, а остальные последовали его примеру.

— А-а! Проклятье! — выругался кто-то во внезапно наступившей тишине, и тут же заговорили,казалось, разом все.

— Великая Волчица! — воскликнул Тондор, в то время как более молодые воины не стеснялись в выражениях.

— Может, кто-нибудь скажет мне, что там происходит?! — гаркнул сверху Кучулуг.

— Тихо! — прикрикнул на своих людей Тондор и задрал голову. — Помнишь черную пыль, что поднялась из пролома, когда рухнула плита? Так вот, ее здесь по щиколотку, но вся она пропитана кровью, словно ее здесь ведрами выливали на землю!

— А тела?! Тела есть?

— Нет никаких тел! — тут же отозвался воин. — По крайней мере, здесь! Нужно двигаться вперед! — добавил он после паузы. — Быть может, дальше удастся обнаружить что-то!

— Хорошо! — согласился гирканец. — Но помни, никакого геройства!

Он стоял и смотрел, как люди его один за другим пропадают из поля зрения, и никак не мог отделаться от мысли, что видит их в последний раз. Он невольно стиснул зубы и выругался про себя. Тыфу ты! Раскис, как баба!

“Впрочем, — тут же успокоил он себя, — стоит ли удивляться? Ночь, кровь и идиотские мысли о вырубленном собственными руками надгробии — слишком много зловещих символов, которые навевают мрачное настроение, хотя на самом деле ничего не значит.”

Некоторое время еще слышались голоса уходящих, потом все стихло. Он вновь посмотрел вниз. Теперь там осталась только пятерка самых молодых. Они стояли и затравленно озирались. В другой раз Кучулуг разозлился бы, но сейчас подумал только, что все происходит именно так, как и должно происходить. Если уж он чувствовал себя не в своей тарелке, то что говорить о

мальчишках, которые вынуждены топтаться в кровавом месиве и слепо таращиться в обступившую со всех сторон темноту!

— Что нам делать, господин? Холодно здесь ужасно,— клацая зубами то ли от страха, то ли действительно от холода, поинтересовался один из молодых.— А воняет просто-таки нестерпимо!

Его голос вывел Кучулуга из задумчивости. Он посмотрел на говорившего, и узнал в нем парня, который задавал вопросы о страхе, и подумал, что бедолага, похоже, вот-вот сорвется. Надо было не пускать его вниз.., Впрочем, товарищи его выглядели не лучше.

— Главное, не бояться. И прежде всего не забывать, что ты воин, что ты не один! И расширьте круг света — раз здесь кто-то обитает, я не хочу, чтобы он подобрался к вам в темноте незамеченным! И разведите костер, раз мерзнете!

Кучулуг сбросил вниз еще два десятка смолистых связок, с удовлетворением наблюдая, как молодые принялись за дело. Теперь оставалось только ждать, и гирканец отправился к себе, оставив у пролома пятерых воинов с наказом регулярно снабжать тех, кто внизу, ветками и дровами.

* * *

Поднявшись на заре и позавтракав остатками ужина, Соня и Север отправились в путь. В последнее время они старались чаще появляться в Логове, чтобы не упустить ничего важного. Вожак знал, что этим летом должны прорубить

вход в подземелье, вмуровать в него стальную дверь и к началу зимы возвести дом на месте раскопа, поставив его с таким расчетом, чтобы пробитый ход оказался в подвале.

Все это откладывало главный поход еще на год, зато позволяло скрыть все происходящее от местных властей. Когда Север изложил свой замысел Разаре, она пришла в ужас: ждать еще год казалось ей совершенно немыслимым.

С большим трудом Вожаку удалось доказать свою правоту, да и то лишь после того, как он высказал предположение, что, вполне вероятно, внизу они наткнутся на завалы.

Так что спешка может привести к серьезным неприятностям, а если возиться с подземельями придется долго, значит, лучше устроиться на месте как следует.

“Нельзя оставлять раскоп открытым. Как только в Нумалии станет известно,— говорил Север,— что ковырявшиеся в земле «охотники» вместо промысла пушнины занимаются раскопками на выкупленном участке, к нам наверняка вновь нагрянут с проверкой. И еще не известно, что им удастся пронюхать и о чем они доложат своему начальству!”

Этот довод убедил владычицу. По крайней мере, заставил ее задуматься, после чего она согласилась с Вожаком. И хотя он видел, что согласие далось ей с превеликим трудом, главное — победа осталась за ним. Впрочем, как и обычно. Теперь же, когда дело близилось к завершению, он, хорошо зная несдержанность Разары,

вновь начал опасаться ее необдуманных действий.

Наверное, именно поэтому уже после полудня он вдруг остановил коня и долгим взглядом посмотрел на восток. Соня тут же натянула поводья, и ее гнедой недовольно заржал, останавливаясь рядом с вороным Севером.

— Все-таки решил свернуть? — насмешливо прищурившись, спросила она, и стало ясно, что в последние дни они часто говорили об этом.

— Да, — кивнул Вожак. — Боюсь, что у Разары не хватит терпения.

— Конечно, не хватит, — согласилась девушка. — А у кого бы хватило? Разве что у тебя, твердокаменный ты мой! — добавила она насмешливо.

— Неужели я так плох? — улыбнулся воин.

— Да вообще-то нет, — призналась девушка и вздохнула.

— Ах ты, насмешница моя!

Север наклонился в седле и, обняв девушку за плечи, поцеловал ее в щеку. Через мгновение кони вновь помчали всадников, правда, теперь уже на запад. Выдранный из земли мох летел из-под копыт, скакуны неслись вперед, хотя солнце, опускаясь все ниже, слепило глаза. Скоро мир погрузится во тьму, и тогда они будут вынуждены остановиться там, где их застанет ночь.

* * *

Пара всадников на бешеной скорости ворвась в лагерь, с трудом сдерживая яростный бег

коней. Север и сам не понимал причины, что заставила его развернуться и погнать вымотанного долгой скачкой вороного обратно. Однако, обычно руководствуясь разумом, он в то же время всегда прислушивался к внутреннему голосу и доверял своему чутью, и теперь мимолетно брошенный взгляд убеждал, что он не обманулся и на сей раз. Кучулуг сжал рукоять меча, но, когда узнал приехавших, облегченно вздохнул и даже сумел подавить невольное раздражение:

— Хорошо, что вы приехали.

Кивком поприветствовав Вожака, он учтиво протянул руку Соне, но та, словно и не заметив его жеста, сама соскочила на землю.

— Все еще злишься на меня, — усмехнулся гигант.

— Вовсе нет, — невозмутимо ответила девушка. — Просто не хочу, чтобы тебе выцарапали из-за меня глаза, — добавила она, и Север в который раз подивился легкости, с которой ей удается выкручиваться из щекотливых положений.

— Что здесь творится? — перевел он разговор на другую тему, и лицо гирканца будто одеревеснело, хотя и до того он не выглядел веселым.

— Мы спустились, — коротко бросил Кучулуг и добавил, разворачиваясь: — Идем.

Ни Соня, ни Север не проронили ни звука и пошли вслед за великаном к шатрам на краю поляны.

— Сюда, — позвал он их за собой и направился прочь из лагеря по узкой, едва заметной тропе.

Обогнув молодую разлапистую елку, девушка неожиданно уткнулась в спину Севера и, протиснувшись между ним и Кучулугом, резко вздохнула от неожиданности и прикрыла рот ладонью, чтобы не закричать.

Всякого повидала она на своем веку. В серьезных схватках участвовала не раз, так что вид крови ее давно не смущал, но то, что увидела она сейчас, не вписывалось ни в какие рамки. Перед ней лежал труп... У покойника не было глаз, да и вообще его лицо выглядело так, словно кто-то долго отдирал щипцами плоть от костей, а потом выскошил череп добела.

Не было также ни брюшной стенки, ни внутренностей, а ноги оказались объединенными до костей от щиколоток до середины бедер.

Казалось невероятным, что в таком состоянии он вообще мог двигаться, но он ведь как-то вернулся...

Некоторое время все молчали. Кучулуг хмуро смотрел на останки, и чувствовалось, что ему тоже не по себе, хотя гирканские степняки довольно часто свежевали врагов живьем, выкалывали им глаза и выдирали жилы.

— Нет,— покачал головой гирканец.— Воин не должен погибать такой смертью.

— Такую смерть никто не должен принимать,— добавил Север.— Как это случилось?

— Не знаю,— признался воин.— Пятеро Прибылых остались внизу — поддерживать огонь, чтобы обозначить выход. Они видели уходившую в глубь зала вереницу огней и невольно наблю-

дали за своими товарищами, пока свет двух с половиной десятков факелов не слился в одно светящееся пятно. Тишину ничто не нарушало. Лишь изредка им чудились неясные шорохи за границей светового круга, но толком ничего рассмотреть было нельзя.

— Но как раз это и не удивительно — крысы выживают в любых условиях.

Гирканец покачал головой:

— Когда плита рухнула вниз и придавила несколько тварей, то визжали не крысы. Разве что они вымахали размером со здорового пса. Да и крови от крысы чуть.

— Крови? — переспросил Север, и Кучулуг подробно рассказал ему о том, что видел погибший Тондор, а потом вопросительно посмотрел на Вожака: продолжать, что ли? Тот кивнул.

— Так вот, незадолго до вашего приезда один из оставшихся Прибылых вдруг услышал, как кто-то идет к ним неровной походкой. Он обрадовался, начал кричать и только тут сообразил, что не видит света факелов. Ниоткуда. Да и когда они погасли, никто из пятерых так и не заметил. Тогда они не на шутку перепугались, решив, что это подземные жители подбираются к ним.— Кучулуг умолк, явно пытаясь совладать с охватившим его волнением.— Впрочем, когда они разглядели, кто к ним идет, то испугались еще больше, ибо человека в нем не узнали. Они выхватили оружие и у одного из них даже хватило мужества ударить. Как ни слаб оказался удар, но его хватило — видно, сил у вернувшес-

гося почти не осталось. Да и того, кто его прикончил, я винить ни в чем не могу: покойный, видимо, показался им порождением Тьмы. Мы и сами разобрались, кто он, лишь когда подняли труп на поверхность...

Соня заставила себя еще раз посмотреть на покрытый кое-где остатками плоти скелет бывшего воина и почувствовала, как новая волна тошноты подступает к горлу. Все верно... Выходец из царства Нергала, не иначе... Она с усилием оторвала взгляд от ужасного зрелища и отвернулась. Мир перед глазами подернулся туманной пеленой, и она не хотела, чтобы кто-то заметил, как ей плохо.

— Труп сжечь немедленно,— услышала она за спиной спокойный голос Севера и подумала о том, что, не знай она Вожака так хорошо, вполне могла бы заподозрить его в полном равнодушии. Хвала Лепестку, она понимает, что это не так! — Немедленно сколотить щит, накрыть им проход и завалить камнями,— продолжал командовать Вожак.

Кучулуг молча кивнул, прекрасно понимая, что Север прав, и одновременно досадуя на самого себя: он-то до сих пор даже лестницу поднять не распорядился. А ведь уже сумерки. Скоро ночь, и кто тогда помешает тварям выбраться на поверхность? В ярости он сжал огромные кулаки — проклятье! Щит тоже не сколотить! У них ведь даже досок нет! Видимо, Север подумал о том же, и вновь сообразил мгновением раньше. Не дожидаешься, когда гирканец придет в

себя, Вожак помчался к раскопу, и уже из-за темнеющих в сумерках силуэтов деревьев Соня услышала, как он отдает приказы:

— Лестницу быстро наверх! Вы что, гостей дожидаетесь?! И огня! Больше огня! Завалите подвал дровами, чтобы все там пыпало!

Люди засуетились, подгоняемые страхом.

Пять человек поддерживали огонь, бушевавший всю ночь. Десять лучников охраняли их. Остальные занялись заготовкой дров. И хотя огромный костер пыпал, быть может, даже излишне ярко, только с наступлением рассвета все почувствовали себя уверенней.

Северу пришлось надолго задержаться здесь. Он дождался, пока из Логова привезли листы железа, решив, видимо, что мягкое дерево не в силах противостоять зубам подземных жителей. И только когда сколоченным из толстых досок, обитым железом щитом накрыли прорубленный в камне проход, а сверху засыпали его горой камней, Вожак счел работу завершенной. Да и остальные радовались, пожалуй, даже больше, чем в тот день, когда открылся проход. Ведь тогда всем не терпелось поскорее приобщиться к древней тайне, а теперь они защищали свою жизнь, а может быть, и бессмертную душу...

* * *

— Сейчас меня интересует только одно — как можно быстрее вставить в пролом надежную стальную дверь и возвести на месте ямы дом, как и замышлялось ранее.

Север говорил тихо и спокойно, устав уже от длившихся с самого утра бессмысленных попыток выяснить, кто же виноват в случившемся. И, как это бывает довольно часто, вину возложили на самих погибших.

Вожак на это только криво усмехнулся, но, после того как Халима упрекнула его в продиктованной ревностью предвзятости, спорить не стал.

— И все-таки, ты считаешь, мы могли избежать беды?

— Что проку сожалеть о том, что уже произошло? — хмуро отозвался Север. Он не желал возвращаться к бессмысленному спору. — Люди погибли — вот что страшно. — Халима при этих словах криво ухмыльнулась, и это не укрылось от него. — Люди погибли, — повторил он, — а в сердцах живых поселился страх...

— Значит, нужно избавиться от слабаков! — отрезала Пифия. — Трусы подобны заразной болезни. Мы рискуем остаться без воинов. От них следует избавиться, — повторила она, — пока зарза не распространилась.

Север покачал головой.

— Страх неизвестности — самый сильный из страхов. А ты собираешься новыми жертвами подкрепить его, — как можно более спокойно возразил он. — Если уж избавляться, то от страха, а не от самих людей!

— Мы должны пойти дальше! — упрямо стояла на своем жрица. — А трусы и слабаки — самые дурные попутчики. Я согласна, мы совершили

большую ошибку и за нее придется заплатить очень высокую цену.

— Ты права, — кивнул Вожак, — мы действительно ошибались, но уже заплатили за это. Теперь мы должны подумать о том, как смягчить последствия, а то, что ты предлагаешь... — Он помолчал, прежде чем заговорить снова. — Слух уже расползся за стены Логова, посему твое предложение — ничем не оправданная жестокость.

Соня удовлетворенно кивнула. Сама она за все время разговора не проронила ни слова, лишь взглядом да жестами выражая свое отношение к сказанному.

Халима попыталась возразить, но Волчица остановила ее.

— Довольно споров! — жестко, словно отрезала, заявила она. — Мы и так убили на них все утро. Они бессмысленны, ибо ни к чему не ведут!

— Она обвела молодых людей суровым взглядом. — Меня сейчас интересует другое. — Владычица посмотрела на Вожака. — Ты говорил только что о своем намерении исправить нанесенный вред. Я разделяю твое стремление рассеять страх, но не вижу, как это можно сделать. — Она на мгновение умолкла. — Как? — Старуха пристально взглянула в глаза воина. — Как я могу объяснить людям гибель почти полусотни прекрасных воинов, если сама не понимаю, как такое могло случиться? Я уж не говорю о Тондоре... — добавила она совсем тихо.

— Мы вторглись в мир Тьмы, — подумав, ответил Вожак. — Мы же — порождения Света, а

потому, когда его нет, становимся беспомощными. Я сам объясню людям, что большая часть их страхов вымыщена. Их породила тьма подземелья.

— Ты думаешь, тебе поверят? — иронично усмехнулась Халима.

— Мне поверят, — спокойно сказал Вожак, и Пифия задумалась, но лишь на миг.

— Быть может, ты и прав, — через мгновение снова заговорила она. — Убеждать ты и впрямь умеешь, — согласилась колдунья, — и в твои слова поверят умом, но поверят ли сердцем?

— Поверят и сердцем, если узнают, что произошло на самом деле.

— Так что же?

— Погас свет, — просто ответил Вожак. — Уж как они умудрились это сделать, я и впрямь не знаю, но только ничего таинственного здесь нет. А дальше все просто и одновременно страшно, но лишь потому, что люди оказались не способны защитить себя от невидимого врага.

— Но почему они не кричали? Не звали на помощь? — подал наконец голос и Кучулуг. — Те, кто стоял у входа, не слышали ни звука, хотя жадно ловили каждый шорох!

— На это тоже можно найти ответ, — подумав, сказал Север. — Вспомни, как охотится хищник, если добыча сильнее и крупнее него. Волки нападают стаей, змея плюет ядом в глаза, потому что ослепшая жертва не в силах ни бежать, ни обороняться. Я не знаю, слепы ли те, кто живет под землей, но что не безголосы, мы могли

убедиться. Затушив факелы и заставив тем самым людей ослепнуть, они вполне могли лишить их и способности общаться друг с другом.

— Ты говорил о зверях, — заметила Разара, — а теперь получается, что они разумны.

— Вполне может статься, — кивнул он, — но не обязательно. Если змея падает с дерева в муравейник, от нее в считанные мгновения остается один скелет. — Север помялся, прежде чем продолжить. — Кстати, Тондор примерно так и выглядел...

— Муравейник, говоришь... — задумчиво повторила Разара. — Ну, положим, все поверят, что погибшие столкнулись со зверем, с этакой зубастой мелочью, многочисленной, прожорливой и панически боящейся света...

— Чем это поможет нам? — подхватила ее мысль Халима. — Кто согласится лезть в муравейник?

— Это другой вопрос, — резонно заметил Север. — И тут, я согласен, есть над чем подумать...

— Во всяком случае, — невинным голоском заметила Соня, — ясно как день, что, убив всех, кто там был, мы проблемы не решим.

— Я еще вот что скажу, — вновь заговорил Вожак, не давая колдунье возможности ответить. — Когда мы вновь спустимся в подземелье, мы не должны зависеть от света факелов.

— Что ты предлагаешь?

— Ничего. — Север спокойно пожал могучими плечами. — Я не знаю, как здесь помочь, — честно признался он, и Пифия хмыкнула: мол, болтать-

то мы все мастера! — Впрочем, — тут же добавил он, словно и не заметил ее усмешки, — кое-что все-таки посоветовать могу. — Он посмотрел в глаза владычицы. — Поговори об этом со жрицами Ордена. Пусть наконец-то займутся делом.

При этих словах Халима пренебрежительно фыркнула, а Волчица улыбнулась: в отличие от Пифии владычице такой совет пришелся по вкусу. Быть может, именно потому, что в последнее время исходящий из Похиолы поток указаний и распоряжений начал просто захлестывать ее. «В самом деле, — подумала она. — Пусть отвлекутся от праздного ожидания и придумают, как можно видеть в темноте. Что-нибудь простое и доступное, чтобы любой воин мог воспользоваться этим.»

— Это разумно, — кивнула она. — Сегодня же отправлю Вестницу к Лухи.

— Если решим эту задачу, то справимся и с остальным. — Север задумался. — Придется всем облачиться в особые доспехи. Сплошные панцири слишком тяжелы, — пояснил он. — Но кольчужную одежду придется запасать на весь отряд — без нее и соваться нечего.

— А в ней ты готов забраться и в муравейник? — насмешливо поинтересовалась Халима, однако Вожак упорно не хотел принимать открытый вызов.

— Про муравейник я сказал так только, для сравнения. Не думаю, что дело обстоит настолько плохо. Скорее всего, упавшая плита привлекла всех обитателей подвала. А может, и напугала.

Вот они и поспешили напасть на неведомого противника. В следующий раз мы не привлечем к себе такого внимания, а когда увидим врага, сумеем отпугнуть задолго до того, как он перейдет к действиям.

— А если не сумеем?

— Тогда вернемся. И у нас останется второй вариант. Правда, потребует он гораздо больше людей и времени. Подземные жители боятся огня, значит, будем защищаться от них, как от диких зверей. Шаг за шагом станем продвигаться вперед, расставляя всюду факелы и поддерживая огонь. Освещенные участки, которые удастся отбить у неприятеля, будут охранять мощные отряды. Правда, такой путь отнимет целые луны, а может, и годы.

— Во всяком случае ясно одно, — тихо заговорила Соня, и все с интересом посмотрели на нее. — К следующему походу мы окажемся подготовленными гораздо лучше.

* * *

Минула еще одна зима — снежная и морозная — и на смену ей пришла ранняя жаркая весна, большая походившая на лето.

Лето, которому предстояло стать последним летом пребывания Севера в Логове. Он уже не старался почаще наведываться к лазу. Еще осенью в плиту вставили мощную стальную дверь и сразу вслед за этим начали сооружать дом, мрачными, высокими стенами больше походивший на крепость, нежели на жилище охотников. Дом

обнесли высоким забором, чтобы никто уже не мог просто так увидеть, что происходит внутри, и по общему молчаливому согласию начали называть это место Усадьбой.

К весне успели закупить полсотни тонких кольчужных доспехов вендейской работы, так что начало похода сдерживало только одно: приспособлений для того, чтобы видеть во тьме, о которых говорил Север, до сих пор не было. Их, по заверениям Лухи, должны были доставить не позднее начала лета, а до того времени, чтобы не изводить себя понапрасну мучительным ожиданием, Вожак с Телохранителем не показывались в Логове.

После исчезновения Ханторэка часть его обязанностей взял на себя Вожак, так что им с Соней теперь приходилось вертеться без устали, но они не жаловались. В постоянной круговерти дел и новых впечатлений бремя чужих забот не так давило на плечи.

К тому же в последний год жизнь в Логове сделалась малоприятной. Разара, уйдя с головой в заботы, связанные с подземельями Пифона, на все махнула рукой, и Халима развернулась, подмяв под себя все и вся. Фактически она стала владычицей, но Вожак намеренно не обращал на это внимания, поскольку все равно собирался уходить, а Соня во всем была согласна с ним. Тем более она твердо решила тоже покинуть Логово и не ответила для себя только на один вопрос: уйти ей с Севером на его таинственную родину или вернуться к прежней жизни.

Сейчас они собирались немного передохнуть и отправиться на последнее дело. Последнее и, похоже, самое важное... По крайней мере, для Севера. Девушка посмотрела на возлюбленного и вдруг поймала себя на мысли: что-то сегодня идет не так.

— Что-то случилось? — тут же спросила она.

Некоторое время он молчал, и только мягкий топот копыт по заросшей мхом земле да непрерывное чириканье мелких пичуг нарушали тишину.

— Сам не знаю, — наконец ответил Вожак и виновато посмотрел на девушку. — Все как год назад, — счел нужным пояснить он. — Вновь ранняя весна, мы возвращаемся в Логово, а я чувствую непонятную тревогу, хотя причины ее понять не могу.

— Ну так свернем к лазу? — насмешливо прищурившись, предложила Соня. — Удовствуйся, что не случилось новой беды.

Не дожидаясь ответа, она развернула гнедого и легонько ударила его плетью. Север не заставил себя упрашивать и тут же поравнялся с ней.

— Ничего от тебя не скроешь, — улыбнулся он.

— Верно, — кивнула она, и рыжие кудри, сверкнув темной медью на солнце, разметались по точеным плечам. — И ты уж подумай об этом заранее, чтобы потом не пожалеть.

Она вновь подстегнула жеребца и вырвала вперед, может, давая возлюбленному время размыслить в одиночестве, а может, просто для того, чтобы последнее слово осталось за ней.

Север улыбнулся и подумал, насколько все-таки женщины иначе воспринимают окружающий мир.

Ему, например, и в голову не приходит рассуждать, насколько долгой окажется его любовь. С него достаточно и того, что она есть здесь и сейчас, а что там после... Кто может на это ответить, кроме всемогущего Рока? А он своих секретов не выдает.

Они уже почти добрались до места, когда черный дымный шлейф потянулся в безоблачное небо. Стояла безветренная погода, и повисшее над Усадьбой грязное облако быстро набирало силу, уродливой кляксой нависая над головами людей.

— А-а! Проклятье! — невольно воскликнул Север, ударили коня, и тот рванулся с места.

У запертых ворот пришлось остановиться, и только здесь Вожак сумел разглядеть, что дым валит из одной из труб дома-крепости. Однако это ничего не объясняло, и, едва створки разошлись в стороны, вороной взял с места в карьер, хотя скакать осталось не больше сотни шагов. Из дома выскочил сотник с белым от страха лицом и замер, согнувшись перед Севером в глубоком поклоне.

— Что здесь происходит?

Вожак спрыгнул на землю и остановился в двух шагах перед воином, не сводя с него испытующего взгляда.

— Приказ владычицы, — побелевшими губами пробормотал тот. — Мы собирались поджарить

тех, что внизу, а вышло вон как, — добавил он мгновение спустя.

— Мы закрыли ее, господин! — прокричал выскочивший из дома дочерна закопченный человек, и Север увидел, как сотник наконец расслабился.

— Так что вы тут палите? — поинтересовался Север.

— Черную Кровь Земли, — уже спокойнее ответил сотник. — Всю зиму ее свозили сюда в огромных бочках и сливали в подземелье, а нынче утром прискакал гонец с приказом — поджигать. Что мы тотчас и сделали, только вот никак не ожидали, что снизу так полыхнет. Только сейчас удалось затворить лаз.

— Всю зиму, говоришь? — задумчиво переспросил Вожак.

— А мы с осени не появлялись здесь ни разу, — напомнила Соня. — Вот и получилось, что узнали обо всем только сейчас, когда изменить ничего уже нельзя...

— Да вроде бы обошлось все, господин, — пожал плечами сотник.

— Обошлось! — хмыкнул Север. — Для тебя — быть может, но я отчего-то думаю, что неприятности только начинаются.

— Ты о чем это, Вожак? — вновь насторожился воин.

— Успокойся, старина, твоей вины здесь нет. — Север рассеянно потеребил губу, что случалось с ним, только когда он глубоко задумывался. — Сколько, ты говоришь, бочек всего привезли?

— Ну,— помялся тот,— мы ведь счет не вели. Просто сливали то, что привозят, но обычно до пяти бочек в день,— подумав, ответил он.— И ни разу не меньше трех.

— Клянусь Лепестком...— прошептала Соня, мысленно прикинув, сколько горючей жидкости слили в подземелье.— Это же до следующего лета не прогорит...

— Прогорит,— возразил Север,— но только если с нижних этажей пойдет воздух.

— Или Кровь Земли стечет вниз,— заметила Соня.

— Или так,— кивнул он.

* * *

Соня с Севером остались в Усадьбе только на обед, а потом сразу несмотря на уговоры сотника продолжили путь в Логово. Перед этим, правда, Вожак спустился в подвал для того лишь, чтобы удостовериться, что дверь действительно надежно заперта. Покрытые толстым слоем черной жирной копоти стены производили столь удручающее впечатление, что хотелось уйти отсюда побыстрее.

— Стены отмыть! — распорядился Север, уже вскакивая в седло.— Не должно остаться никаких следов.— И советую разбить шатры во дворе и ночевать в них,— на прощание посоветовал он.— Никто не знает, что этот жар может сделать со старой кладкой. Надеюсь, все обойдется, но лучше не рисковать,— он кивнул на прощание и направил коня к воротам.

— Ты и впрямь думаешь, что перекрытие не выдержит? — спросила Соня, когда они отъехали довольно далеко.

— Всякое может случиться,— неопределенно ответил Север.— Те, кто спускался в подземелье прошлым летом, говорили о страшном холодае, что царил там в разгар лета, и кто знает, чем теперь обернется этот пожар? Если от резкого нагревания треснут плиты или опоры, беды не миновать.

— Что и говорить,— задумчиво покачала головой Соня,— идиотская затея. Расслабился ты,— после паузы добавила она.— Прежде такого случиться просто не могло, а теперь...— Север посмотрел на нее, но ничего не ответил, а она, подумав мгновение, продолжила.— Это ведь уму не постижимо, сколько людей они должны были согнать, чтобы каждый день привозить по пять бочек!

— Не так много, между прочим,— возразил Вожак.— Кровь Земли ведь качают на западе Великого Соляного болота, а от него до усадьбы три дня езды, так что нетрудно подсчитать... И я вовсе не расслаблялся, как ты говоришь. Я просто не хотел, чтобы Халима почувствовала, насколько меня интересует предстоящий спуск.— Он замолчал и посмотрел на раскинувшееся над головой синее небо, в котором не осталось уже и следа от уродливого облака.— Не ожидал, правда, что она решится на такое, сумеет не просто сговориться с Разарой, но и убедить ее все держать в тайне.

— Похоже, они придумали способ избавиться от обитателей подземелья,— заметила Соня.

— Очевидно,— кивнул Север.— Только, на мой взгляд, лучше бы им заниматься колдовством — там у них, по крайней мере, что-то получается.

* * *

— Так ты, значит, как всегда, против? — насмешливо спросила Халима, когда Север высказал свое мнение о том, что произошло в Усадьбе.

— Против? — удивился Вожак.— Да какой смысл протестовать против того, что уже сделано? — Он говорил с Разарой, даже не удостаивая взглядом Пифию: с ней разговаривать он считал бессмысленным, но на здравый смысл Волчицы надеялся.— Неплохо бы теперь подумать о последствиях. К чему это все приведет?

— К тому, что твари сгорят! — запальчиво выкрикнула колдунья, и Север впервые за время разговора посмотрел на нее.

— Хорошо, если так,— пожал он плечами.— Но они могли уйти на глубину еще осенью, когда Кровь Земли только начали заливать в подземелье.

— Неужели ты думаешь, я не позаботилась об этом? — злорадно поинтересовалась гирканка, и даже Соня удивленно посмотрела на нее.— Не беспокойся, все они там!

— Ну что ж,— кивнул Север,— хоть это хорошо.

— Хоть?! — задохнулась от возмущения Пифия, и Соня едва не расхохоталась, да вовремя сумела сдержаться, но колдунья даже не заметила этого. Ее взгляд, устремленный на Севера, пылал гневом: она ожидала благодарности, а вовсе не снисхождения! — Даже не спустившись в подземелье, я сделала то, на что твоим воинам, быть может, просто не хватило бы стрел!

— Ну извини! — усмехнулся Вожак.— Я ведь не хотел тебя обидеть и сразу сказал, что ваши,— он окинул взглядом обеих жриц,— цели мне понятны. Говорить же я хотел об ином. К чему еще приведет этот пожар? Кроме того, что мы сберегли множество стрел,— добавил он совершенно серьезно, так что Пифия даже не заподозрила насмешку.

При этих словах Разара озабоченно нахмурилась, хотя по-прежнему продолжала молчать, а Халима, похоже, впервые поняла, что никто не собирается нападать на нее. Ее, правда, не собирались и хвалить... Это раздражало ее ничуть не меньше, чем гадкая ухмылка рыжей девки, но она заставила себя безропотно проглотить новую обиду.

— О чем ты говоришь? — сквозь зубы процедила колдунья.

— Если от жара перекрытия не рухнут,— заговорил Север, радуясь, что глупая перебранка закончилась,— то я опасаюсь только того, что жидкость может не прогореть до конца. Нам придется брести чуть не по колено в жирной горячей жиже, не говоря уже о том, что любая

искра и нас самих изжарит ничуть не хуже, чем зубастых обитателей подземелья,— закончил он, сознательно сгустив краски.

— Это скверно,— усталым голосом произнесла Разара.— Мы можем как-нибудь исправить допущенный промах?

— Откроем дверь да посмотрим,— пожав плечами, заметил Кучулуг. Человек действия, он не привык долго размышлять. Он просто шел вперед, твердо уверенный, что, если что-то не сложится, никогда не поздно отойти и все начать сначала.— Если не прогорело, ничто не помешает нам поджечь остатки.

Разара кивнула и перевела взгляд на Севера — что скажет он.

— Все верно, конечно,— согласился Вожак.— Вот только время жалко терять,— заметил он, не сомневаясь, что эти слова владычица оценит по достоинству.

— Мы должны спуститься туда не позже середины лета,— нахмурилась она.

— Следует подумать еще вот о чем,— вновь заговорил Север.— Когда вся Кровь Земли выгорит до капли, каменное подземелье превратится в раскаленную печь, и мы все сгорим в ней.

— Это вряд ли...— растерянно прошептала Халима, и по ее лицу Север понял, что об этом она просто не подумала.

— Верно,— согласился он.— Такого, конечно, не случится, но только потому, что никто не сумеет отойти и на пару десятков шагов. И что делать с этим, я просто не знаю,— закончил он,

пожал плечами и уставился в окно, показывая, что сказать ему больше нечего.

На этот раз даже легкомысленный Кучулуг промолчал. Он лишь скользнул сочувственным взглядом по своей подруге и потупился.

— Я что-нибудь придумаю,— нехотя пообещала колдунья.— Но для этого я должна посмотреть все на месте.

— Одного я никак не пойму,— сказала Разара, когда все умолкли.— Откуда в подземелье столько тварей?

Судя по всему, и на нее подействовали доводы Севера.

— Ну это-то как раз просто,— пожал плечами Вожак.— Колдуны ведь не дураки. Они понимали, что одни в подземелье не выживут. Наверняка они взяли с собой уйму народа: поваров, портных, ремесленников и прочего люда на случай, если придется задержаться внизу. Всем им нужно что-то есть, а значит, носильщики, которые тащили поклажу, тоже пошли с ними. Быть может, они и животных прихватили. Но чтобы удерживать столько людей в повиновении, нужны еще и воины. Так что компания там собралась многочисленная и пестрая. Скорее всего — все население Пифона.

Владычица кивнула задумчиво, по-видимому, соглашаясь с его словами, но ничего не ответила, так что на этом разговор закончился, и все разошлись. Разошлись не потому, что приняли важные решения, а просто потому, что обсуждение зашло в тупик, и, прежде чем собраться снова, каждому

предстояло самостоятельно переосмыслить случившееся.

* * *

Оставшись в одиночестве, Разара впервые задумалась о той роли, что при полном ее молчаливом согласии начала играть Халима. Владычица давно мечтала о времени, когда жизнь в стенах Логова забурлит, но оказалась совершенно не готова к тому, что и выработанный годами привычный уклад станет совсем иным.

Она доверяла Северу мирские дела и полностью полагалась на Халиму во всем, что касалось ритуалов и обрядов, и, добровольно выпустив бразды правления из рук, не заметила, как почти все вышло из-под ее контроля и насколько все изменилось.

Как-то незаметно исчез Ханторэк, оказавшийся предателем. Она поморщилась тогда и забыла о нем, как о выброшенной за ненадобностью вещи. Север взялся на первых порах заменить его, и она порадовалась, что одной неприятностью стало меньше. С этого все и началось. Наведываясь в Логово лишь изредка, Север совершенно естественно потихоньку отошел от дел. Часть его работы пришлось взять на себя Кучулугу, остальным занялась Халима, и Разара даже теперь не могла вспомнить, когда вездесущая Пифия прибрала к рукам практически все.

Впрочем, до сих пор пожаловаться ни на что она не могла. Мелкие дрязги случались и прежде и никогда никого особенно не волновали. Зато

теперь, когда понадобилось принимать решения, тщательно взвешивая возможные последствия, оказалось, что все не так просто.

Пифии так понравилась власть, что она не собиралась отказываться от нее даже в делах, в которых мало что смыслила. При этом молодая жрица никогда не советовалась, а просто ставила Разару в известность о своем решении, а она, привыкнув во всем полагаться на помощников, не давала себе труда толком вникнуть в суть принятых ею решений.

Год назад это закончилось тем, что они совершенно бездумно отправили на смерть почти полсотни воинов. Именно тогда тревога впервые шевельнулась в душе старухи, но та как-то не обратила на нее особого внимания. Все заглушило чувство горечи.

И вот теперь опять. Конечно, владычица не снимала вины и с себя, но в том-то все и дело, что ей показалось очень заманчивым такое простое предложение выжечь мерзких тварей, а уж потом пускать в подземелье людей.

Плохо другое. Она позволила Халиме уговорить себя не рассказывать ни о чем Северу. Якобы ни к чему докучать ему мелочами. Теперь только Разара начала понимать, что настоящая причина кроется совсем в другом. Белая Волчица с тоской осознала, что превратилась из владычицы в некий символ... Пока еще никто не осмеливался перечить ей, но, если она не прекратит думать только о самых главных решениях, о далеком будущем и не займется делами сегод-

няшними, как знать, что произойдет в самом скором времени!

Вожак! Вот кто действительно привык учить все мелочи и безошибочно оценивать факты!

Как прошлым летом он ответил на ревнивый совет Халимы успокоиться? "Мою правоту люди подтвердили своими смертями. Если такое войдет в правило, совсем скоро в Логове не останется никого!" Ей бы тогда прислушаться к его словам...

Похоже, Халима взвалила на себя ношу не по плечу... Что ж, придется освободить ее от непосильного груза... Хотя бы на время, а там видно будет. Это и ей урок. Главное — пока не поздно, сделать правильные выводы.

* * *

— Что все это значило, милый? — вкрадчиво поинтересовалась Соня, когда они остались в комнате вдвоем.

— Ты о чем это? — оторвавшись от своих мыслей, уточнил Север.

— Ну как же?! То говорил: пусть все идет, как идет... А сам вдруг насыпал на бедных женщин... — Красавица насмешливо сморщила хорошенъкий носик. — Лицемеришь помаленьку?

— А ты разве до сих пор не поняла еще, что Халима собирается с нами? — в тон ей ответил Вожак.

При всем своем самообладании Соня не сумела скрыть удивления:

— С чего ты взял?

— А чего ради она затеяла эту возню с огнем? Думаешь, о нас с тобой беспокоится?

— Ну уж не обо мне, это точно, — кивнула девушка.

— То-то и оно, — согласился Вожак. — Она боится, как бы что-то не упутило мимо ее рук! Она ведь колдунья, а какая колдунья откажется от могущества? Пусть даже то не более чем простая надежда! Но погибать-то ей уж точно не хочется.

— Уж не надеешься ли ты отговорить ее?

— Нет, конечно. Думаю, такое просто невозможно, но я не желаю выполнять глупые приказы. Просто... Просто потому что тоже хочу вернуться. Хочу, чтобы все мы вернулись, — убежденно добавил он. — А для этого нужно слегка подрезать ей крылья. Вот теперь, если желает, пусть идет. Но только наравне со всеми. Пусть потрудится на общее благо. Кстати, это твой совет, дорогая.

— Ты так уверен, что твоя задумка сработает?

— удовлетворенно улыбнувшись, спросила девушка.

— Увидишь, — пожал плечами Север. — Разара, как и я, не хочет новых жертв. Ей полезно осознать, что благодаря Пифии счет им уже начался.

— Но ведь она больше Халимы виновата во всем, — заметила Соня.

— Если так, это лишь добавит ей решимости, — улыбнулся Вожак.

Пожар в подземелье бушевал несколько седмиц.

Однако дней через пятнадцать решили предпринять первую попытку справиться с пламенем, и для этого Соня с Севером и Халима направились в Усадьбу. Правда, из заслон ничего не получилось.

Когда высокие гости прибыли на место, старый сотник ничего не сказал, только непонятно зачем кивнул Северу и повел всех вниз, даже не прихватив с собой факела. Еще на подходе, уловив поднимавшийся из подвала удущливый жар, Север понял, что оказался прав. Увидев же, как тусклым вишневым цветом светится в полной темноте стальная дверь, сообразил, почему не понадобился свет.

Находиться здесь было невозможно, и, как ни странно, не столько из-за жары, которую с трудом, но все-таки можно было терпеть, сколько из-за пробивавшейся из подземелья вони...

— Я ухожу! — заявила Халима и направилась назад.

Север не видел выражения лица Пифии, но по раздраженному голосу понял, что творится в ее душе.

— Пойдем и мы, — видя, что мужчины не торопятся возвращаться, поддержала колдунью Соня, и Север подумал, что впервые на его памяти желания этих двух женщин совпали.

Помедлив мгновение, он развернулся и пошел следом.

— И что же, никак нельзя отворить дверь? — капризно поинтересовалась Халима, когда спутники ее остановились рядом с ней во дворе Усадьбы.

Север увидел, что подруга уже готова всплыть, и мягко взял ее за руку: ни к чему затевать скану, тем более что раздражение Пифии явно вызвано тем, что она осознает свою вину.

— Я пойду распоряжусь насчет охлажденного вина, — сказал сотник и поспешил удалился.

— Ты разве не видела, что дверь светится? — нарочито удивился Север.

— Жар можно остудить, — стояла на своем колдунья. — Хотя бы водой.

— Вряд ли мы сумеем убедить кого-то добровольно свариться заживо, — стараясь казаться равнодушной, ответила Соня.

— Нет нужды убеждать тому, у кого есть право приказывать, — сквозь зубы процедила Халима, и Вожак с изумлением понял, что она и в самом деле готова на это.

— Когда люди поймут, что от них требуется, — злобно взглянула на нее Соня, — не помогут ни наши мечи, ни твое колдовство — нас просто разорвут на части! — И тут же добавила насмешливо: — К счастью, у меня нет такого права, а Север своим вряд ли воспользуется, так что действовать придется тебе!

Неизвестно, что ответила бы на это колдунья, не вмешайся Север.

— Ты знаешь, как поступают каменотесы, — заговорил он, обращаясь к Халиме, — когда при-

ходится, например, убрать глыбу, а поднять ее нет возможности?

— Вероятно, раскалывают ее на части,— нехотя ответила колдунья, не понимая еще, к чему он клонит.

— Верно,— кивнул Север.— Но как? — спросил он, и на этот раз вопрос его остался без ответа.— Вокруг валуна раскладывают огромный костер,— принялся объяснять он,— и, дождавшись, пока дрова прогорят, обливают камень водой. От резкого охлаждения он колется. Так вот,— продолжил он, когда увидел, что его поняли,— чтобы не рисковать жизнями людей, мы можем залить водой весь подвал. Только...— он посмотрел на колдунью, которая внимательно слушала его,— я сильно удивлюсь, если камень не расколется куда раньше, чем остынет дверь, и весь этот замок,— он кивнул на недавно возведенное строение,— не рухнет в подземелье.

При всем ее уме Пифии понадобилось какое-то время, чтобы сообразить, что Вожак не шутит. Она хотела уже согласиться с ним, но, увидев устремленный на нее ироничный взгляд его подруги, едва не взорвалаась.

— Я сделаю так, как посчитаю нужным,— сказала она, словно выплюнула ядовитую слону.

— А именно? — попытался уточнить Север.

— Как решила,— заявила Халима, разворачиваясь, чтобы уйти, но Вожак остановил ее.

— И все-таки не спеши,— мягко и проникновенно сказал он.— Ни к чему торопиться. Выпьем холодного вина. Быть может, Кардо или Руфин

что-то путное подскажут.— Колдунья смерила Вожака презрительным взглядом, но он не обратил на это ни малейшего внимания.— В любом случае время терпит,— примирительно продолжил он,— и неплохо было бы все лишний раз тщательно взвесить, прежде чем начинать действовать.

Он сделал приглашающий жест в сторону навеса, где сотник и несколько его людей уже сновали вокруг стола, расставляя на нем не только обещанное вино, но и всевозможную ароматную снедь.

Уж не известно, уговоры Севера или внезапно разыгравшиеся жажда и аппетит сыграли решающую роль, но гирканка кивнула и с явно недовольным видом направилась к столу.

— Что так долго? — спросил Север сотника после того, как помог девушкам расположиться у стола подальше друг от друга.— Наши красавицы чуть не умерли от жажды,— добавил он как можно более мягко.

— Ты не поверишь, господин,— помявшись, заговорил старый воин, в то время как слуга принялся разливать вино по кубкам,— только теперь охладить вино стало совсем непросто.

— Непросто? — удивился Север.

Забрав у виночерпия кувшин с вином, он принялся сам наполнять кубки сотрапезников, причем начал опять-таки с Халимы.

— Именно,— подтвердил сотник.— Ты не поверишь,— вновь повторил он,— но земля настолько прогрелась, что в погребе жарко, как в

бане. Пришлось вырыть новый, подальше отсюда. В лесу.

— Отчего же? Верю, — кивнул Север, усаживаясь на место. — А как на твой взгляд, можно проникнуть в подземелье? За дверь? — как можно более равнодушно спросил он, заметив, однако, как изменилось лицо прекрасной колдуньи. Она даже кубок поставила на стол, хотя по-прежнему ни на кого не смотрела.

— Да как же туда попадешь? — Сотник говорил медленно, тщательно подбирая слова. — Разве что кому жить надоело... Так ведь дураков нет. — Он настороженно посмотрел на Пифию, которая недовольно поморщилась при последних его словах, и поспешил добавил: — Я, к примеру, старик уже и не боюсь смерти, а все-таки расставаться с жизнью просто так, за здорово живешь... — Он покачал головой. — Да и не войти туда. Дверь наверняка заклинило от жара... — добавил он, подумав.

— Ну а если попытаться остудить ее и приоткрыть ненадолго? Нам нужно всего несколько мгновений. Так ведь?

Он вопросительно взглянул на Халиму, которая до сих пор упорно молчала, словно боялась, что над ней будут смеяться. Однако теперь она увидела, что опасения ее напрасны, а Север всерьез пытается найти хоть какую-то возможность исполнить ее желание. Гирканка благодарно посмотрела на него и кивнула.

— Всего пару мгновений, — подтвердила она, — чтобы успеть сбросить вниз небольшой ящик.

Сотник надолго замолчал, но в конце концов лишь досадливо поморщился:

— Да как же ее остудишь-то? Отдельно от пола и стен? — Он обвел собеседников выразительным взглядом. — Вот разве что все вместе... — начал рассуждать он вслух. — Отвести от реки протоку и затопить? — И тут же тряхнула густой седой шевелюрой. — Нельзя. Тут паром все разнесет — камня на камне не останется! — подтвердил от опасения Севера.

Халима досадливо закусила губу, и, упредяя все возможные возражения с ее стороны, Вожак спросил:

— А что, если не секрет, ты собиралась бросить туда?

Она улыбнулась, с достоинством кивнула, потом посмотрела назад и махнула рукой одному из прибывших с ними людей. Тот подхватил с земли небольшую прямоугольную корзину с крышкой и быстрым шагом направился к ним.

Когда загадочная корзина очутилась на столе, изящные пальчики колдуньи ловко распутали завязки, которые удерживали вместе боковины, и плетеные стенки раскрылись подобно странному бутону.

— Что это? — спросил Север. — Похоже на лед.

Он вопросительно посмотрел на колдунью, и та кивнула.

— Это и есть лед, — довольно ответила она. — Только не совсем обычный.

— Уж больно он синий, — заметил сотник. — Я такого отродясь и не видал.

— Охотно верю! — блеснув глазами, согласилась Пифия. Настроение ее поднялось настолько, что она даже не заметила, как сама на время стала приятной и милой женщиной. — Этот кусок льда, — гордо сообщила она, — оставленный на жарком летнем солнце, не растает и за год!

Она обвела мужчин победным взглядом, при этом даже не повернув головы в сторону Сони, будто той и не было здесь.

— Ты считаешь, этого куска хватит, чтобы остудить подземелье? — недоверчиво спросил Север и тут же добавил примирительно: — Ты извини, я ведь ничего не смыслю в колдовстве...

Ей хотелось крикнуть: “Да!” — но вместо этого она задумалась и неуверенно покачала головой.

— Не знаю, — честно призналась она. — По правде говоря, я рассчитывала только на тепло той Крови Земли, которую влили туда мы сами, но сейчас мне пришло в голову, что там ведь могло гореть и еще что-то...

— Это верно, — кивнул Север.

Сам он до сих пор не задумывался об этом. Для него ведь не имело значения, что там горит, но сейчас ему впервые пришло в голову, что в гигантском подземелье наверняка находилось огромное количество мебели, ковров, стены могли быть облицованы деревянными панелями, а потолки украшены дорогими тканями... Да мало ли что еще?!

Горючей рухляди там могло набраться сколько угодно. Если так и Халима вновь просчиталась, то затея обречена на провал, даже если ледышку

удастся пропихнуть внутрь. Но и этого они не могут сделать...

— Как думаешь, — обратился Вожак к старому воину, — когда эта груда камня остынет?

— Ну... — поморщился тот. — Точно тут сказать ничего нельзя... Но думаю, за зиму все придет в норму.

— За зиму?! — переспросила Халима вроде бы и не громко, но таким тоном, что старик невольно отпрянул, и в голове его мелькнула дикая мысль: сейчас колдунья начнет искать “добровольцев” для своей затеи, и первым наверняка окажется он! Ее прекрасное лицо исказилось гневом, глаза метали молнии и, казалось, сами могли испепелять.

— Послушай, — спокойно спросил Вожак, — а нельзя этот лед, — он кивнул на лежащий на столе бруск синего цвета длиной в локоть, — положить на дверь? Хватит в нем холода, чтобы остудить перекрытие, ну и заодно подвал Усадьбы?

Халима удивленно посмотрела на него и мгновенно ощутила досаду, оттого что не додумалась сама до такого простого решения. И еще ей стало неловко за свою несдержанность, хотя она и не относилась к людям, хоть раз в жизни испытавшим угрызения совести.

— Хватит, — кивнула она, — причем с избытком. Если к тому времени, как сможем открыть дверь, лед не растает, просто снимем остаток.

— Сколько времени на это потребуется? — деловито поинтересовался Север.

— Думаю, седмицу, не меньше,— прикинув что-то про себя, ответила колдунья.— К сожалению, моя магия рассчитана на то, что лед будет таять сам по себе, и потому не может слишком быстро забирать тепло.

— К счастью,— поправил ее Север.— К счастью. За это время тебе придется приготовить еще один кусок льда, а для этого, вероятно, вернуться в Логово.

* * *

Две седмицы спустя все повторилось. Вновь небольшой отряд въехал в ворота Усадьбы, только на этот раз к нему присоединился Кучулуг. Легко, словно пушинку, подхватил он возлюбленную и так бережно поставил ее на землю, что Соня невольно покачала головой, хотя точно такую же заботу о себе принимала от Севера как нечто само собой разумеющееся.

— Уж не ревнуете ли ты? — с улыбкой поинтересовался Вожак, когда гирканцы отдалились на десяток шагов.

— Ревную? Я?! — Она пренебрежительно хмыкнула.— Я удивляюсь,— тут же призналась девушка. И внезапно заговорила неожиданно серьезно.— Я вдруг поняла, что Кучулуг по-настоящему любит ее...— Она поморщилась и добавила с ненавистью: — Эту злобную стерву!

— Я понимаю Кучулуга,— неожиданно заметил Север.— Халима красива, умна, молода, деятельна... Чем-то она напоминает тебя...

— Ну спасибо!

— Да, да! Только в ней будто все наоборот! — поспешил объяснить Север, видя, что подруга его начинает злиться.— Не только волосы черны как ночь...

— Но и душа,— успокаиваясь, договорила за него Соня.— Мне жаль Кучулуга,— добавила она грустно, и буря так и не разразилась.

* * *

На этот раз в подвал спускались вдесятером, прихватив с собой пятерку слуг.

Двое из них тащили плетеные корзины с глыбами странного синего льда, еще двое вооружились обрывками холста и ломами, в то время как пятый шел впереди, освещая дорогу факелами.

Еще наверху, едва только отворили ведущую в подвал дверь, Север почувствовал, как в лицо ударила волна холода, которая вскоре окружила их со всех сторон. Едва спустившись вниз, Кучулуг восхищенно присвистнул, окидывая взглядом пустое просторное помещение.

— Кто говорил, что здесь баня? — громко поинтересовался он, нарочито зябко поеживаясь.

Соня удивленно осмотрелась. Пол, каменные блоки стен, плиты перекрытия — все, словно густым мхом, обросло толстым, в палец толщиной, слоем инея.

— Да, вовсе не жарко,— кивнул Вожак, в то время как сопровождавшие их воины во все глаза смотрели на колдунью и на то, что она сотворила своими руками.

Сама же Халима даже не улыбнулась: что-что, а принимать восторженное поклонение окружающих она умела.

— Придется отогревать,— заметил Кучулуг.

— Я бы позаботился об этом заранее,— заметил сотник,— но не знал, когда вы приедете. Да и распоряжений на сей счет вы не оставили.

— Как начнем отогревать,— возразил Север,— иней потечет и застынет в проемах. Проще оббить. Молот найдется? — обратился он к сотнику.

Тот молча кивнул одному из своих людей, и парень стрелой рванул наверх. Оставшиеся молчали. Дыхание паром вырывалось из ртов, поднималось к потолку и оседало на нем, нарашивая слой искрящегося инея. Все ждали, и никто не решался нарушить тишину, досадуя на дурацкие качели,— то в жар, то в холод — из-за которых стоит на месте дело. Теперь, приглядевшись, Север увидел, что на полу слой инея все-таки тоньше. Во всяком случае, очертания двери четко прорисовывались сквозь снежное убранство, неожиданно придавшее стальной преграде по-зимнему праздничный вид.

Наконец откуда-то сверху раздался топот ног, и по лестнице едва ли не скатился молодой воин с огромным кузнецким молотом в руках. Тяжелые удары обрушились на стальную плиту, иней, крошась, посыпался с потолка и в свете факелов заискрился всеми цветами радуги, укрывая тонким слоем головы и плечи людей.

— Довольно! — Север поднял руку, останавливая молотобойца, и парень застыл, опустив

свое орудие на пол.— Поднимайтесь! — скомандовал Вожак.

Двое слуг вставили стальные ломы в скобы, служившие рукоятями, и, пользуясь ими как рычагами, с резким уханьем рванули их на себя. Раздался резкий щелчок, говорящий о том, что последняя преграда сломана, и плита тяжело приподнялась, со скрипом поворачиваясь в петлях. В тот же миг огненный факел вырвался из образовавшегося проема и охватил молотобойца.

— А-а-а! — терзаемый ужасом и болью, закричал он, в то время как окружающие его люди замерли в оцепенении.

Стальные стержни вырвались из мгновенно ослабевших рук его товарищей, и дверь с грохотом упала на прежнее место. Парень столбом пламени заметался по комнате, ничего не соображая от боли, и только Север, единственный из всех, не растерялся. Он словно ждал чего-то подобного. Ударом кулака Вожак сбил несчастного с ног и тут же накрыл его сдернутым с плеч плащом.

Крик мгновенно стих, да и пламя погасло неожиданно быстро, а когда Север снял с бедолаги плащ, все увидели, что парень практически не пострадал. Только кожа его покраснела, опаленная жаром, да одежда продолжала дымиться, но в остальном он выглядел совершенно нормально.

— Это боги! — не своим голосом закричал один из тех, кто орудовал ломом.— Боги не желают, чтобы мы спускались в подземелье!

Лицо его исказилось ужасом, руки тряслись.

— Умолкни, глупец! — прикрикнул на него Вожак. — Какие еще боги?! Я погасил огонь, а под силу ли мне, простому смертному, перечить воле богов?!

— Это боги! — продолжал шептать тот, впрочем, не столь уверенно, как прежде.

— Угомонись! — уже спокойнее проговорил Север. — Мы действовали опрометчиво и едва не поплатились за это. Простая человеческая самоуверенность, а боги здесь не при чем.

Он серьезно посмотрел на парня. Тот не стал спорить, судя по всему, успокаиваясь, и только руки его по-прежнему мелко дрожали.

— Ну? Приходишь в себя? Перестань же, говорю тебе. Вон, бери пример со своего друга,— Вожак кивком указал на пострадавшего,— дымитесь, а молчит.

Парень и впрямь исходил голубоватым дымком, но никто до сих пор словно и не замечал этого.

Зато теперь слова Севера вызвали приступ истерического смеха буквально у всех. Девять человек смотрели на обожженного товарища и хохотали, словно тот и впрямь отмочил нечего неимоверно потешное. И только когда несчастный вдруг расхохотался сам, все встало на свои места.

— Все-таки ход придется открыть еще раз,— заметил Север, когда все угомонились.— Мы совершенно забыли про лед, а его непременно нужно сбросить вниз.

На этот раз действовали более осмотрительно: боковины прикрыли мокрой холстиной, ломы вставили на прежнее место и по счету "три!" плиту приподняли еще раз. Север и Кучулуг уже стояли по краям, каждый с корзиной льда в руках, и, как только огненная пасть разверзлась, швырнули их в огонь. Плита с грохотом рухнула на место, и лишь растекшееся мокрое пятно на полу напоминало о том, что только что на этом месте бушевало море огня.

* * *

Еще дважды с перерывом в две седмицы открывали лаз, однако пламя хоть и уменьшилось, но гаснуть упорно не желало. Халима сразу поняла, что нужно сбросить еще два куска льда. Только на этот раз к прежнему колдовству Гиффия добавила еще какое-то заклинание, заверив Севера, что на этот раз подействует наверняка.

Вожак не стал спорить, тем более что и сам не сомневался в том же: когда они с Кучулугом бросали вниз последний кусок, пламя явно стихало. Минуло еще две седмицы, и лаз открыли вновь — огня внизу как не бывало. Вместо него сквозь прямоугольный проем повалили клубы густого черного маслянистого дыма. Отвратительно воняло горелой плотью и чем-то еще совершенно незнакомым, но Север сказал, что это Кровь Земли, сгорая, дает такой запах.

Стало ясно, что спуск вновь откладывается. Даже в подвале замка через пятнадцать ударов сердца стало нечем дышать. Дверь, а вернее —

люк, снова закрыли и, помогая друг другу, люди с трудом выбрались на солнечный свет, задыхаясь и кашляя, а потом долго приходили в себя от удушливого смрада и от кошмарной боли, которая сдавила голову каждого крепким обручем.

Что уж там придумала Халима, не знал никто, но только в следующий раз люк открыли да так и оставили, и целую седмицу после этого черный дым рвался в синее небо, словно все демоны Тьмы яростно выдували его из необъятных подземелей наружу. Затем дым поредел и изменил цвет, став серым, а еще через несколько дней от него осталась лишь полупрозрачная, с легким пепельным оттенком дымка.

Все это время Север безвылазно провел в Логове. Он понимал, что их замысел не безупречен, а потому намеревался кое-что в нем изменить и, кроме того, отдельно заняться с полусотней воинов, что собирались идти с ним, стрельбой из лука. От мелькнувшей было у него мысли вооружить всех такими арбалетами, как тот, что Гуднар сделал для Сони, Север, хотя и не без сожаления, отказался. Уж слишком мало времени оставалось на то, чтобы изготовить столько оружия.

Халима же ни на миг не покидала Усадьбу. Когда Разара объявила, что руководить спуском будет Вожак, Пифия едва не задохнулась от ярости, но спорить и скандалить не стала, прекрасно понимая, что это бессмысленно: если владычица что-то решила, отговорить ее невозможно. Однако колдунья даже не попыталась ни от кого

скрыть, насколько оскорблена, и, сославшись на неотложные дела, покинула Логово. Никому при этом и в голову не пришло, что наряду с видимой причиной ее отъезда существовала еще и другая — тайная. Теперь колдунья могла без помех встречаться в лесу со Странником.

В Логове же все только облегченно вздохнули, с удивлением ощущив вдруг, насколько вольготнее стало в его стенах без Пифии...

* * *

Погода стояла жаркая. Здесь, на севере, в затерянной в горах Граскаала долине, только белоснежные вершины обступивших ее гор напоминали о том, что где-то существуют еще снег, лед и холод.

Вулоф лежал у подножья мраморной статуи на песочке перед прудом и, высунув огромный красный язык, часто дышал и блаженно жмурился. Десяток парней и девушек — Прибылье, как теперь называли в Логове Послушников, хотя и прежнее название нет-нет, да и звучало — с шумом и криками плескались в пруду. Огромный волк искоса поглядывал то на купающихся, то на Шалло, которая деловито пыталась достать мозг из подаренной Булио кости, то на Задиру, суетившуюся возле вороны, то на Гану, с отрешенным видом сидевшую рядом.

Шалло просовывала огромный клюв внутрь кости, но это у нее плохо получалось, и тогда она хватала лакомый кусок когтистой лапой и ударяла им о камень... Примерно так, как это делают

люди. Из этого тоже ничего не выходило, и ворона старательно запихивала кость на прежнее место — в щель между камнями — и вновь пускала в дело клюв. Человек бы давно махнул на все рукой и бросил это бессмысленное занятие, но упрямая птица с завидным терпением возилась с недоступным лакомством.

Задира смотрела на нее жадными голодными глазами и время от времени пыталась завязать разговор, но рассуждать сейчас крыса могла только о еде, и разговор прекращался сам собой.

Ах! Ей бы эту прекрасную кость! Как быстро ее белые крепкие зубы прогрызли бы стенку, за которой прячется от глупой вороны сладкий мозг! Она мечтательно закрыла глаза, чувствуя на языке его блаженную мякоть. Крысиный ротик мгновенно наполнился слюной. Она слготнула и нехотя отвернулась.

— А ты козу перекусить можешь? — вздохнув, спросила она, пристально посмотрев на огромного волка, словно от ответа на этот вопрос зависела вся ее дальнейшая жизнь.

— Могу... — как всегда, кратко ответил волк.

— А барана? — продолжала допрос дотошная крыса.

— И его... — ответил Вулоф, не понимая, почему ее так тревожат все эти глупости.

— Ну а быка?! — с надеждой спросила Задира.

— Кр-рысу он и так пр-рогохлотит! Целиком! — раздраженно каркнула ворона, которой наконец-то надоели и возня с костью, и дурацкие вопросы подружки. — Не р-разжевывая!

Задира возмущенно запищала и насупилась, услышав, как расхохоталась Гана.

— Я слишком мала ростом, — со вздохом заметила крыса, когда девушка наконец успокоилась. — Из-за этого все смеются надо мной, — добавила она.

— Дело не в р-росте, — возразила ехидная ворона, — пр-росто твой колпак слишком близко к земле. Ха-ха-ха! — разразилась она хриплым хохотом.

Задира стянула с головы колпачок, который по ее просьбе сшила Гана, и тяжело вздохнула, думая о том, что напрасно она надеялась таким образом больше походить пусты на маленького, но человека.

— Успокойся, милая, — улыбнулась Гана. — В тебе гораздо больше человеческого, чем во многих людях.

— Ха! — каркнула Шалло. — От человека у нее колпак! Она похожа на кр-рысу-пер-рер-ростка в шапке!

Задира только посмотрела на зажатый в лапе колпак и невесело вздохнула.

— Беда с этими птицами, — с трудом сдерживая улыбку, заметила девушка. — Никакого уважения к тем, кто ходит по земле.

Задира с надеждой взглянула на Гану.

— А крысы почему не летают? — задала она глубокомысленный вопрос, и некоторое время Гана ошарашено смотрела на нее, потом, немного приди в себя, опустила взгляд. И тут же ее лицо исказила гримаса отвращения.

— Ай-яй-яй! Какая гадость! — завопила вдруг девушка, запрыгивая на камень.

Огромный черный жук, шевеля длинными усами, уставился на нее, словно ему нравилось, что он смог так ее напугать.

— Ха! — каркнула Шалло, боком подскочила к нему и клюнула. — Сколько шума из-за кусочка еды!

Ворона старательно выскоблила клюв о камень и уставилась на девушку, как той показалось, ехидно.

Гана покачала головой: никогда она не будет походить на Соню, а ведь так хотелось.

Как раз в это время Соня в сопровождении Севера приближалась к пруду.

— Похоже, твоя подруга крепко подружилась с нашими питомцами, — заметил Вожак.

— Тебя это радует?

— Конечно, — ответил воин. — Если что-то случится с нами, будет, по крайней мере, кому позаботиться о ней.

— А не наоборот? — поинтересовалась она.

— Наоборот не получается, — усмехнулся Север.

— Чем вы тут занимаетесь? — спросила Соня, останавливаясь рядом с подругой.

— Умираем от жары, — ответила та и уставилась на подругу, явно ожидая, что она скажет что-то важное. — Что-нибудь случилось?

— Завтра мы уходим, — ответила Соня, окинув взглядом всю компанию, и по ее тону Гана поняла, что она остается.

— Все-таки не берете меня? — на всякий случай спросила девушка, и Соня грустно покачала головой.

— Нет. Тебе придется остаться, — объяснил Вожак. — Я хочу знать обо всем, что здесь произойдет в наше отсутствие, а значит, мне нужен человек, на слова которого я могу положиться.

— Пр-правильно! — каркнула Шалло. — Лучше тебе дождаться нас наверху!

— Ты тоже остаешься, — осадил ее Север. — Все вы остаетесь, — добавил он веско.

— Зря... — вздохнул Вулоф.

— Быть может, — не стал спорить Вожак. — Никто не знает, что нас ждет, и я не хочу, чтобы вы погибли просто так. К тому же все вы нужны мне здесь, — решился наконец он рассказать о том, чего говорить, вообще-то, не хотел. — Скорее всего, сразу по возвращении мы покинем Логово навсегда. Так что все слушайте и запоминайте.

— И помните, — добавила Соня, когда он умолк, — никто ничего не должен знать...

* * *

Оставшись в одиночестве, Халима вовсе не ощущала себя покинутой. Даже то, что не она будет руководить предстоящим походом, не слишком волновало ее, хотя, безусловно, это было весьма болезненным ударом по самолюбию. Однако у нее хватило благородства сдержать гнев и уехать в Усадьбу, и еще в дороге она поздравила себя с тем, что все так удачно получилось.

Все считают ее обиженной и поэтому стараются не только не потревожить, но и вообще не попадаться на глаза. На самом же деле она всего лишь получила полную свободу действий, наконец-то вырвавшись из-под опеки владычицы. Ведь как бы ни кичилась прежде Пифия своим умом, но действовать ей приходилось тайно, все мысли тщательно скрывать, а замыслы свои она не решалась доверять даже Кучулугу, в верности которого не сомневалась.

Зная, какой Халима обладает властью, все в Усадьбе подчинялись ей беспрекословно. Впрочем, никто не осмеливался перечить ей и в Логове, но зато здесь она впервые почувствовала себя настоящей владычицей. Она вдруг подумала: что бы ни говорил Вожак, а она может, не дожидаясь его появления, загнать всех в подземелье, и если кто хоть слово скажет поперек, то горько пожалеет. О боги, как ей хотелось именно этого: возможности безнаказанно вершить судьбы людей, посыпать их на смерть и ни перед кем не отчитываться.

Ай, Север! Ай, умница!

Теперь, в который раз убедившись, как он ловок, умен, предусмотрителен и удачив, она больше, чем когда бы то ни было, жаждала обладать им. Как хорошо он все продумал! Выбрался за стены Логова, якобы чтобы делать дело, а на самом деле просто для того, чтобы ни перед кем не держать ответа! Сам себе господин. А в Логове у него верные друзья... Чуть что, всегда подскажут, что вот это и это изменилось к худшему!

А она-то, дуреха, размечталась, решила, что все тщательно продумала. Воспользовалась тем, что Вожак в отъезде, и захватила власть. А Север узнал обо всем, приехал и выставил ее перед владычицей полной дурой! И ведь ни слова упрека! "Мы виноваты!", "Мы не подумали"... Когда всем известно, что все распоряжения исходили от нее, Халимы! А ведь она заботилась не только о себе, но и о нем тоже.

Нет, теперь, когда к прежнему вкусу власти добавился аромат безответственности, она наконец-то поняла, что именно к этому стремилась всю жизнь... Да и вообще, стоит ли торопиться с уходом к Темному Властелину? Кто знает, что ее там ждет? Правда, Страннику она явно приглянулась — намек-то его был отнюдь не двусмысленным. А это вселяет надежду, что она займет место подле Темного Властелина, у самой вершины власти!

А у вершины ли? Ведь если Темный Властелин достиг ее, то что ему надо здесь, в мире людей? Может, существует нечто более грандиозное, чем его власть? Что она вообще знает о нем? Да, сила его велика, но не изгой ли он в своем мире? Пусть могущественный, честолюбивый, но пария?! Если так, лучше ей оставаться здесь. Правда, Тень говорил, что Хайбория катится к гибели, но кто знает, так ли оно на самом деле? Ей и самой частенько приходилось прибегать ко лжи, которую нельзя проверить...

Да, лучше ей не покидать этот мир. Занять место Разары... Если они сумеют отыскать трон

Крови, то нет ничего проще. Разара уедет в Похиолу, а она, Халима, останется властствовать здесь. И тут ее осенило... К Нергалу все! Да если она заполучит трон, то сама станет владычицей! Что бы там ни говорил Странник! И совсем ей не нужен весь мир — достаточно небольшой страны. Тогда и рабов хватит, и с жертвоприношениями трудностей не будет.

А для начала...

Для начала с нее достанет и власти над Севером! И над рыжей девкой! Она и сама не замечала, как мысли ее мечутся от одного к другому, перемешивая и жажду власти, и мечту о могуществе, и любовь к Северу, и ненависть к его подруге... "А вот после того как исполняются два самых моих заветных желания,— продолжала рассуждать она,— вот тогда и настанет черед подумать о власти над прочими людышками. И действовать я буду как Вожак: окружу себя доносчиками, а остальных заставлю если не любить себя, так бояться!"

Придя к такому выводу, колдунья задумалась: так ли оно на самом деле? Только что в беседе со Странником она распространялась о ненависти, избегая упоминать о любви. А о ненависти Пифия знала много, и не понаслышке. Даже сейчас, когда она вспомнила о последнем разговоре в покоях владычицы, глаза ее загорелись хищным огнем, когда Халима представила, как истязает ненавистную шадизарку, лоскут за лоскутом снимая с нее белую нежную кожу... По полоске в день...

Странник кивнул тогда, вполне соглашаясь с ней, что победа над врагом — величайшая радость человека. Но вместе с тем высказал и еще одну мысль, показавшуюся колдунье совершенно неожиданной.

— Я понимаю твою ненависть,— сказал он тогда.— Точно так же слабые ненавидят свою слабость, сильные — силу. Чужую силу.

Эти слова против воли запали Пифии в душу, особенно потому что память с готовностью подбрасывала ей воспоминания, от которых, она знала это, ей никогда не избавиться. Одно злополучное столкновение с рыжей гадиной чего стоило, когда вся магия Халимы не смогла обеспечить ей победы. Обе ее силы — ненависть и колдовство — оказались бесполезными. Но оставалась еще третья сила, о которой она не говорила никому, но на которую в последнее время возлагала все больше надежд.

Халима возносила хвалу богам за то, что те наградили ее прекрасным лицом гирканской богини Гуяли и роскошным, сводящим с ума телом. Даже Север не мог не замечать ее прелестей.

"Богиня красоты, наделенная грацией дикой кошки и холодной душой паука",— примерно так он отзывался о Пифии, и слова его оказались пророческими, потому что до конца Халима осознала свои возможности только сейчас. Она поняла, что ненависть только придает ей сил идти к цели, а колдовство — совсем не то оружие, которым стоит необдуманно пользоваться сейчас. Для него еще приспеет время, а теперь настала

пора вспомнить о ее теле — сильном, горячем и таком желанном для многих... У редкого мужчины голос разума сильнее зова плоти... Как жаль, что она не поняла этого немного раньше!

Но кто сказал, что все потеряно? Гирканка давно усвоила правило, гласившее: не хочешь предательства, не доверяй никому, — и не нарушала его. И только теперь в ее памяти всплыла фраза, сказанная когда-то Вожаком, которую неплохо было бы тоже принять как еще одно правило: для твердой воли нет преград.

“Как интересно,— подумала она.— Совет Севера поможет мне подчинить его самого!”

Так или примерно так рассуждала прекрасная гирканка, которой казалось, что только теперь она до конца осознала себя и свое предназначение.

Ее всегда влекли только разрушения и смерть. Она неустанно работала над собой, и все чаще ей удавалось, оставаясь внешне спокойной, точно гладь речного пруда, сохранять в душе пламя необузданной страсти, способное, вырвавшись, заживо сжечь любого.

Насквозь фальшивая, она неизменно удивлялась чужой искренности и непосредственности. Самой же ей ничего не стоило разрушить до основания чью-то жизнь для того лишь, чтобы доставить себе удовольствие. Теперь же, когда она наметила для себя новую цель, ее готовность идти напролом ничто не могло поколебать.

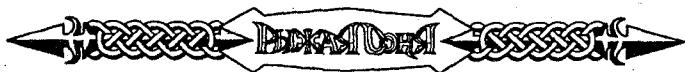
Власть! И не какая-то крошечная власть над горсткой людей, которая представлялась ей такой

сногсшибательной еще совсем недавно, а власть безграничная и всеобъемлющая... Единоличная власть над всем сущим! Вот что отныне станет ее главной целью!

Как претворить ее в жизнь, Пифия не знала. Пока не знала... Мысль о том, что власть бога единственно возможна при ее честолюбии, пока не приходила в голову колдунье. Однако она умела ставить и решать задачи на ближайшее будущее. И подсказал их Халиме Странник...

Именно его слова о том, что сильные ненавидят чужую силу, натолкнули колдунью на интересную мысль... Если так, то лютая ненависть, что питает к Северу Темный Властелин, говорит о том, что сам Север не совсем тот или, вернее, совсем не тот человек, за которого выдает себя. Что сила его, в чем бы она ни выражалась, несет в себе смертельную угрозу власти, а может, и самому существованию Темного Властелина!

Значит, она должна завоевать Севера, а не убивать его, и хотя время во многом упущено, еще многое можно наверстать. Так или иначе, но Халима решила, что нельзя упускать Вожака из виду... А для этого она должна остаться в Логове. Придется подождать с уходом к Темному Властелину. Причина? Со свойственной ей изворотливостью причину она придумает. В этом у колдуньи не возникло и тени сомнения. Конечно, действовать придется тонко, чтобы, охотясь за Севером, не разрушить упрочившейся в последнее время связи с Темным Властелином, но тем весомее окажется награда!

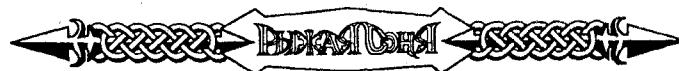

Сама того не сознавая, она и к Северу начала относиться иначе, чем прежде. На смену романтической любви пришла болезненная страсть. И даже не страсть, быть может, а неудержимая жажда обладания, безраздельной власти над ним. И теперь она знала, как добиться своего...

А Темный Властелин подождет...

Халима невольно припомнила его последние наставления: "И непременно вынь спицу до того, как, вернувшись в мой мир, паук перекусит нить..." Она должна, конечно, отыскать паука, хотя бы для того, чтобы посмотреть, что будет, а потом повторить все еще раз... И тут ее осенило. А ведь все складывается необыкновенно удачно! Она позволит пауку перекусить нить, узнает, каким образом и как скоро все происходит, а сама останется здесь. Сочинить же оправдание своему поступку не составит для нее труда.

Придя к такому решению, Пифия почувствовала себя намного лучше. Все стало казаться ей не столь уж и мрачным. Даже то, что ее попытка все прибрать к рукам закончилась полным провалом, теперь уже не угнетало колдуны. В самом деле, стоит ли сокрушаться по этому поводу? Быть может, кто-то и стал бы страдать, но Халима рассудила иначе. До сих пор она успешно добивалась той же цели, действуя исподтишка: все нити держала в руках, никогда не выступая вперед. Теперь же попробовала действовать более прямо и открыто и потерпела крах. Значит, честная борьба не для нее, и этот жестокий урок следует хорошенко запомнить на будущее. Осо-

бенно когда она решит связать свою судьбу с Темным Властелином.

Халиме стало вдруг необычайно радостно от сознания того, что все наконец-то встает на свои места, а вместе с этим ощущением вернулась и уверенность в собственных силах.

Поднявшись из кресла, она легкой походкой подошла к столу, на котором стоял графин янтарного абрикосового вина, и налила себе высокий бокал. Надо сказать, что старый Руфин попытался как мог украсить ее комнату. Он приказал перенести из своего кабинета единственное во всей Усадьбе кресло, а третьего дня из Нумалии прибыл человек, который специально для нее привез шелковое постельное белье, скатерти, портьеры для окон — чтобы укрыться от палящего солнца — и множество всяких мелочей... В частности — это вино и графин с бокалами.

Такая забота льстила, хотя сами по себе вещи не слишком нравились колдуны. Гораздо больше ее внимание привлекал небольшой gobelen, примерно три локтя на два, что нашли этим летом в одном из подвалов. Он прекрасно сохранился и даже не поблек, ведь бесчисленные века ткани не касался солнечный свет. Халима, сама не понимая, почему, снова и снова рассматривала его, хотя ничего особенного в нем не было и он явно не хранил в себе никаких тайн.

На нем была изображена сцена охоты. Точнее, то, что было непосредственно после охоты, потому что действие к этому времени уже закончилось. С большим искусством вытканная на gob-

лене природа поражала суворой красотой. Сосны и ели стеной окружили небольшую поляну.

Деревья не казались непомерно высокими, хотя свисавший с ветвей длинными серебристыми лохмотьями мох и толстые темно-коричневые чешуйки коры говорили об их почтенном возрасте. Однако несоответствие это выглядело странно гармоничным.

Охотники тоже производили несколько необычное впечатление. На картине Халима увидела двоих таких, хотя понимала, что их явно больше — просто остальные остались вне поля зрения. Более всего они напоминали колдуны... Грибы! Этиакие маленькие, крепкие боровички в одночасье выскочившие после теплого весеннего дождика, с круглой шляпкой, достававшей до середины крепкой ножки.

Ни лань, что уже жарилась на вертеле, ни утварь, ни оружие не давали представления об истинном росте охотников, но отчего-то Пифия была твердо уверена, что они едва ли достанут макушками до пояса рослого человека. Они обладали слишком крупными головами, но в их лицах при этом не было даже намека на уродство, наоборот, черты были правильными, волевыми. Коренастые, крепкие тела в общем-то не казались слишком маленькими для больших голов. Короче, с одной стороны, они выглядели смешными уродцами, а с другой — внушали невольное уважение. По крайней мере, Кардо, едва взглянув на гобелен, заявил, что не прочь принять в свою команду этих маленьких силачей.

Однако Халима сразу решила: уроды, и свое невольное любопытство объясняла именно этим — нездоровым интересом всякого нормального, как она считала, человека к любому проявлению физических недостатков. Однако ей почему-то не давал покоя вопрос, который она то и дело задавала себе: кто эти... люди? Даже в мыслях она с трудом заставляла себя называть их людьми.

Пифия знала, что некогда мир населяла не только человеческая раса, были и другие ветви. Не составляло секрета и то, что каждая из них насчитывала несколько видов. Но о большеголовых коренастых коротышках гирканка никогда прежде не слышала, и теперь, сама не зная, почему, ломала голову над вопросом, кто же они. Просто уродцы или некий таинственный народ, существовавший в незапамятные времена и бесследно ныне исчезнувший?

Ответить она не могла даже приблизительно, но подолгу внимательно рассматривала гобелен, не в силах оторвать от него взгляда.

Сделав очередной глоток, колдунья обнаружила, что бокал опустел, и только это заставило ее оторваться от размышлений. Конечно, интересно узнать, кто эти два карлика, но есть дела и поважнее. К примеру, что понадобилось Страннику в подземельях Пифона? Не зря он потребовал, чтобы ни одна находка не ускользнула от нее. Значит, там есть что искать помимо трона Крови. Но что? Этого он не сказал, но она непременно узнает, когда нужная вещь обнаружится. Если обнаружится... Однако сейчас над

этим тоже нет смысла голову ломать. А что же важно сейчас?

Север...

Она должна следить за ним и ни на мгновение не упускать из виду, а когда представится случай, совершить задуманное. Пифия рассуждала четко и по-деловому, словно и не испытывала к этому человеку никаких чувств. Как будто в нужное время ей предстояло просто нажать на некий потаенный рычаг, и все ее сокровенные мечты сбудутся сами собой.

Север... А что, собственно, ему понадобилось в подземелье?

Эта мысль впервые пришла в голову прекрасной колдунье. Она знала, что Вожак занимается только тем, что считает для себя важным, либо тем, что поручает ему Разара, когда приходит к выводу, что поручение по силам только ему. Однако во всем, что касалось подземелий Пифона, желание Севера опережало приказы владычицы. И почему-то никто никогда не обращал на это внимания. И вот теперь Халима впервые задумалась над тем, что нужно Вожаку в подземельях.

Казалось бы, он нашел себе женщину (при этой мысли лицо Пифии исказила болезненная гримаса) Нашел себе дело вне стен Логова, тем самым освободившись от всякого надзора и руководства. Так зачем ему, рискуя жизнью, лезть под землю? Халима перебирала в уме все, что было ей известно, но ни одно из предположений не показалось ей разумным.

Итак, она могла с уверенностью утверждать лишь то, что Темный Властелин ищет в подземельях что-то, о чем даже говорить не желает, а главный его враг ищет что-то другое... Или то же самое? Или кто-то из них хочет просто помешать сопернику?

Халима тряхнула головой, и ее черные, как вечная ночь, волосы темным пламенем полыхнули в свете солнца.

Она задумчиво выглянула в окно, посмотрела на коснувшееся вершин деревьев светило и подумала о том, что в ее распоряжении осталась только ночь. Завтра в Усадьбу прибудет отряд из Логова, наверняка вместе с ним и Север с рыжей стервой. Еще одна, последняя, ночь уйдет на подготовку, а затем все кончится. Они спустятся под землю.

Впервые подумав о предстоящем походе как о чем-то реальном, Пифия вдруг поймала себя на том, что ее гложут сомнения: а она-то зачем туда лезет? Конечно, она еще может оказаться больной и остаться наверху, но сделает это или нет, с прежней, привычной жизнью ей придется расстаться окончательно и бесповоротно.

Впервые за долгое время она почувствовала себя неуверенно, и это сильно не понравилось ей. Обычно Халима умела предугадывать результат, просчитывая предстоящие действия на несколько шагов вперед не только за себя, но и за противников. Сейчас же, пытаясь представить, что ждет ее после возвращения, она впервые растерялась. Причем не от обилия догадок, а от

полного их отсутствия. Ее внутренний голос молчал.

Она еще раз взглянула на таинственный gobelen, словно надеялась, что изображенные на нем фигуры ответят на ее вопросы, и вдруг вспомнила о книге, пожалуй, не менее, если не более, таинственной, чем вытканная картина. Она стремительно подошла к столу и достала из ларца томик стихов в кожаном переплете. Колдунья закрыла глаза и попыталась сосредоточиться на мысли о том, ответ на какой из вопросов она желает получить на этот раз. Однако в голове царил полный сумбур, она вздохнула и наугад открыла страницу.

Что в мире зло, а что святое?
 Кто хочет выжить, должен знать:
 Где правит тьма, там все иное...
 Там человек, там все живое —
 Лишь отсвет тьмы, что жаждет Тень пожрать!

Халима медленно опустила книжицу на колени и неожиданно для себя обнаружила, что колени ее дрожат. Такого она не замечала за собой никогда. Неужели дурацкий стишок произвел на нее такое сильное впечатление? Конечно, она знала, что незримый мир вовсе не бесплотен, как думают многие, и уж вовсе не безопасен. Впрочем, здесь ведь разговор идет о совершенно ином — не о мире Таинственного Властелина, к которому она давно уже успела привыкнуть и чувствовала себя в нем как дома. До сих пор она считала, что тень — всего лишь отсутствие света. Так что, выходит, это не так? И могут существо-

вать условия, при которых предмет не отбрасывает тень, а сам представляет собой всего лишь порожденный тьмой отблеск какого-то неведомого объекта? Хотя вечер стоял теплый, колдунья зябко передернула плечами и покачала головой. Что за чушь!

Она подняла руку так, чтобы на нее упали лучи закатного солнца, и посмотрела на возникшую на стене тень, пошевелила пальцами, и ей вдруг припомнилась детская игра, когда, собравшись на солнцепеке, чумазая ребятня принималась пугать друг друга созданными из теней монстрами. Она вспомнила, что чаще других побеждала в таких состязаниях, и попробовала повторить давно забытые фигуры. На стене одна за другой пронеслись несколько из любимых прежде тварей, но они почему-то не показались Пифии ни смешными, ни страшными.

Халима усмехнулась. Нет, все это чушь собачья. Слишком многое из того, что кажется в детстве реальностью, превращается в дым, как только становишься взрослее. Хотя, правильно и другое: именно дети с их раскрепощенным сознанием способны воспринимать то, что остается вне поля зрения взрослых... Она пошевелила пальцами, и на стене появился силуэт злобно оскаленного чудища. Когда-то эта тварь наводила ужас на всех без исключения сверстников, теперь же она вызвала у Халимы только легкую усмешку. «Нет, все это чушь собачья», — мысленно повторила она. Теперь она знает об этом не нарасхватке. Или все-таки нет?

Колдунья уже успела удостовериться на собственном опыте в том, что каждое из пророчеств обязательно имеет глубокий смысл, даже если на первый взгляд кажется просто бредом. Она раскрыла книгу на той же странице и еще раз прочла:

Что в мире зло, а что святое?
Кто хочет выжить, должен знать:
Где правит тьма, там все иное...
Там человек, там все живое —
Лишь отсвет тьмы, что жаждет Тень пожрать!

Нет, безусловно, в этом что-то есть, вот только что? Быть может, дело не просто в тени, но в особых свойствах подземелья, в которое они собирались спуститься? Что если там и впрямь существуют некие особые условия, позволяющие поменять местами миры? Но что из этого следует? И чего нужно опасаться?

Если образы, порожденные тьмой, способны обрести плоть и уничтожить людей, тогда могут погибнуть все. Она закрыла глаза и попыталась представить себе, какие последствия их ожидают, если предположения ее окажутся верны, и как защититься от теней? Однако ничего путного ей в голову не приходило.

Вздохнув, Халима подумала, что хорошо бы обратиться за помощью к Страннику. Он должен гораздо больше нее знать о мире тьмы... Вот только как ему объяснить, почему у нее возник этот вопрос. Неизбежно придется упомянуть о книге, но тогда Халима будет вынуждена при-

знаться, что утаила ее от Тени, а этого ей совсем не хотелось. Девушка задумалась и вдруг до крови закусила губу: ей неожиданно пришло в голову простое и вполне логичное предположение — а не о самой ли Тени говорится в пророчестве?

* * *

Никто не ожидал, что Разара решится покинуть свои покой и посетить Усадьбу. Прежде она выбиралась за стены Логова только ради визитов к Лухи в Похиолу и сейчас впервые нарушила давнюю традицию. Владычица прибыла в сопровождении сотни воинов под предводительством Кучулуга, половине из которых предстояло спуститься в подземелья, а второй — вернуться назад. И вот теперь эти первые полсотни выстроились в ожидании приказа, в то время как остальные с завистью смотрели на "счастливцев". Все то время, что шла подготовка, вокруг предстоящего похода и подземелей ходило множество всяких слухов (по большей части мрачных) и сплетен (почти ни одна из которых не соответствовала действительности). Как бы там ни было, а общее мнение склонялось к тому, что избранников ждет незавидная участь, и никто не рвался попасть в число первопроходцев.

Но вот сейчас, перед расставанием, тем, кто уходил, вдруг начали отчаянно завидовать. Быть может, на людей повлияло то, что в подземелья спускаются не только Север, но и Соня, и Кучулуг — самые сильные из воинов Логова, к тому

же молодые, полные сил, которым явно не надела жизнь. Да еще берут с собой не кого попало, а пятерых самых опытных, хотя и не юных уже, десятников, а те, в свою очередь, выбрали наиболее ловких и умелых ратников.

А может, повлияло еще и то, что вместе с воинами вниз уходила и Пифия... Почти все в Логове боялись молодую колдуны из-за ее жестокости и из-за того, что она ни во что не ставила жизни других людей. Но и ни для кого не было секретом, насколько трепетно она относилась к себе и как старалась не ввязываться в опасные дела.

Как бы там ни было, но те, кто прежде радовался возможности оставаться наверху и тем самым избежать опасности, теперь завидовали "неудачникам", которые неожиданно превратились в их глазах в "счастливчиков".

— При малейшей опасности бегите,— велела на прощание Разара.— Помните, что живой трус лучше мертвого храбреца. И еще одно не забывайте: я жду вас через две седмицы. Каждый лишний день ожидания покажется мне годом.

Она произнесла эти слова неожиданно мягко, впервые, возможно, пожалев о том, что у нее нет детей. Почему-то сейчас ей захотелось, чтобы у нее был сын, похожий на Вожака, умный, сильный, отважный... Ведь именно ему предстоит, опираясь на магию трона, завоевать для великой Гипербореи мир! Север же знал, что не вернется, и от этого ему вдруг стало как-то неловко. Словно он предал старого друга, хотя ничто не свя-

зывало его с владычицей, кроме проведенных в Логове лет. Однако, видимо, все было не так просто, и внезапная грусть недвусмысленно напомнила ему об этом.

Он ничего не ответил на слова Волчицы, лишь коротко кивнул на прощание и направился к своим людям, которые горделиво поглядывали на тех, кто оставался наверху.

Вожак в последний раз окинул взглядом строй, проверяя, все ли в порядке, и дал сигнал трогаться. Люди развернулись и, вытянувшись в длинную цепочку, пошли к входу в подвал. На каждом воине, и на Пифии тоже, был надет тонкий, искусно сработанный вендийскими мастерами кольчужный костюм, закрывавший все тело от ступней до ладоней. Руки же и ноги защищали сапоги и перчатки, спитые из жесткой акульей кожи с закрепленными поверху стальными пластинами. У многих на головах были стальные шлемы с поднятыми пока забралами. Одним словом, люди вроде бы могли теперь не опасаться зубастых обитателей подземелий...

За спиной у каждого возвышалась огромная торба, до отказа набитая водой и снедью. К тому же все несли по пять факелов. Вооружение составляли меч, кинжал, набор метательных игл и ножей и лук с приличным запасом стрел.

Вожак еще раз посмотрел на своих людей. Почти все если и не сгибались под тяжестью ноши, то двигались намного более медленно и неуклюже, чем обычно. Да еще доспехи... Какими бы тонкими они ни были, а все-таки весили

немало. Он пошевелил плечами с неудовольствием отмечая, что и для него ноша слегка великовата. Что ни говори, а лишняя тяжесть могла сильно помешать, случись что непредвиденное. Однако Север понимал, что выбора у них нет, да и воды и запасов снеди постепенно станет намного меньше, а к концу похода их не должно оставаться вовсе.

Наконец и он сделал первый шаг и поймал себя на мысли, как, должно быть, странно выглядит со стороны отряд вооруженных до зубов и нагруженных словно для дальнего похода людей, один за другим скрывающихся в подвале. Он усмехнулся — сторонних наблюдателей все равно быть не может! — и вслед за остальными скрылся за низкой дверью.

Знакомые ступени провели его в подвал, но ни на стенах, ни на потолке он не заметил инея. Вместо него гранитные блоки покрывал слой небрежно смытой копоти. Запах горелой плоти почти выветрился, так что здесь теперь вполне можно было дышать. Каким-то образом устроенный Халимой сквозняк больше походил на непрерывный ветер. Он дул и сейчас, оевая тела теплым потоком, явно говорившим, что несмотря на колдовство Пифии не все в недрах подземелий остыло. Изредка то одному, то другому из людей попадала в лицо горсть невесомого пепла. Едва ощущимо, но все-таки довольно противно несло гарью, и Северу все время хотелось чихать.

Так понемногу, ступенька за ступенькой, Вожак спустился в подвал и на миг остановился у

люка, рядом с которым горели, как он знал, последние факелы.

Дальше идти предстояло в темноте. Колдуны из Похиолы придумали странное приспособление в виде прозрачного нежно-голубого камня. Если прижать его ко лбу между глазами и чуть повыше бровей, то можно свободно видеть в темноте.

Правда, любой настоящий свет тогда мог ослепить... Но откуда ему под землей взяться? Тем из воинов, кто предпочитал шлемы, Гуднар вставил камни в доспехи. Остальным же, кто, как и Север, выбрали кольчужный головной убор, кузнец выковал стальные оголовья. Так что теперь участь слепцов им не грозила.

Вот и последняя ступенька. Шагнув с нее, Север услышал громкий скрип, словно под его ногами оказался плотно утоптанный снег. Он с изумлением взглянул на пол и увидел, что гранитные плиты посыпаны толстым слоем пепла, взбаламученного сотней ног. Резко запахло гарью, мелкая серая пыль висела в воздухе.

— Ап-чхи! — раздалось совсем рядом, и тут же, словно по команде, зачихали все.

Глаза Севера еще не привыкли к темноте, и он видел только неясные силуэты, судорожно вздрагивающие и размахивающие руками. Он тут же сообразил, что, топчась на месте и подпрыгивая, они поднимают в воздух все больше пепла.

— А ну заткнуться всем! — рявкнул он, поперхнувшись на последнем слове.— Вперед! Дышите ртом! И не поднимайте пыли!

Все мгновенно поняли, чего хочет от них Вожак, и так же, как и наверху, гуськом двинулись вперед, быстро удаляясь от входа в сторону, где должна находиться лестница и где пропал год назад первый отряд.

Люди шли, продолжая давиться пылью, и лишь шагов через двести приступы сделались не такими мучительными.

Еще через триста шагов впервые остановились, и Север разрешил промочить пересохшие глотки.

— Не слишком налегайте на воду! — глотнув из фляги, напомнил он. — Я вообще не знаю, отыщем ли мы здесь источники.

— Должны ведь здешние обитатели что-то пить, — заметил Кучулуг.

— Конечно, — согласился Север, — но это вовсе не значит, что они пожелают поделиться с нами. К тому же не всякую воду можно пить, — добавил он. — Рассчитывать нужно на то, что запас придется тянуть до возвращения.

— А насколько велики подземелья? — поинтересовался Холд.

— Очень велики, — уклончиво ответил Вожак. — А вот насколько — это нам как раз и предстоит узнать. — Он прекрасно понимал, что такой ответ вряд ли кого-нибудь удовлетворил, а потому добавил: — Дворец Магов, в подвале которого мы сейчас находимся, занимает квадрат со стороной в лигу, значит, подвал примерно такого же размера, но каждый следующий уровень больше предыдущего.

— Но это невозможно! — воскликнул кто-то из воинов. — Если так, то верхние этажи должны просто обрушиться вниз!

— Не забывайте о магии, — вмешалась вдруг Халима.

— Ну вот спустимся и посмотрим, на чем вся эта машина держится, — резонно заметил Вожак.

— Как глубоко ты намерен спуститься? — спросил Холд.

— Думаю, четыре-пять дневных переходов мы можем себе позволить и с нашими запасами воды, — подумав, ответил Вожак. — А там посмотрим. Найдется вода, двинемся дальше. Нет — вернемся.

— Десять лиг — приличное расстояние, — заметил еще один голос, и Север не различил в темноте, кто говорит.

— Конечно, — кивнул он, завинчивая крышечку и убирав воду. — Иначе зачем нам эти мешки с припасами? Но десять лиг — это только в том случае, если ничто не задержит нас в пути, и если... Не будем, как сейчас, топтаться на месте, — добавил он после паузы.

Пока они разговаривали, люди окончательно пришли в себя.

Теперь все ступали осторожно, с любопытством поглядывая по сторонам и пытаясь рассмотреть, где находятся, но как ни странно, видели только черные силуэты на темно-сером фоне.

— Я ничего не вижу, — сказала Соня, останавливаясь рядом с Севером.

— Вряд ли мы сумеем отбиться, если на нас нападут именно сейчас,— поддержал ее кто-то, и люди загадали: мрачная правда, как правило, не нравится никому.

— Успокойтесь,— отозвался Север, и недовольный ропот сразу стих.— Здесь сгорело все, что только могло гореть. Что вы хотите увидеть? Черные силуэты на фоне почерневших от копоти стен? Так вы их и видите.

Он отошел на десяток шагов в сторону к давно привлекшей его внимание фигуре странного существа ростом с двенадцатилетнего ребенка, с непомерно длинными и тонкими конечностями и странно вытянутой вперед головой без шеи.

До сих пор им не попалось ни одной целиком сохранившейся статуи. Все были серьезно попорчены либо пламенем, либо ветром. И вот первая неповрежденная находка. Все умолкли, наблюдая за Вожаком, будто тот пообещал им показать нечто необыкновенное. Север медленно поднес руку к плечу существа, словно опасался разбудить спящего, и тихонько коснулся странной фигуры. Люди затаили дыхание. Раздался тихий, едва различимый в полной тишине щелчок, и серая статуя рассыпалась в мельчайшую пыль. Север услышал за спиной вздох разочарования и вернулся к своим товарищам.

— Я надеялся, что хоть скелет уцелеет,— заметил он.

— Да на кой ляд нам его скелет? — удивился кто-то.

— Посмотреть, что он такое,— просто ответил Север.

— Наверное, мы сейчас в самой середине пожарища,— предположила Соня.

— Похоже,— согласился Вожак.

Кучулуг пока молчал, а о том, что Пифия с ними, люди вообще забыли, настолько незаметным оказалось ее присутствие. Спускаясь сюда, Север собирался первым делом добраться до стен и там осмотреться, надеясь, что сохранились какие-то статуи или барельефы. Теперь это желание у него пропало. Месить ногами ядовитый пепел и потом дышать им? Ну уж нет!

— Хватит отдыхать, трогаемся! — скомандовал он и, быстро обогнав колонну, зашагал во главе отряда, внимательно осматриваясь по сторонам.

Соня, конечно, права: во время пожара здесь бушевало такое пламя, что ничто не смогло уцелеть. Даже кости, прогоревшие насквозь, рассыпались в прах. Ничего! Он посмотрел вперед, туда, где выделялся десяток силуэтов, и подумал: “Может, они сохранились хоть немного лучше? Ерунда! — тут же одернул он себя,— на открытом пространстве, где даже стен не видно — одни колонны, выгорело все одинаково. С какой стати что-то могло оказаться в иных условиях?”

Север понятия не имел, как далеко простирается зал. Он, правда, сказал своим людям, что дворец занимал лигу в поперечнике, но это вовсе не означало, что и у подвала такие же размеры. Он знал лишь, что спустились они в полусотне шагов от его юго-восточного угла. Вожак посмотрел

рел вверх, но прокопченные своды терялись в вышине, и от этого подвал казался и вовсе бескрайним. Север зябко поежился: даже ему, опытному воину, здесь было как-то неуютно и тревожно. Прах сгоревших заживо тварей скрипел под ногами, и слой его все не становился тоньше, хотя прошли они уже почти четверть лиги.

Возникшие было в начале пути разговоры затихли сами собой, словно люди боялись нарушить мертвую тишину, разбудить прах заживо сожженных, по которому не могли не ступать. Чернеющие вдали силуэты понемногу приближались, и наконец Север поднял руку, давая команду остановиться, а сам подошел поближе к останкам. С первого взгляда он понял, что это такое же существо, как и то, что рассыпалось от неосторожного прикосновения. Вожак бережно коснулся заостренного уха, и оно тут же осыпалось пылью, однако скелет, судя по всему, уцелел. Север начал аккуратно сметать то, что некогда было плотью, пока череп не обнажился целиком.

— Какие странные зубы,— услышал он справа за спиной голос Кучулуга.

— Скорее, страшные,— поправила его Соня, которая остановилась тоже позади, но слева.

Север бережно взял в руки череп, легким движением отломил его и поднес к глазам, чтобы рассмотреть получше.

У неведомого существа оказались скошенный лоб и вытянутая вперед широкая квадратная нижняя челюсть, рот был полон острых конических зубов, которыми без труда можно было раз-

грызть даже самое жесткое мясо. Воины обступили Вожака и молча смотрели на находку. Теперь все поняли, что случилось прошлым летом с их товарищами. Если такие твари навалятся толпой, тут уж никакая выучка не поможет. Останется только спасаться бегством. Было бы куда бежать...

Череп пошел по рукам, но довольно скоро кто-то громко выругался. Север посмотрел назад: один из воинов, присев на корточки, искал что-то на ощупь под ногами. Словно почувствовав на себе взгляд Вожака, он выпрямился и с виноватым видом протянул ему раскрытую ладонь.

— Вот,— выдавил он из себя.— Только зубы остались.

— Выброси их,— отмахнулся Север.— Посмотрите лучше вот на это.— Он показал всем узкую трехпалую кисть, заканчивавшуюся кинжалными когтями в мизинец длиной.

— Вот дермо! — выругались в толпе.

— Если такие навалятся неожиданно, и пиннуть не успеешь,— высказался кто-то.

— А наши-то доспехи выдержат? — спросил один из воинов, ни к кому не обращаясь.

— Лук у тебя для чего?! — прикрикнул на него десятник, и парень умолк.

— Все зависит от того, насколько сильны их челюсти,— счел нужным пояснить Север.

— Сдается мне, что они не слабые,— откликнулся тот же голос.

— Ты прав,— согласился Вожак.— Хотелось бы, чтоб не пришлось проверять это на деле. Пойшли!

— Он махнул рукой.— Нужно еще добраться до

конца подвала, отыскать место для ночлега, да неплохо бы осмотреться, а то мне это пепелище уже порядком надоело.

Идти пришлось долго. Постепенно скрип пепла под ногами сменился хрустом: теперь люди ступали уже не по пеплу, а по твердой корке, крошившейся под ногами. Как ни странно, запах горелой плоти усилился, но почти сразу все поняли, в чем дело: останки, то и дело попадавшиеся на пути, представляли собой уже не рассыпавшийся в руках пепел, а обгоревшие трупы, обглоданные до самых костей. То, что плоть съедена, они поняли по белому цвету костей, и это никого не порадовало. По крайней мере, Север сразу расставил охранение и выслал вперед лазутчиков.

Люди приготовились к самому худшему. Теперь вперед продвигались медленнее, держа луки наготове.

Все напряженно вглядывались в темноту и внимательно прислушивались, но ни малейшего намека на движение, ни самого тихого шороха не доносилось до них. Теперь скелеты уже не только стояли, но и валялись тут и там, и среди них Север рассмотрел несколько видов других, более мелких, тварей. Они были очень разными и походили друг на друга только в одном: каждый обладал длинными когтями и острыми, будто заточенными, зубами.

Вожак на ходу размышлял над особенностями подземных жителей, когда вернулся один из лазутчиков и сообщил, что они наконец добрались

до противоположного конца подвала. Впереди лестница, и они остановились, не доходя верхней площадки. Вскоре удалось отыскать почти не пострадавшее от пожара место возле стены. Здесь Север решил остановиться на ночь, и люди с удовольствием сбросили на пол поклажу. Огня решили не разжигать, просто чтобы не привлекать к себе лишнего внимания.

Пока Соня возилась с пожитками, Север отправился бродить среди обгоревших останков.

Он уже притерпелся и почти не ощущал раздражавшего прежде запаха гари. Здесь он впервые почувствовал, что поток теплого воздуха идет именно со стороны лестниц. Он стал заметно горячее, хотя в самом подвале они пока жары не чувствовали — что ни говори, а колдовской лед Халимы оказался выше всяких похвал.

Соня видела, как ее возлюбленный бродит невдалеке, и терялась в догадках, пытаясь понять, что он надеется найти. Все выяснилось очень скоро, когда Север вернулся, что-то бережно неся в руках.

— Что там у тебя такое? — поинтересовалась девушка.

Вожак молча выложил перед ней четыре черепа. Все они чем-то напоминали друг друга, так что в первое мгновение девушке показалось, что они принадлежат одному и тому же виду существ, но довольно быстро она поняла, что ошибалась.

— А вот этот, похоже, кровосос, — пробасил у нее за спиной Кучулуг.

— Верно,— кивнул Север.— Он взял в руки череп мелкого животного — чуть крупнее кота.— И мне совсем не нравится, что этот вампир сумел вымахать до таких размеров. Это значит, что дичь, на которую он охотится, не меньше человека.

— Ты думаешь, здесь могли уцелеть люди? — Соня изумленно взглянула на Севера.— Но тогда их должно быть много, и они должны что-то есть... Скорее уж я поверю, что они выродились вот в этих кровожадных уродцев.— Она подкинула на руке череп с квадратной челюстью.

— Нет смысла спорить,— пожал плечами Вожак.— Для нас важно знать, кого мы можем встретить и на что они способны, а их история меня сейчас не интересует. И без того ясно, что все они произошли от кого-то, кто обитал или обитает до сих пор на поверхности, а от кого — не имеет значения. Важно лишь то, во что они превратились. Итак? — Он вопросительно посмотрел на обступивших его людей.— Никто не желает поделиться с нами своими соображениями?

— Я не знаю, почему,— наконец заговорил Холл,— но никак не могу отделаться от ощущения, что эти твари должны походить на насекомых...

— Нет,— покачал головой Вожак.— У насекомых нет скелета.

Он вновь обвел взглядом воинов, но все молчали. Видимо ничего путного никому в голову не приходило.

— Халима! — негромко позвал Вожак.— Быть может, ты что-то подскажешь?

— Я могу сказать только одно: все эти твари созданы людьми. Пока я видела только черепа двух мелких зверьков и двух крупных. Не знаю, случайность ли это, но в каждой паре у одного — острые зубы для резки плоти, а у второго — трубчатые клыки, чтобы сосать кровь.— Она посмотрела на Севера таким взглядом, словно остальных вокруг просто не существовало.— Мне кажется, ты уже понял это?

— Верно,— кивнул Вожак.— Они охотники.

— Или сторожевые псы,— добавила Соня.

— Они убийцы! — прошипела Гифия зловещим шепотом.— Существа, нарочно созданные, чтобы убивать,— закончила она, и Север недовольно поморщился, но возражать не стал.

Он вполне был согласен с ней, просто считал, что ни к чему нагнетать страх... А впрочем, быть может, оно и к лучшему. Трусов и новичков здесь нет, пусть уж знают, что здесь опасно, и не позволяют себе расслабиться.

— Думаешь, это все или можно ждать еще чего-то?

— Не знаю,— подумав, ответила Халима.— Все зависит от того, для чего они созданы. То есть на кого должны охотиться.

— Понятно.— Север кивнул, вполне удовлетворенный ее ответом.

И хотя в словах колдуны он не услышал ничего нового, но они полностью подтверждали его собственное мнение, а это радовало, потому

что означало, что, скорее всего, он не ошибся в своих предположениях.

* * *

Ближе к ночи Хэлдир вышел погреться на солнышке. Он ждал известий от Севера. Хорошо бы, конечно, чтоб тот сам приехал, но ни весточки, ни долгожданного гостя все не было. Особых причин беспокоиться старец не видел, и все-таки что-то ему не нравилось. Они договорились, что маг последует за отрядом и, держась на расстоянии, будет действовать по обстоятельствам. Сами обстоятельства никто не обсуждал, ибо не мог предвидеть, с чем люди столкнутся в подземельях. Но как раз это и позволило Хэлдиру настоять на своем: с явной опасностью воины прекрасно справляются сами, а вот в битве с тайный врагом помочь чародея может оказаться неоценимой.

Он давно подготовил все необходимое и уже три дня как мог выйти в путь. Старец ждал, а вестей не было и не было, и хотя он нисколько не сомневался, что Вожак в любом случае сообщит ему, когда отряд начнет спускаться в подземелье, но все равно волновался. Так уж, видно, устроен человек.

Маг задумчиво покусал мундштук трубки, выпустил очередное облако ароматного дыма и посмотрел на огромное, уже коснувшееся горизонта светило. Похоже, сегодня ждать больше нечего. Он вздохнул, выколотил трубку об ножку стола и еще раз посмотрел на заходящее око Митры. Черная точка, на которую он почему-то

не обратил внимания, несколько увеличилась, и старец догадался: это итица.

Он достал кисет, но не тот, табак из которого курил только что, а другой, и, набив им трубку, принялся старательно ее раскуривать. Когда он вновь поднял глаза, увидел в паре десятков локтей ворону, которая направлялась прямо к нему.

Шалло опустилась на столешницу и пару раз подпрыгнула, прежде чем окончательно остановилась. Как раз в это мгновение первое густое синеватое облако повисло над ее головой.

— Что привело тебя ко мне? — спросил Хэлдир, выпуская вверх еще одну струю душистого дыма.

— Они ушли, стар-рик! — каркнула ворона.— Пospеши!

— Ну ладно, ладно! — хмыкнул в бороду старец и тут же посеръезнел.— Давно?

— Только что.

— Хорошо,— кивнул Хэлдир.— Значит, с утра получится в самый раз.

— А у меня получится?

— Нет. Ты останешься.

— А если я очень попр-рошу? — Ворона, склонив голову набок, заглянула в глаза старцу.

— Нет, милая,— мягко повторил Хэлдир, похоже, искренне огорчившись.— Вожак не взял тебя, не желая рисковать. Я же и подавно не могу этого сделать, потому что теперь тебя могут подстрелить и свои.— Шалло отвернулась, а стар-рик продолжил: — И подумай, как потом объяс-

нить, что ты внезапно исчезла, а затем вновь появилась в Логове?

Голова воронки опустилась еще ниже. Похоже, она поняла, что надеждам ее не суждено сбыться.

— Лети-ка ты домой,— с улыбкой молвил старец,— да постараися разузнать побольше новостей к нашему возвращению. Сдается мне, они нам очень пригодятся.

* * *

Верхняя площадка, раскинувшаяся полукругом перед лестницей, размерами, скорее, походила на небольшой зал, и Север построил на ней своих людей. Теперь такие поверки придется проводить постоянно. Он окинул ширенгу внимательным взглядом. Полусотня воинов, у всех мужественные, волевые лица. Похоже, ни за кого из них особенно опасаться не стоит. Тем более не вызывали сомнений десятники, которых Север знал еще по Похиоле. О Кучулуге вообще речи не шло. Во всяком случае, двух женщин защитить они вполне смогут, хотя ни Халиме, ни Соне защитники особо не нужны. Обе вполне могут постоять за себя.

— Помните,— сказал он.— От осторожности каждого теперь будут зависеть жизни всех. Я хочу, чтобы все вернулись, и это нам по силам. Я в последний раз напоминаю об этом именно сейчас, потому что, судя по всему, дальше нам встретятся живые существа. Теперь каждый чернеющий в темноте силуэт означает не прогорев-

ший насквозь труп, а, вполне возможно, притавившегося противника. И не забывайте, что нас наверняка ждут. Я хочу, чтобы все разбились на пары, и пусть каждый не выпускает напарника из виду. Я хочу,— повторил он,— чтобы каждый, кто заметит любую подозрительную мелочь, тут же остановился и дал об этом знать остальным.

Закончив говорить, Вожак отошел в сторону, и вперед выступил Кучулуг.

— Все поняли, парни?! — гаркнул он.— Тогда живо разбиться на пары и вперед! И запомните: кто позволит себя угробить, с того я лично шкуру спущу!

Воины загоготали над грубой шуткой гирканца, быстро перестроились и после короткого отряха снова пустились в путь. Теперь, когда все знали, сколько им предстояло пройти, люди приготовились несмотря на усталость двигаться вперед без остановок. Лазутчики уже скрылись в темноте. Север, как и прежде, шагал во главе отряда, но теперь рядом с ним шла Соня — его пара, которая уж точно ни на миг не упустит Вожака из виду. На локте она держала заряженный арбалет, в то время как руки Севера оставались свободными. Кучулуг замыкал шествие. В правой руке он держал изогнутый гирканский клинок, время от времени прощупывая им золу в тех местах, которые казались ему подозрительными. Правда, пока это ни к чему не приводило. Рядом с ним вышагивала Халима. Только в отличие от Сони красавица-колдунья не глядела на своего спутника, ее больше интересовало, что

происходит вокруг. Она ничего не опасалась. Она знала, что где-то сзади идет охранение, и не сомневалась, что, напади на них кто бы то ни было, она тут же узнает о происшествии, даже если никто больше ничего не услышит.

Вытянувшись цепочкой, воины начали спускаться. Наконец и Соня шагнула на широкие ступени, сразу сообразив, что это мрамор, а не гранит, который был повсюду прежде. Откуда пришла эта уверенность, она не знала (пепел хоть и не хрустел теперь под ногами, копоть покрывала и пол, и стены), но почему-то не сомневалась даже в том, что мрамор розовый. Да и вообще, все здесь, если отмыть, должно выглядеть иначе, чем во дворцах, в которых довелось ей побывать. Девушка подумала, что Север не напрасно именно теперь счел нужным обратиться к людям с напутствием, хотя они уже почти сутки не видели солнца и вроде бы успели уже немного привыкнуть. Здесь явно должны быть живые обитатели подземелий, а значит, ждать можно чего угодно.

Лестница тоже носила следы пожара, но они не шли ни в какое сравнение с тем, что осталось позади. Собственно, огонь, похоже, вовсе не коснулся этих стен. Соня увидела следы стекавшей по ступеням прогоревшей Крови Земли, от которой на камне остались только жирные пятна. Зато перила и стены справа и слева пламя не тронуло, хотя и на них толстым слоем лежала сажа. Сама лестница производила поразительное впечатление. На одной ступени могли бы без

труда выстроиться плечом к плечу не менее двух десятков воинов. Даже в родовых замках царственных особ Аквилонии и Немедии, которые шадизарской красавице доводилось в свое время посещать, она не встречала ничего даже отдаленно похожего на это.

— Похоже, в Ахероне знали толк в архитектуре, — заметила она, и Север кивнул в ответ. — Кажется, что мы не спускаемся в подземелье, а готовимся взойти в тронный зал.

— Быть может, так оно и есть? — задумчиво ответил Вожак, шагнув за ней следом.

С правой стороны в стенных нишах стояли статуи воинов. «Прекрасная работа», — отметил про себя Север. Ни сажа, ни копоть не могли скрыть удивительно точно выполненные детали и естественность поз изваяний. Каменных воинов оказалось много. Север видел лучников, меченосцев, всадников. По мере того как отряд продвигался вперед, в промежутках между нишами все чаще появлялись барельефы с изображениями поединков, а затем и баталий.

Поначалу Соня с интересом рассматривала скульптуры, но довольно быстро они ей надоели — слишком уж их много! — и вскоре она поймала себя на том, что гораздо больше внимания обращает на то, чтобы не вляпаться в жирный след посередине спуска, оставленный Кровью Земли. И так уж получилось, что к этому времени она потеряла всякое представление о том, как далеко они успели уйти от начала спуска. «Слишком много впечатлений и слишком мало перемен», —

поняла девушка. Она по-прежнему продолжала смотреть на статуи, но теперь, скорее, бездумно, отмечая их одухотворенные, гордые лица. Как ни странно, но только сейчас она подумала о том, что, оказывается, хорошо видит. Она всмотрелась в лицо ближайшего воина и сумела различить на нем морщины и отдельные волоски на голове, искусно вырезанные скульптором.

Тем временем цепочка людей растянулась по лестнице настолько, что идущие в первых рядах полусотни воины давно скрылись из поля зрения замыкающих — ступени плавно уводили вниз и влево. Так что из хвоста колонны, где шли Халима с Кучулугом, при всем желании невозможно было разглядеть, насколько отдалилась от них головная часть отряда.

Воздух постепенно становился все более горячим и душным, опостылевший уже запах паленой плоти усилился, и это казалось странным...

— Внимание! — Вожак поднял руку. — Похоже, мы достигли первого уровня.

— Откуда ты знаешь? — поинтересовалась нагнавшая его Халима.

— Разве ты не чувствуешь, как вновь усилился запаха гари? Здесь, у подножия лестницы, должна была скопиться та Кровь Земли, по следу которой мы шли до сих пор, — объяснил он.

Однако они миновали еще один виток лестницы, прежде чем снизу выплыл зловеще чернеющий зев входа. Все невольно остановились, словно не решаясь шагнуть под своды грозно нависшего над головами портала.

Вернувшиеся лазутчики подошли к Северу.

— Там все в дыму. Мы не рискнули углубляться. Решили дождаться тебя, — сказал один из них, и Вожак кивнул, давая понять, что они поступили верно.

— Словно вход в логово самого Нергала... — испуганно прошептал кто-то.

— Жилище Нергала, говоришь? — нарочито громко обратился к воину Север. — Получается так, что не войти, значит, проявить неуважение?

С этими словами он шагнул вперед, и остальные направились следом.

— Великая Волчица... — прошептал кто-то через сотню шагов, когда отряд остановился посередине дымящегося пепелища. — Неужто и здесь то же самое?

— Ну это вряд ли, — пожал плечами Север. — То всего лишь лужа...

— ...Обернувшаяся морем огня, — закончила за него Соня.

— Да, — кивнул Вожак, — не повезло тем, кто оказался здесь не вовремя.

Они двинулись дальше: закопченные стены рассматривать никому не хотелось. Люди стремились поскорее выбраться отсюда на свежий воздух.

Тот "сквозняк", что удалось устроить Халиме, ощущался и здесь, но до сих пор он швырял людям в лица лишь гарь, да запах горелой плоти. Теперь же впервые повеяло иными запахами, густыми и резкими, от которых першило в горле, а тело сотрясалось от неудержимого кашля.

Сделав еще десять шагов, Север сошел с черного пятна, усыпанного костями обглоданных трупов, и зашагал по тлеющей трухе. Поднимавшиеся то здесь, то там дымные полосы тянулись к выходу. Похоже, пожар прошелся по всему первому ярусу, не ограничившись только его началом, на что все они надеялись. Только прошелся как-то странно, как бы выборочно. Где-то валявшаяся на полу труха прогорела до камня пола, превратившись в черную, хрустящую под ногами корку, где-то дымилась до сих пор, а в некоторых местах осталась совершенно не тронутой.

— Как бы нам здесь не угореть,— поморщилась Соня, старательно прикрывая рот и нос сложенным вчетверо платком.

— Нужно идти вперед,— ответил на ее замечание Север, и на этот раз слова его встретили гробовым молчанием — никому не хотелось лезть в ядовитый туман. Люди толпились у него за спиной в беспокойстве ожидая, что еще он скажет.— Скоро эта полоса пожаров должна закончиться.— Он обернулся к воинам: — Ускорить шаг! Лазутчики, ищите место для ночлега. Желательно — поближе к выходу. Если на следующем уровне то же самое, возвращаемся. И не беспокойтесь ни о чем. Вы сами видели — пока здесь даже заблудиться негде.

Десять человек двинулись впереди отряда, лавируя между полосами дыма. Остальные следили за ними, пока силуэты не скрылись за белесыми шлейфами.

— Вперед! — скомандовал Кучулуг.— Или вам здесь понравилось?!

Воины зашагали сквозь дым. Настроение все ухудшалось. Только что они спускались по лестнице, почти не затронутой пожаром, а после нее вдруг снова попали на пепелище.

— Халима! Ты сможешь на ночь защитить нас от дыма?

— Да,— отозвалась колдунья, и Соня с неприятным удивлением осознала, что все это время соперница ее шла всего в двух шагах за спиной.— Но для этого все должны собраться вместе.

— Хорошо,— кивнул Вожак и зашагал дальше.

Соня подумала, что, если бы не он, всех уже охватила бы паника, хотя до сих пор никто даже не попытался напасть на них.

Она попыталась представить себе, что произойдет, если из-за дымных шлейфов на них навалится лавина зубастых тварей. Север, правда, говорил, что именно в дыму нечего опасаться нападения, и это сильно походило на правду. Сама она чувствовала понемногу усиливающуюся головную боль и понимала, что если скоро — совсем скоро! — они не сумеют огородить себя от этого дыма, то даже самых выносливых могут не выдержать. Теперь же им оставалось только торопливо переставлять ноги и надеяться на лучшее. “На лучшее! — с неожиданным раздражением подумала девушка.— Какое уж тут лучшее! — Она с ненавистью посмотрела на колдунью, шагавшую теперь рядом.— Ишь, тварь, к Северу жмется...” Соня хорошо помнила, что в начале

спуска колдуны держалась подальше от нее, в хвосте отряда, а теперь неожиданно переместилась в его голову. Наверное, услышала, как воины зубоскалят по поводу того, что она прячется, и решила не искушать судьбу. Девушка усмехнулась: значит, и колдуны ничто человеческое не чуждо.

Шли уже долго. Давно миновало время обеда, но никто пока не высказал желания остановиться. У Сони настолько пересохло в горле, что она даже думать забыла о еде, и только когда неожиданно споткнулась о попавшийся на пути скелет какой-то твари, поняла, насколько устала. Голова раскалывалась от боли.

Непонятно, как Север почувствовал ее состояние, но он вдруг резко обернулся и даже успел подхватить ее. Теперь они шагали рядом, Вожак придерживал смертельно уставшую девушку за талию, и она почувствовала себя неожиданно лучше. Быть может, потому, что нараставшее все последнее время раздражение мгновенно улетучилось.

Начали возвращаться лазутчики.

Они приближались по двое, даже теперь стараясь не отрываться один от другого, чумазые от гари, с красными, воспаленными от дыма глазами.

Некоторые покачивались: видно здорово заглотались ядовитых испарений, но вернулись, как ни странно, все пары почти одновременно.

— Мы добрались до следующего спуска, — сообщил наконец один из них, воин средних лет.

— Нашли место, где нет дыма? — быстро спросил Кучулуг.

— Нет, — устало мотнул тот головой. — Лестница завалена тлеющей трухой, и там еще хуже, потому что дым поднимается со всей площади.

— Так, — кивнул Север, принимая сказанное к сведению, и перевел взгляд на остальных.

— Мы двигались левее, — заявил другой воин. — Там все так же, как и здесь.

— У нас то же самое, хотя мы вышли к стене правее спуска.

— А мы забрались в самый угол, и мне показалось, что там меньше дыма. Думаю, там вполне можно и заночевать.

— Посмотрим, — кивнул Вожак, вставая и поправляя мешок за спиной. — Веди нас.

Все бодро двинулись следом за проводником, словно и не осталось за плечами изнурительного перехода по зловонному пепелищу. Север пожалел в душе, что нет у них огня. До сих пор они так и не сумели выяснить, насколько хороши камни, которыми их снабдили колдуны Ордена, но сейчас, в густом дыму, они вряд ли смогли бы серьезно помочь. Правда, на поясе каждого болталось по пять факелов, но их нужно приберечь для крайнего случая.

Вскоре впереди показалось свободное от дыма пространство. Впрочем, вполне может статься, что это только показалось им после целого дня блужданий по затянутому сизым дымом подвалу. Так или иначе, но люди ринулись туда и вскоре уже расположились широкой дугой, сложив меш-

ки в самом углу. Халима тут же порылась в своих вещах и, достав небольшую серебряную курильницу, разожгла находившееся в ней колдовское зелье. "Дыма ей не хватает!" — раздраженно подумала Соня, но вслух ничего говорить не стала. Тоненькая струйка синеватого дымка поднялась к потолку, распространяя приятный аромат сосновой хвои.

— То-то здесь слишком легко дышалось, — проворчал кто-то из воинов, и Соня едва заметно улыбнулась.

— Магия подобия, — пояснил Север.

— Клин клином вышибают, — убежденно кивнул Кучулуг.

Воины, заметно оживившись, заговорили.

Вскоре почти все высказались по этому поводу и умолкли. Одновременно и Халима закончила простенькое колдовство, действие которого почти сразу ощутили на себе все.

Соня так и не поняла, изгнала ли колдунья ядовитый дым или просто перебила его запах, но в горле перестало першить, и она поймала себя на том, что дышит теперь свободно, даже с удовольствием. Зато одуряющей жары чары колдуньи не сняли.

— Все! Не могу больше! — раздраженно заявила наконец Соня и начала раздеваться.

Она быстро скинула невысокие сапоги, сняла кольчужную рубаху, за ней — штаны и плотную одежду, которую обычно надевали под доспехи. Оставшись лишь в тонком, полупрозрачном белье, она натянула поверх него кольчугу и на этом

успокоилась, не обращая внимания на то, что выглядит во всем этом полуголой.

Халима следила за ней с нарочито брезгливым выражением лица, ясно говорившим о том, что порядочная девушка себе такого позволять не должна. Но рыжекудрая красавица, казалось, даже не заметила этого. Север видел восхищенные взгляды воинов, почти ненавидящих — Халимы и ухмыльнулся: Соня есть Соня, ничто ее не изменит. Быть может, кто-то и впрямь мог бы назвать такое поведение бесстыдным, но здесь, похоже, так думала только колдунья. Мужчины же почти сразу последовали примеру его подруги, и вскоре многие остались в кольчужных доспехах поверх набедренных повязок.

Вожак пожал плечами и тоже разделяя, сразу почувствовав себя значительно лучше и невольно подумав о том, насколько глупы многие придуманные людьми правила поведения.

Аккуратно сложив одежду, он подсел к своей подруге, которая уже нарезала мясо и хлеб и теперь разливала вино. Она протянула Северу наполненный кубок, уселась рядом, прижавшись к нему спиной, и положила голову на плечо возлюбленного. Некоторое время оба молча жевали. Потом девушка заговорила, не меняя позы:

— Как ты думаешь, завтра дышать будет легче?

— Похоже, нам предстоит перебраться через границу огня, — проглотив кусок, ответил Вожак.

— Но почему он ушел так глубоко? — удивилась Соня. — Ведь последнее пятно попалось нам

с той стороны зала у самого входа. Там и должен был находиться последний очаг пожара.

— Да,— кивнул Север,— если бы на полу не было толстого слоя этой трухи.

Он поддел носком сапога плотно слежавшийся пласт непонятного происхождения, чем-то походивший на смесь глины, торфа и древесных опилок.

— Откуда она вообще взялась? Эта труха?

— А ты не посмотрела?

— Признаться — нет.

Соня поднесла к губам кубок и сделала хороший глоток вина.

Утолив голод и немного отдохнув, она почувствовала себя гораздо лучше. И, быть может, от вина отступила головная боль.

Девушка с улыбкой посмотрела на сидевших рядом воинов, которые явно прислушивались к их разговору.

— А я посмотрел.

— Не томи...— просительно протянула девушка.

— Ладно,— согласился он.— Так вот, я бы сказал, что это смесь костяных осколков, древесной трухи и крысиного помета. Как это ни странно, но горело, похоже, там, где больше помета, а вот труха до сих пор тлеет.

— Помет, говоришь, горел? — переспросила Соня и даже жевать перестала от удивления.— Да откуда его здесь столько? — Она обвела изумленным взглядом огромный зал, стены которого терялись в невообразимой дали. И отовсюду под-

нимались столбы дыма. Причудливо переплетаясь, они тянулись к выходу, через который вошел сюда отряд.— В некоторых местах я чуть ли не по колено проваливалась в пепел!

— Откуда? — Север заглянул в кубок, словно на дне его надеялся найти ответ на вопрос своей подруги.— Ты обратила внимание на то, что кроме пепла и дымящихся фекалий на полу валяются только обглоданные скелеты, причем совсем свежие? — Он видел, что все больше воинов начинало следить за их разговором.— Остались только колонны.— Он окинул взглядом ближайшие гранитные столбы и тонувшие в темноте стены.— Ни гобеленов, ни мебели, ни перегородок, ни стенных панелей — ничего не осталось. Куда все делось?

— И куда же все делось? — тряхнув рыжими кудрями, весело спросила Соня, и многие воины почему-то заулыбались.

— Съели! — хмыкнул Север.

— Съели...— протянула Соня, не зная, верить ей или нет.

— Съели,— убежденно повторил Вожак.— Должны же они чем-то питаться?

— Но мы же говорили...— начала было девушка, но Север жестом остановил ее.

— Это хищники ели мясо, а те, кого сожрали хищники, питались мебелью.

— Здорово!

— Ну! — Север пожал плечами.— Здорово или нет, но мы брали целый день по тому, что от них осталось.

— Нет, это грандиозно! — заметила Соня. — Тридцать веков зубастая мелочь грызла мебель и испражнялась. Другая зубастая дрянь пожирала первую и тоже испражнялась. Тебе не кажется, что это слишком?

— О чём это ты?

— Да о том, что никакой мебели не хватило бы на тридцать веков сплошного пиршества.

— Это зависит от того, сколько было едоков, — спокойно возразил Вожак. — Хотя, думаю, мебелью дело, конечно же, не ограничилось.

— А ты это о чём?

— Я хочу сказать, что тех, на кого охотятся крупные хищники, мы пока не видели. Ты заметила, сколько здесь скелетов? Что они вообще тут делали? Эти охотники, или убийцы, как назвала их Халима? Значит ли это, что и те, кем они питаются, тоже заглядывают сюда?

— К чему ты клонишь? — все еще не понимала Соня.

— А ты заметила, что мы не видели ни одного старого скелета? — Он продолжал задавать вопрос за вопросом. — Только свежие? Те, что зубастая мелочь сгрызть не успела?

Девушка задумалась над его словами, и некоторое время никто не нарушал молчания.

* * *

Хэлдир уложил поудобнее за плечами мешок, поправил висевший на боку короткий меч и, скав в левой руке отполированный бесчисленными прикосновениями посох, шагнул в двер-

ной проем. Затворив на ключ дверь, он очутился в полной темноте и замер, ожидая, когда глаза немного привыкнут. Издалека, с другого конца длинного подземного хода, неприятно тянуло гарью, но пока запах едва ощущался. Посчитав, что времени прошло достаточно, маг тихонько стукнул посохом об пол, и вершина его начала испускать сияние, слабое, но вполне достаточное, чтобы ориентироваться в темноте. Однако старец поморщился и недовольно тряхнул посохом, чтобы свечение ослабло: никто из идущих впереди не должен заметить его присутствия, по крайней мере, до тех пор, пока он сам не решит обнаружить себя. Теперь посох освещал лишь пространство на расстоянии вытянутой руки, но Хэлдир знал, что скоро глаза его станут более чувствительными и он сможет видеть дальше.

Он медленно двинулся вперед, слегка касаясь свободной рукой влажной шероховатой стены. Постепенно камень становился теплее и суще. Старик понял, что это из-за устроенного Халимой пожара, и неожиданно подумал о том, не испортился ли замок. Как же он не сообразил проверить его накануне? Если так, то дело худо...

Ключ провернулся легко, но старец не спешил, а постоял немного, прежде чем решился открыть дверь: хоть он и не почувствовал с той стороны ничего присутствия, но раздавшийся в полной тишине звук вполне мог насторожить невидимого наблюдателя.

Наконец он налег на плиту плечом, и дверь поддалась. Образовавшийся проем начал расши-

ряться, и маг снова притушил сияние посоха, не желая никого оповещать о своем появлении. Легкие наполнились горячим воздухом, в нос и горло набилась мелкая пыль, и он едва удержался от кашля. Старик осторожно протиснулся в образовавшийся проем и вновь замер, пытаясь определить в кромешной тьме, куда идти.

Вокруг царила полная тишина, но где-то вдалеке, прямо перед собой, Хэлдир ощутил присутствие людей и сразу понял, что это отряд из Логова. Отлично! Маг аккуратно затворил дверь и запер замок. Они с Севером так и не пришли к окончательному решению. Впрочем, оно и не удивительно. Никто ведь из них не знал, что ждет впереди. Если поход закончится ничем, Вожак просто вернется в Логово, чтобы продолжить поиски. Если же они найдут то, что ищут, эта дверь окажется как нельзя кстати: через нее они сумеют незаметно для всех покинуть подземелье и унести добычу.

Хэлдир двинулся вперед, стараясь как можно мягче ступать по невесомому пеплу. Через некоторое время он перестал ощущать присутствие людей и понял, что отряд начал спускаться на нижний уровень. Примерно так они и рассчитывали с Севером. Но что это? По следам воинов кроме него, Хэлдира, идет кто-то еще. А вот этого они никак не ожидали. Сам не понимая, почему, старый маг сразу догадался, что это Странник.

Старец мгновенно загасил свет посоха и замер, склонив голову так, чтобы широкие поля острогорвхой шляпы полностью закрыли лицо. Если

Странник и впрямь пользуется силами Тьмы, то наверняка должен тонко чувствовать даже малейшее присутствие света. Едва только Хэлдир застыл в неподвижности, неизвестный насторожился, словно именно меры предосторожности, предпринятые старцем, привлекли его внимание.

Он повернулся к магу черным провалом капюшона и долго всматривался в разделявшую их темноту. Быть может, обычный человек и не почувствовал бы обшаривающего пространство взгляда, но Хэлдир почти физически ощущал на себе злую волю незнакомца, сравнимую разве что с потоками холодной воды, которые накатываются на обнаженное тело, или с порывами осеннего ветра, швыряющего в лицо ледяную морось. Но несмотря на то что маг видел Странника, поиски Тени закончились ничем, потому что противник его оказался совсем не прост.

Некоторое время Странник оставался на одном месте, упорно продолжая поиск, а когда убедился, что все вокруг спокойно, отвернулся и неспешной походкой двинулся дальше, решив, что пятнышко света, на мгновение мелькнувшее в глубине зала, ему просто привиделось.

Хэлдир же молча наблюдал, как неведомый противник медленно удаляется. Вот он задержался на мгновение в самом углу зала и исчез. Что ж, задача старца стала сложнее и одновременно, как это ни странно, проще.

Он понимал, что теперь придется скрывать свое присутствие не только от лазутчиков Севера

(что было совсем нетрудно) и от Халимы, у которой хватало и своих сложностей, но и от свободного в своих действиях Странника. К тому же неизвестно, что он вообще задумал и зачем появился здесь. Если он говорился с колдуньей и задумал расправиться с Соней и Севером, это может грозить большой бедой...

А у него, Хэлдира, нет ни малейшей возможности предупредить друзей! Вот когда ворона-то пригодилась бы. Видно, он погорячился, отказав Шалло в ее просьбе. Почему-то ни один из них не подумал о том, что может возникнуть необходимость срочно связаться друг с другом.

Ладно, теперь уже ничего не исправить. Придется сосредоточиться не на поисках, а на Страннике. Для этого нужно и впредь оставаться незамеченным. И, чтобы не тратить на это лишнее время и силы, перво-наперво нужно обезопасить себя. Маг замер и сосредоточился, чувствуя, как привычно обостряется внутреннее зрение, непрозрачные преграды становятся проницаемыми для взгляда, хотя по-прежнему остаются непреодолимыми для плоти. Он послал сознание вперед, раздвигая границы окружающего пространства.

Стена, высившаяся справа от него, мягко качнулась и поплыла назад, на ходу превращаясь в студенистую полупрозрачную массу, сохраняя лишь форму. Вскоре он увидел и противоположную стену, которая успела уже превратиться из мутного студня в закопченное стекло. В самом углу он разглядел светлый провал выхода на

площадку перед спуском. Странник остановился на первой ступени, по-видимому, напряженно прислушиваясь к поднимавшимся из глубины звукам. Хэлдир тут же приостановил свое мысленное продвижение, и все-таки противник почувствовал мимолетное касание чужой воли.

Старик молниеносно отпрянул и затаился, творя защитные заклинания. Он знал, что теперь обнаружить его можно только по неосторожным мыслям или опрометчивому движению, и весь обратился в зрение и слух.

Его молодые друзья говорили, что, беседуя со Странником, не видели его лица. Более того, ни один из них даже мельком не смог заметить ни рук, ни ног таинственного незнакомца, и Хэлдир вполне резонно предположил, что тот представляет собой лишь сгусток злой воли их старинного, но до сих пор неведомого врага. Тот ли это враг, присутствие которого на Ак Сале они безуспешно пытаются обнаружить, или кто-то иной, старец сказать не мог, но в том, что между ними существует связь, не сомневался. Откуда взялась эта уверенность, он не знал, но, как и Север, привык доверять своим ощущениям и теперь жадно следил за действиями незнакомца.

Своим внутренним зрением они видел все ту же фигуру в сером плаще с накинутым на голову капюшоном. Как ни странно, но плащ не стал прозрачным, а сохранил материальность. Однако Хэлдир сразу забыл о глубокомысленных рассуждениях, когда увидел, что незнакомец обернулся именно к нему, как ни странно, безошибочно

отыскав среди хаотического скопления силовых сгустков тот, что оказался создан волей мага. Старец тут же заставил себя ни о чем не думать. Он просто видел внутри капюшона ту самую тьму, о которой рассказывала Соня, и два устремленных на него глаза... В том, что это именно глаза, Хэлдир не усомнился ни на миг.

На два-три удара сердца старый чародей ощущил панический ужас, и хотя сразу же подавил его усилием воли, мимолетный всплеск чувств не укрылся от "взгляда" его противника. Маг увидел, как молниеносно придвинулся к нему капюшон Странника.

Так два любящих человека всматриваются в лица друг друга, стремясь впитать каждую черточку... Хэлдира тоже рассматривали, но не с любовью, а с холодной ненавистью и изрядной долей любопытства, словно невиданное до сих пор диковинное животное.

Вот только животное оказалось весьма интересным, оно упорно ускользало от взгляда, быть может, даже просто пригрезилось... Старый маг не допустил второй ошибки. Собрав всю свою волю, он тоже вглядывался в невидимое лицо врага, и потому не мог сказать впоследствии, сколько длился этот бессловесный поединок.

Внезапно капюшон отпрянул, но не на прежнее место, а всего лишь на расстояние вытянутой руки, и Хэлдир почувствовал, как его обдало порывом холодного ветра.

Вслед за этим ледяные пальцы начали ощупывать его, пытаясь отыскать то, что не смогли

разглядеть глаза. Наконец и это занятие приснули Страннику, а может, он просто понял, что все его усилия напрасны. Как бы там ни было, но он вновь переместился к лестнице и, в последний раз взглянув туда, где, как ему показалось, притаился сгусток враждебной воли, начал спускаться.

Хэлдир следил за ним, по-прежнему заставляя себя ни о чем не думать, и только когда существо в сером плаще скрылось за поворотом лестницы, стремительно ринулся назад. Словно очнувшись от тяжелого обморока, стариk прислонился к стене и, тяжело дыша, прикрыл глаза. Сил на борьбу ушло неожиданно много. То ли он оказался не готов к встрече, то ли противник был слишком силен, но маг понял одно: он, конечно, должен приготовиться к драке, но допускать ее ни в коем случае нельзя.

Для открытого боя время еще не приспело. Он должен просто держаться на расстоянии, чтобы в любое мгновение прийти на помощь своим друзьям.

* * *

Ночь прошла спокойно. Чары Халимы охраняли отряд. По крайней мере, во время сна никто не перегрелся и не угорел.

Впрочем, первое, скорее всего, объяснялось тем, что, за исключением колдуньи, все последовали примеру Сони и теперь щеголяли в надетых на голое тело кольчугах, уподобившись поклонникам древнего культа Деркэто, говорят, еще

сохранившего приверженцев кое-где на юго-востоке Хайбории, в основном в Стигии.

Сборы почти закончились, когда Кучулуг подошел к Северу:

— Дозорные утверждают, что кто-то бродил вокруг лагеря ночью.

Соня затянула петлю на мешке, отложила его в сторону и вопросительно посмотрела на гирканца.

— Ты уверен, что им это не привиделось? — спросил Вожак.

— Что я могу сказать? — Гирканец пожал могучими плечами.— Двое клянутся, что видели серый силуэт... Правда, издалека. А уж видели они что-нибудь на самом деле, или с ними сыграли шутку усталость, дым и этот камушек во лбу?.. — Он коснулся магического кристалла, вделанного в оголовье, и вновь пожал плечами.

— Понятно,— кивнул Вожак. Он и сам понимал, что все устали, нервы напряжены, от вонючего дыма кружится голова — в таких условиях от людей нельзя требовать слишком много. Хорошо уже то, что они вообще не заснули да не полезли в драку с видением.— Веди отряд. Я задержусь.

— Я с тобой! — тут же заявила Соня тоном, не терпящим возражений.

Вожак посмотрел на свою подругу долгим взглядом и понял: что бы он сейчас ни ответил, она все равно поступит по-своему. Он хорошо знал это ее настроение: спорить в таких случаях не имеет смысла.

Отряд покинул зал, а они затаились у выхода и принялись ждать. Едва стихли шаги за спиной, девушки показалось, что она и впрямь увидела серый силуэт, на пределе видимости мелькнувший между двумя дымными шлейфами. Она тотчас пихнула Севера в бок, но он лишь сдавил в ответ ее локоть и процедил сквозь зубы: "Не ше-ве-лись!"

Оба замерли, уподобившись стоявшим на лестнице изваяниям. Их глаза продолжали обшаривать призрачную темноту, упорно выискивая в ней Странника. Оба, не сговариваясь, пришли к выводу, что это именно он идет по следу отряда. "Что ему понадобилось здесь? — думала Соня.— Неужели старый маг прав, и в этом проклятом подземелье скрыты тайны, к которым не прочь приобщиться даже таинственный Странник?"

Однако время шло, а никто так и не появился, и ни Вожак, ни его подруга, не смогли сказать, видели они на самом деле кого-то или им только померещился незнакомец в сером плаще. На самом деле могло произойти и то, и другое. Однако со свойственной любому нормальному человеку осторожностью или, быть может, здоровой подозрительностью, оба посчитали, что все-таки видели чужака, просто... Просто, в свою очередь, и он заметил их и предпочел второй раз не попадаться им на глаза — пусть лучше думают, что это иллюзия, порожденная дымом. Похоже, именно это предположил Север.

— Пошли,— коротко сказал он, и случилось это значительно раньше, чем ожидала его подруга.

га.— Ничего мы тут больше не высмотрим. Он понял, что допустил оплошность, и не позволит нам снова увидеть себя,— заметив недоумение на ее лице, пояснил он, и девушка не стала спорить.

Быстрым шагом они направились вниз по лестнице, гадая, далеко ли успел уйти отряд.

— Как думаешь, мы его все-таки видели? — не удержалась от вопроса Соня.

— Не знаю,— задумчиво ответил Вожак,— можно ли увидеть сквозь этот камень,— он тронул пальцем оголовье,— то, чего нет, но, думаю, нам не могло почудиться одно и то же. Там явно кто-то был...

Соня недовольно поморщилась, но тут же с уважением посмотрела на возлюбленного. Сама она об этом и не подумала...

Значит, это мог быть мираж? Что ей известно о миражах? Это видение, и возникает оно чаще всего в пустыне, а там очень жарко и кругом пески. Жарко? Но ведь...

— Послушай,— оживилась она.— Я слышала, что мираж — это не всегда иллюзия. Иногда он позволяет увидеть существующие на самом деле предметы, но очень отдаленные. Такие, что из-за большого расстояния кажутся призрачными.

— В том-то и дело,— скромно отозвался он.

Вот это да! Она вновь с уважением посмотрела на воина. Оказывается, он и об этом подумал. Итак, что получается? Она вновь задумалась и поняла, что хорошего не получается ничего. Выходит так, что они видели Странника или кого-то похожего на него как две капли воды, но

реально существующего здесь, в подземелье! Значит, кто-то следит за отрядом...

— Так ведь это же...— начала было она, но Вожак остановил ее.

— Нет,— возразил он, вновь показав, что соображает, может, и не намного, но быстрее.— Это не наш друг,— продолжил Север, и Соня поняла еще одно: он не только догадался, о чем она думает, но и своим восклицанием предостерег ее. Она чуть было не назвала мага по имени. А ведь совсем ни к чему, чтобы кто-то, пусть даже случайно, услышал его.

— Мне никогда не стать такой, как ты,— вздохнула девушка, тут же забыв и о Страннике, и обо всем, что с ним связано.

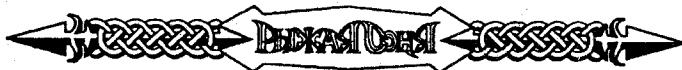
— Ты лучше,— улыбнулся он и мягко обнял ее за плечи.— Оставайся такой, как есть.

* * *

Довольно скоро отряд подошел к еще одной ведущей вниз лестнице, которая как две капли воды походила на ту, что они уже миновали. Только на этот раз спуск плавно поворачивал не влево, а вправо.

Первое время воины еще рассматривали стоявшие здесь статуи, но очень скоро это занятие прискучило: все это они уже видели совсем недавно. Кто-то даже высказал мысль, что с одних и тех же изваяний сделаны многочисленные копии и расставлены тут в ином порядке.

Теперь люди редко разговаривали: похоже, на всех вновь начала влиять гнетущая тишина. Если

кто-то и обращался к соседу, то говорил торопливым шепотом, а остальные при этом оборачивались, словно человек разговаривал одновременно со всеми. Большую же часть времени слышалась только тяжелая поступь воинов — иногда гулкая, когда кто-то ступал на голый камень, иногда мягкая, когда нога попадала в кучу трухин.

Второй спуск оказался намного длиннее первого, и несколько раз Север останавливал отряд, чтобы люди могли промочить горло: поток теплого воздуха, поднимавшийся снизу, становился все сильнее. В такие мгновения люди не слышали вообще ничего, кроме странного потрескивания, словно где-то нагревался или, наоборот, остывал камень.

Всего три человека в отряде чувствовали себя вполне нормально: Халима, Соня и Север. Во всяком случае, так казалось со стороны. Девушки шагали совершенно беззвучно и легко, словно не касаясь ступнями пола, походка Севера была твердой и уверенной. Впрочем, он вообще никогда не позволял себе выказать не только недовольства трудностями, но даже намека на усталость.

Глядя на них, остальные невольно подтягивались, и никто даже не подозревал, что этих троих вела вперед не только взваленная на плечи, быть может, помимо их желания ноша, но и неподдельный интерес к сокрытым в недрах подземелий тайнам. Правда, воинам обещали, что найденные богатства достанутся им, но если наверху это всех несказанно обрадовало, то теперь многие задавались вполне уместным вопросом: а не со-

вершили ли они глупость, за которую придется расплачиваться самым дорогим — своей жизнью?

Вскоре вернулись лазутчики и сообщили, что достигли второго уровня. Все встрепенулись и довольно оживленно заговорили друг с другом, но почти сразу общее воодушевление сошло на нет: снизу поднимались такие мощные потоки горячего воздуха, словно отряд приблизился к краю огромного пожарища. Однако все пошли вперед, но через пару сотен локтей шаги замедлились. Снизу доносилось потрескивание пламени, и отблески огня плясали на прокопченных стенах.

Наконец-то лестница осталась позади, и все, включая лазутчиков, выстроились перед огромной аркой. Необъятное пространство, раскинувшееся перед ними, горело. Судя по тому, как весело плясало пламя, огонь проник сюда сравнительно недавно. И, похоже, здесь оставалась еще мебель... Вернее, остатки ее. По крайней мере, в некоторых местах пламя обрисовывало разнообразные предметы.

Насколько хватало глаз, пыпало все, а стен никто не сумел разглядеть из-за поднимавшегося вверх жаркого марева и клубов белесого дыма. Зато впервые Север сумел оценить высоту зала.

— Он походит, скорее, на огромную естественную пещеру, — заметила Соня, и Вожак рассеянно кивнул.

— Верно, — согласился он, оборачиваясь к своим людям. — Мы должны пройти зал за один переход. Заночуем с той стороны. И советую

снять кольчуги тем, кто не хочет изжариться заживо.

Воины тут же принялись раздеваться, вместо стальных ячеистых доспехов натягивая на тела одежду, которую кое-кто накануне собирался выбросить.

— А если не доберемся? — спросил кто-то.

— Доберемся, — заявила неожиданно Халима. — Я дам каждому по платку. Дышать придется через него. Это, конечно, не слишком удобно, но один переход можно и потерпеть.

— Все поняли?! — гаркнул Кучулуг. — В платки только дышать! Если увижу, что кто-то сморкается — дух вышибу из поганца!

Огромный и мускулистый, весь заросший пробивавшимся даже сквозь звенья кольчуги густым черным волосом, он выглядел грозно. Однако его предупреждение никого не напугало, а, наоборот, вызвало вспышку неожиданного веселья.

Лазутчики первыми получили платки и, сжимая рукояти мечей, начали растягиваться длинной цепью, которая причудливо извивалась между поднимавшимися от пола языками пламени и горевшей утварью. Вскоре тот лазутчик, что шел первым, скрылся за дымной стеной, и тогда за ними двинулся Север.

Участок пути оказался трудным. Вожак ожидал, что переход через огненное поле получится непростым, но не думал, что зал второго уровня окажется настолько больше зала первого. Он, конечно, видел планы, но все-таки ошибся в своих расчетах. К тому же он надеялся, что

лазутчики сумеют провести отряд среди очагов пламени, не поворачивая назад, и эта надежда тоже не оправдалась.

Им пришлось петлять, огибая протяженные очаги огня, а несколько раз все были вынуждены отступить из-за невыносимого жара, хотя проход казался вполне доступным. Все это вместе привело к тому, что на переход через зал ушел остаток дня. И вновь о еде никто даже не заикнулся. Люди упрямо шагали вперед, сквозь жар и дым, каждый старался двигаться быстрее и не стоять на месте, потому что не остывший еще пепел и раскаленный пол жгли ноги даже сквозь толстые подошвы сапог.

Последнюю часть пути Соня брела словно во сне. В конце концов она почувствовала, что не в силах идти дальше, даже держась за Севера, и тому пришлось взять ее на руки. Кроме того, тряпицу свою она потеряла, сама уже не помнила, когда, так что ей даже начало казаться, что дышит она не воздухом, а пламенем. Она и не заметила, что Вожак отдал ей свой платок, соорудив из него и полоски материи нечто вроде повязки, закрывающей рот и нос.

Наконец огненное поле осталось позади. Север понял это, когда увидел собравшихся в одном месте лазутчиков, а справа от них — темнеющую арку выхода. Остановившись рядом с ними, Вожак поставил девушку на пол, и она безвольно повисла у него на плече.

За ее спиной чернел овал портала, из которого тянуло прохладным и оттого казавшимся благо-

уханным воздухом. В его потоке рыжие волосы девушки слабо колыхались, напоминая оставшиеся позади языки многочисленных костров.

Наконец Соня открыла глаза и очумело затрясла головой. Словно сквозь пелену, слышала она мужские голоса. Ее товарищи явно о чем-то спорили, и девушка никак не могла понять, чего им неймется? Сейчас бы только попить немного водички, прислониться к стене и поскорее заснуть. Впрочем, можно и не прислоняться, можно и так — стоя... Место только нужно выбрать на сквознячке, чтобы ветерок обдувал...

Спор все не прекращался, а наоборот, по мере того как воины выходили из огня, становился все оживленнее, и Соня поневоле начала прислушиваться к разговору.

— А чего ты ожидал? — спросил Север Кучулуга.

— Трупов, — пожал тот могучими плечами. — Я ожидал увидеть трупы... Еще целые.

Соня посмотрела на гирканца и увидела с ним рядом его подругу, которая совсем не выглядела изможденной. Халима насмешливо смотрела на свою счастливую соперницу. Останься у Сони побольше сил, она, быть может, ввязалась бы в ссору, но сейчас, вместо того чтобы затевать перебранку, красавица просто прижалась к Северу и сделала вид, что на все остальное ей наплевать.

— Нет, друг Кучулуг, — молвил Север. — Здесь нет трупов, и не должно быть.

— Почему ты так уверен?

— Кровь Земли ведь сюда не затекла, ты это сам видел.

— Откуда же взялся огонь?

— В том-то и дело, — улыбнулся Вожак. — Я думаю, кто-то принес его на себе.

— На себе? — Кучулуг удивился и не скрывал своего удивления.

— А как иначе? — Север развел руками. — Либо шкуру кто-то подпалил в огне, либо одежду. Остановился отдохнуть, труха под ним занялась... — Север умолк, размышляя о том, как все могло происходить, а остальные все это время терпеливо ждали, что он скажет, словно заранее соглашаясь с Вожаком. — Я даже думаю, — заговорил наконец он, — что тут вообще могло ничего не загореться, если бы не сквозняк, устроенный Халимой, чтобы проветрить подвал.

— Ну извини, — ехидно отозвалась колдунья и, поджав губы, добавила: — Я вполне могла бы обойтись и без этого.

Соне невольно подумалось, что Пифия и впрямь могла бы дышать любой дрянью, но говорить ничего не стала: в последнее время она научилась не давать воли чувствам... По крайней мере, научилась сдерживаться, когда сама считала нужным.

— Впрочем, почему начался пожар здесь, не так уж и важно, — примирительно заметил Вожак. — Гораздо важнее то, что огонь, похоже, все-таки не перекинулся на нижние уровни.

При этих словах все невольно обернулись в сторону портала и как по команде вдохнули

прохладный воздух, который вытягивало сквозняком из расположенных ниже залов.

— Я думаю, Вожак прав,— заметил Холд.— Прав, потому что его толкование объясняет и причину того, что пожар запоздал здесь, и отсутствие трупов: огонь распространялся не так стремительно, как на верхних уровнях, и все живое успело попросту смотреться.

— Лучше бы сгорело,— поморщилась Халима.

И хотя все понимали, что она, безусловно, права, никто не поддержал колдунью.

На ночь расположились тут же, лишь чуть отойдя в сторону со сквозняка: поток прохладного воздуха вызывал у людей озноб. Зато под защитой стены воины расположились со всеми удобствами.

— Уже в третий раз мы думаем, что следующий спуск — последний перед обитаемой зоной,— заметила Соня после ужина, когда они устроились на расстеленном одеяле.

— Теперь и правда последний.

— Да,— согласилась девушка.— Похоже на то... Но знаешь, я почему-то не испытываю по этому поводу радости.

— Просто мы слишком долго ждали,— заметил Вожак.

— Наверное,— пожала плечами девушка.

— Увидишь,— убежденно кивнул воин,— завтра спустимся вниз, и от твоей нерешительности не останется и следа.

— Да это не нерешительность,— задумчиво заметила воительница.— Просто какое-то стран-

ное ощущение... Я даже не знаю, с чем его сравнить.

— Тайна,— улыбнулся Север.— Так и должно быть. Не знаешь, чего ждать, потому и напряженno думаешь о том, что предстоит.

— Ах ты мой мудрец! — Она сладко потянулась и, обвив его шею руками, нежно поцеловала в щеку.— Все-то ты знаешь.

Утром все проснулись с прекрасным настроением. Никто уже не высказывал желания вернуться, никто не говорил, что воды явно недостаточно, хотя они и израсходовали ее больше, чем рассчитывали. Похоже, теперь, когда исчезли жар и духота, а последнее пожарище осталось позади, к людям вернулась надежда разбогатеть, ради которой они молчаливо соглашались терпеть все лишения.

Сразу после завтрака двинулись вперед, и вновь потянулись бесконечные ступени под ногами и бесчисленные статуи в нишах у правой стены. Правда, на этой лестнице одежды изваяний больше смахивали на восточные, но в основном все осталось таким же, как и прежде. Наверное, лестница не уступала длиной предыдущей, но подгоняемые нетерпением люди не заметили, как оставили ее позади.

Оказавшись на третьем ярусе, они остановились, пораженные. Сюда действительно не добрались пожары, но и жизни тут не было никакой. Зал оказался пустым и голым, и это выглядело, по меньшей мере, странным. Воины шепотом делились впечатлениями, и гулкое эхо разбрасы-

вало их слова, кидая от стены к стене. Огня зажигать не стали. Но без него в мертвенно-голубоватом колдовском свете открывшаяся глазам картина казалась едва ли не более зловещей, чем полная темнота.

Никогда прежде Соня не думала, что тишина и пустота могут производить на человека столь гнетущее впечатление.

Однако сейчас она многое отдала бы за то, чтобы услышать хоть какой-то звук, пусть даже не самый приятный, только бы избавиться от звона в ушах.

Зал оказался исполинских размеров, и Север окончательно уверился, что это естественная пустота в недрах земли, которую люди просто-напросто обустроили, приспособив для собственных нужд.

Когда-то здесь располагался целый город. Север увидел истлевшие, либо изгрызенные остатки шатров.

Большинство из них обрушилось полностью, некоторые частично, но кое-что вполне прилично сохранилось.

Вожак вошел внутрь одного из уцелевших каркасов и осмотрелся.

Шкуры, ковры, шелк обивки — если когда-то все это и существовало, то давно оказалось съеденным, равно как столы и скамьи. Та самая немыслимая смесь, что горела на верхних уровнях, и здесь устилала пол ровным слоем. Наконец Север наткнулся на то, что некогда было окованым железными полосами сундуком. Его

деревянные части давно сгнили или перекочевали в желудки ненасытных грызунов, но металлический каркас уцелел.

Взглянув на него, Вожак понял, что полыхало на предыдущем уровне.

Интереса ради он поддел мечом крышку, но убедился лишь в том, что содержимое давно уже выгребли.

— Ну и как успехи? — поинтересовалась наблюдавшая за ним Соня.

— Похоже, уходя, все мало-мальски ценное они забрали с собой.

— Ты в этом уверен?

— Можно покопаться в этом, — он поддел ногой смесь опилок, помета и трухи, — но у меня лично нет ни малейшего желания.

— В любом случае этим можно заняться и позже, — заговорила Халима, и Соня с неприятным удивлением отметила, что успела уже забыть о существовании колдуньи, хотя никогда до сих пор они не находились столько времени так близко друг от друга.

“Что она бродит, как тень, за нами? Следит, что ли?” — мелькнула у Сони неприятная догадка.

— Все правильно, — согласился Вожак, — идем. Они вновь двинулись вперед.

Шли медленно, стараясь ничего не упустить из виду, хотя и смотреть тут было особенно не на что. Все те же остатки шатров, выглядевших странно, если вспомнить о том, что находились они под землей, да исполинские колонны в три

обхвата, равномерно, через каждые сто шагов, уносившиеся в темноту над головой.

Соня посмотрела на одну из них. Обработанный до зеркального блеска красный гранит поднимался на высоту примерно четырех ее ростов и заканчивался искусно вырезанной капителью. Выше капители ствол плавно переходил в расширяющийся кверху гранитный массив. И сколько она ни пыталась рассмотреть, что там, еще выше, ей так и не удалось этого сделать. То ли камни, которыми снабдили их колдуны, оказались не слишком сильными, то ли с их помощью можно было смотреть только вперед, но никак не вверх.

Наконец вернулись лазутчики и сообщили, что выход прямо перед ними.

Когда они расположились неподалеку от него на ночлег, отыскав свободный от мусора участок пола, Соня заметила:

— Что-то мне не слишком нравится эта пустота.

— Это и в самом деле выглядит странно,— согласился Вожак.— Но причина какая-то наверняка есть, и мы ее узнаем.

— С тобой невозможно разговаривать,— Соня досадливо поморщилась.— Как будто я и сама не понимаю, что причина найдется?! Вопрос в том, какой она будет и когда отыщется? Не оказалось бы слишком поздно!

Хэлдир медленно спускался по лестнице. Он только что миновал первый уровень, засыпан-

ный тлеющей трухой, и теперь неспешно шагал по широким ступеням, с интересом рассматривая многочисленные барельефы и статуи, когда вдруг почувствовал, как сзади приближается опасность. Этого он никак не ожидал.

Кто мог догонять его, он не знал, но мысль о Страннике даже в голову ему не пришла. После той памятной игры в прятки Хэлдир потратил на отдых много времени и сильно отстал. Зато появилось время поразмышлять, и он понял, что теперь излишне упорное стремление держаться поближе к своим друзьям может принести больше вреда, чем пользы. Правда, он так и не выяснил, на что способен Странник, но, по правде говоря, и не собирался это выяснять сейчас. Всему свое время.

Хэлдир прибавил шагу, уменьшив свечение посоха настолько, что крохотный огонек теперь едва угадывался в темноте. Двигался он несмотря на бездну прожитых лет не хуже многих молодых и в какой-то миг понял, что идет наконец с такой же скоростью, что и преследователь.

Значит, нужно выдержать ее, чтобы успеть осмотреться в зале, прежде чем незнакомец нагонит его. Маг не боялся наткнуться на отряд Севера просто потому, что слишком отстал от него, но если бы даже такая возможность была, он лучше бы встретился с людьми из Логова, чем с неведомым врагом.

Он ворвался в портал и невзирая на взметнувшиеся ему навстречу языки пламени свернул за угол, чувствуя, что преследователь уже совсем

близко. И в то же время он ничего не слышал, кроме треска горевшего дерева да собственного учащенного дыхания.

Старик побежал влево от входа, на мгновение задержался у статуи конного воина, прикидывая, а не спрятаться ли за ней, но тут же отверг эту мысль и, достигнув следующей ниши, притаился за мраморным изваянием, изображавшим человека в длинных одеждах, который что-то говорил, вытянув перед собой руки. Лучше и не придумаешь.

Хэлдир притаился за спиной каменного оратора и принялся ждать, напряженно следя за входом. Кто там появится? По привычке он сотворил необходимые пассы руками и прошептал охранительные заклинания.

Вовремя. Едва губы его сомкнулись, как под сводами портала появилась фигура в сером плаще с накинутым на голову капюшоном. Хэлдир успел удивиться про себя, как незнакомец выносит такую жару (сам он просто изнемогал в плаще), как вдруг его осенило. Так ведь это же Странник! Он едва ли не расхохотался и в тот же миг почувствовал, что слов не находит от изумления.

Он понять не мог, как сумел Странник, которого он выпустил вперед, так сильно отстать.

Где он бродил все это время, а главное — в каком месте и каким образом они сумели разминуться? Хэлдир шел осторожно, опасаясь нарываться на своего загадочного противника. Единственное место, где они могли разойтись, — дымное

поле на первом уровне. Казалось бы, проще простого. Вот только что Странник искал там? Почему задержался?

Старый чародей посмотрел на своего невольного попутчика. Тот по-прежнему стоял под сводами арки, словно что-то выискивал. Что он там высматривает?

Маг подался вперед, чтобы лучше видеть, и даже думать забыл о жаре. Странник сам ответил на все вопросы. Он направился вдоль стены с нишами, в одной из которых спрятался и Хэлдир, но шел не вплотную к стене, а по границе огня. "Похоже, он и впрямь не чувствует жары", — подумал старец, но тут же заметил, что человек в сером плаще ступает не по языкам пламени, а искусно, почти незаметно для взгляда, лавирует между ними. Вот он остановился прямо перед одним из них — как раз между местом, где спрятался маг, и конной статуей — и замер, словно выбирая, куда идти дальше.

Будто завороженный, Хэлдир смотрел, как огонь едва ли не лижет подол плаща, но материя не загоралась! А сам Странник явно не чувствовал жара пламени!

"Это плохо... Ох, как это плохо!" — подумал маг и вновь уставился на таинственную фигуру. Странникостоял на месте всего несколько ударов сердца и решительно направился к конной статуе.

Оттуда, где он стоял, маг не мог как следует рассмотреть, что там происходит. Он лишь предположил, что Странник что-то ищет... Но что?

Тем временем незнакомец запустил руку за извяяние и достал какой-то предмет.

По характерным движениям, с которыми разворачивают многократно сложенный пергамент, старец понял, что это могла быть только записка.

Человек в плаще поднес ее к капюшону, стремительно пробежал глазами текст и бросил послание в огонь...

Конец первой книги

СОДЕРЖАНИЕ

Питер Найл
ЖЕЗЛ ЗМЕИНОГО БОГА

7

Джордж Бейли
ПОДЗЕМЕЛЬЕ ПИФОНА

227

Литературно-художественное издание

РЫЖАЯ СОНЯ И ПОДЗЕМЕЛЬЕ ПИФОНА

Руководитель проекта Дмитрий Ивахнов

Составитель Наталья Баулина

Художник Властилав Асадуллин

Художественный редактор Игорь Богданов

Шрифтовой дизайн: Дмитрий Вяземский

Верстка: Лариса Андреева

Технический редактор Валентин Успенский

Корректор Светлана Митина

Подписано в печать с готовых диапозитивов 09.06.2000.

Формат 84x108¹/32. Гарнитура «Школьная».

Печать офсетная. Бумага типографская. Усл. печ. л. 23,52.

Тираж 5000 экз. Заказ 1982.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Издательство «Северо-Запад Пресс»

Лицензия ИД № 00450 от 15.11.1999

Санкт-Петербург, ул. Казначейская, д. 4/16, лит. А

Для писем: 197022, Санкт-Петербург, а/я 125

sz-press@peterlink.ru

ООО «Издательство АСТ» Лицензия ИД № 00017 от 16 августа 1999 г.
366720, Республика Ингушетия, г. Назрань, ул. Кирова, д. 13

Наши электронные адреса: WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Налоговая льгота — Общегосударственный классификатор
Республики Беларусь ОКРБ 007-98, ч. 1; 22.11.20.300.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

САГА О РЫЖЕЙ СОНЕ

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЕТЕР
БЕЗДНЫ

1

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ВЛАДЫКА
ПЛАДШИХ

2

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЦИГАДЕЛЬ
ПЕСКОВ

3

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ДЕМОН
СНОВ

4

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КОЛЬЦО
СУДЬБЫ

5

РЫЖАЯ
СОНЯ
И СЛЕПОЙ
БОГ

6

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЩЕЛЬЕ
СМЕРТИ

7

РЫЖАЯ
СОНЯ
И КРОВЬ
ВЕДЫМЫ

8

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЛОВЦЫ
ДУШ

9

РЫЖАЯ
СОНЯ
И УЗНИКИ
КАМНЯ

10

РЫЖАЯ
СОНЯ
И МЕЧ
СЕВЕРА

11

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ЗОВ
АРЕНЫ

12

РЫЖАЯ
СОНЯ
И ПОДЗЕМЕЛЬЕ
ПИФОНА

13

ISBN 5-93698-024-3

9 785936 980244